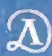
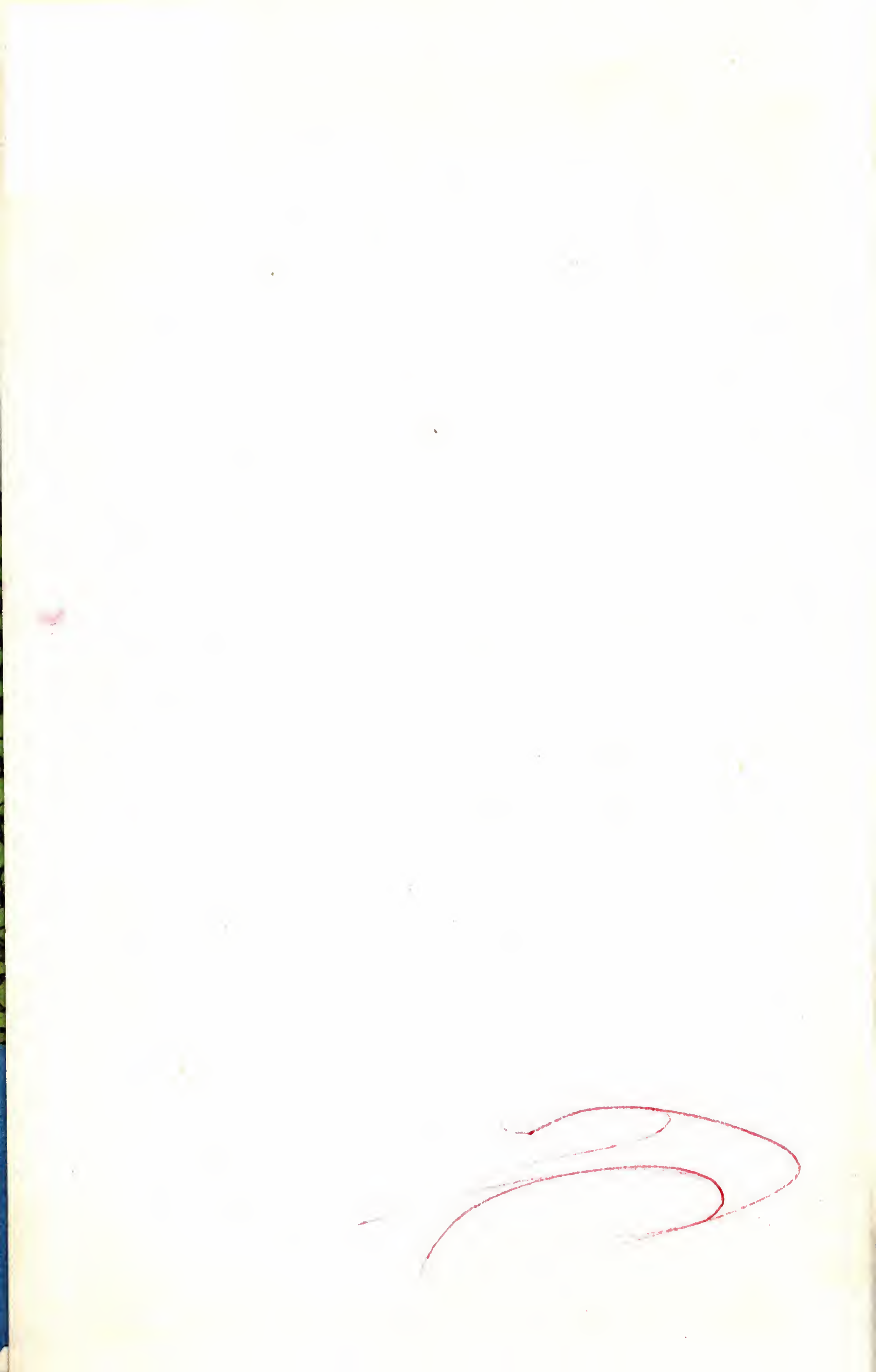
АНАТОЛИЙ САЛУЦКИЙ

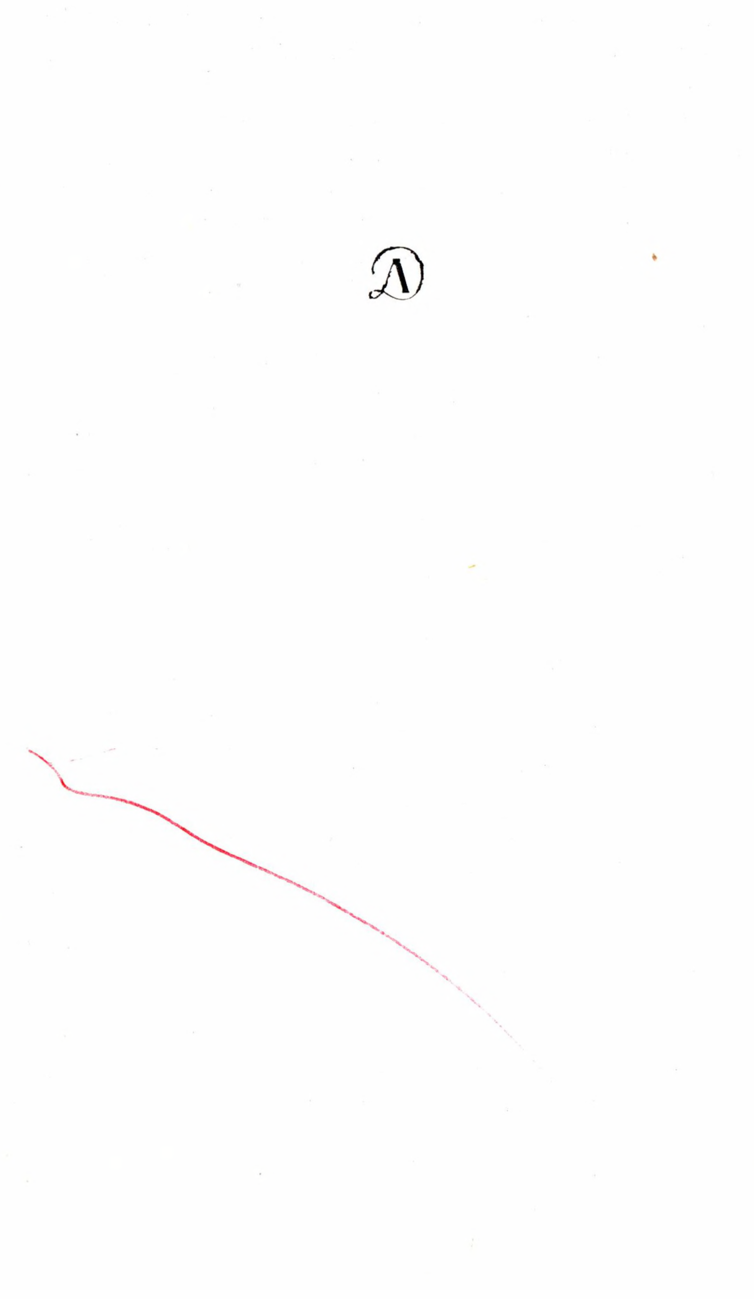
МОЯ ЗЕМЛЯ

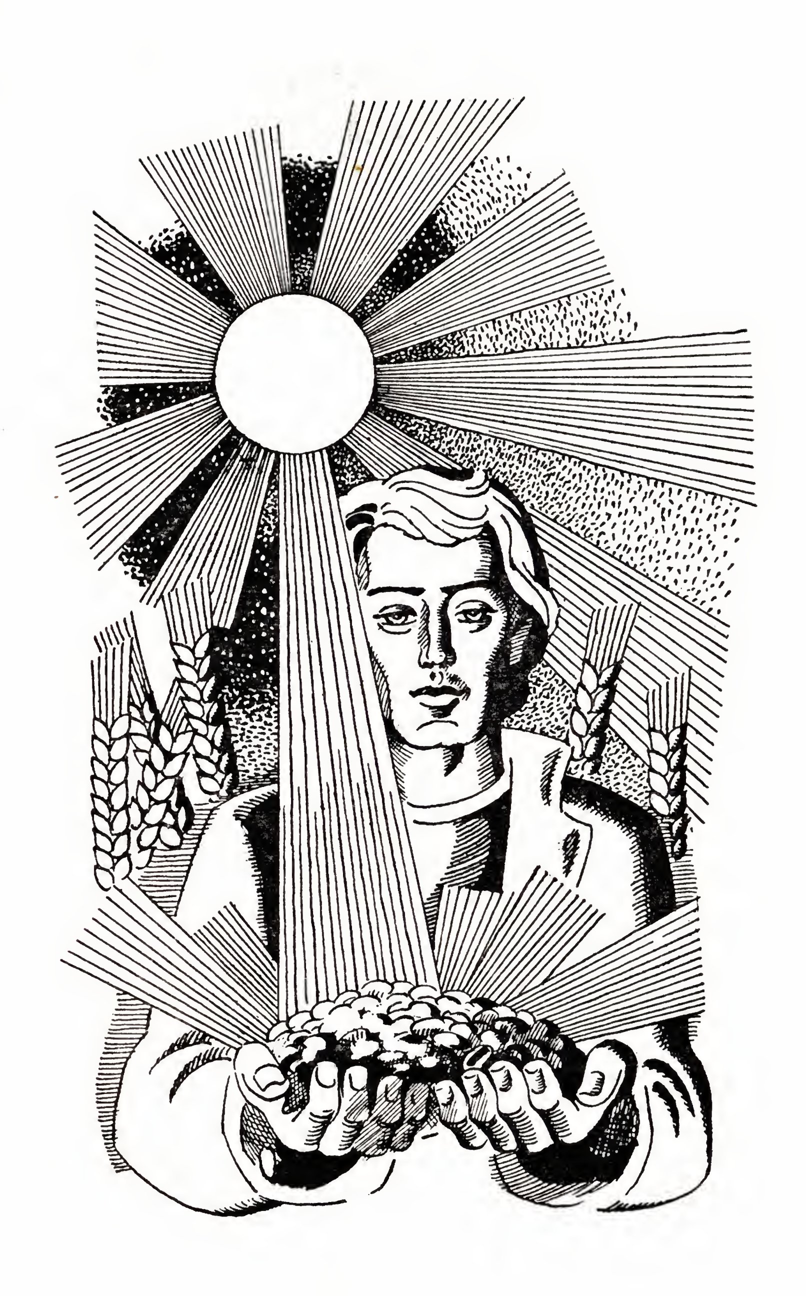

АНАТОЛИЙ САЛУЦКИЙ

МОЯ ЗЕМЛЯ

Книга о новой деревне

МОСКВА «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1986

4
С16

Оформление М. Саморезова

Салуцкий А. С.

С16 Моя земля: Книга о новой деревне.— М.: Дет. лит., 1986.—223 с.

В пер.: 70 коп.

Книга о поисках призвания, о надеждах и судьбах молодых, о хозяйской хватке и многодельной, увлекательной работе на земле.

С $\frac{4802010000-409}{М101(03)86}$ 061—86 **ББК 4 63**

СИЛЬНАЯ ПШЕНИЦА

Сильную пшеницу растят сильные люди.

Сильная пшеница — это Царь-хлеб. Мука, приготовленная из сильной пшеницы, при выпечке дает поистине удивительный припек — тесто взбухает в печи в два-три раза. Самый пышный, самый сдобный каравай получается именно из сильной пшеницы, в которой содержится необычайно много клейковины.

Правда, не многие могут похвастать, что пробовали такой каравай: из сильных пшениц хлеб, как правило, не выпекают — это было бы чрезмерной роскошью, чаще всего их добавляют к обычному, рядовому зерну, чтобы повысить его хлебопекарные свойства. Вот почему сильная пшеница имеет значение совершенно особое, исключительное, она — всюду: в каждой булке, в каждой белой буханке, в каждом батоне. Без нее хлеб был бы тощим, «резиновым», невкусным.

Но эта пшеница капризна и очень прихотлива. Ей не нужны тучные, жирные, благодатные черноземы, она любит каш-

тановые почвы. И она требует особенно много солнца. Природа словно устраивает земледельцу строгий экзамен: лучше всего Царь-хлеб родится в тех краях, где, как нарочно, мало влаги, где проносятся жаркие ветры-суховеи.

Поэтому сильная пшеница — это трудная пшеница

Поэтому растят ее сильные люди.

Еще перед Великой Отечественной войной начали прокладывать железную дорогу Акмолинск-Карталы-Магнитогорск, которая должна была пересечь центральный Казахстан — места, в ту пору малообжитые, почти безлюдные. Как говаривали в те времена: плотность населения — одна юрта на пустыню. По этой железной дороге в феврале — марте 1954 года и помчались первые эшелоны с тысячами парней и девушек, которые ехали осваивать целинные и залежные земли.

Поначалу поселки и совхозы возникали здесь именно вдоль железнодорожного пути, были как бы нанизаны на него. И маленькие, неприметные степные разъезды постепенно стали превращаться в крупные станции, где обязательно строили элеватор. Сейчас элеваторы высятся здесь столь часто, что с плоской крыши каждого из них видны два соседних — справа и слева.

Они почти одинаковы с виду, эти громадные бетонные хранилища, где зерно находится в непрерывном движении — чтобы не загорелось. Каждое зернышко — сгусток энергии, более концентрированный, чем капля нефти. Если оно залежится, не исключено самовозгорание. Поэтому хлеб транспортерами и лифтами все время перегоняют из силоса в силос, проветривают.

Да, внешне элеваторы одинаковы. Однако есть среди них особый, единственный в своем роде. Тот, на котором большими, метровой высоты буквами начертано:

«Есиль — ворота целины!»

Именно здесь, на железнодорожной станции Есиль, тридцать лет назад высаживались первые целинные десанты. И начинали обустраиваться в неприветливой, голой казахстанской степи с таким же мужеством, с таким же упорством, с каким совсем

недавно покоряли суровую сибирскую тайгу первостроители, первопроходцы Байкало-Амурской магистрали.

Это был эпицентр освоения целины.

Есильский район и сегодня остается одним из самых крупных — не только в Казахстане, но и по всей стране. Шутка ли сказать — полмиллиона гектаров! Впрочем, пространства и расстояния здесь столь велики, что даже такой гигант не поражает воображение местных жителей. Ведь, например, в Жангильдинском районе земли больше, он раскинулся на территории, равной четырем миллионам гектаров, это... две Московские области. Правда, пашни у жангильдинцев немного, район расположен в основном в полупустынной зоне.

А вот Есиль — сплошное хлебное поле! Это главная житница Тургайской области — самой молодой области в СССР: она была создана в 1970 году и вобрала в себя часть земель Кустанайской и Целиноградской областей.

Тургай — это поднятая целина. И названия здешних зерновых совхозов отражают всенародный подвиг, совершенный в казахстанских степях посланцами всех союзных республик, многих городов и областей страны. «Московский», «Ростовский», «Львовский», «Киевский», «Ярославский» — по этим названиям можно изучать географию Советского Союза.

Климат здесь необычный — резко континентальный. Тургайцы любят говорить, что у них и летом и зимой температура воздуха равна сорока градусам. Летом — плюс сорок, а зимой — минус сорок. Летом в степи нередко дуют суховеи, зимой налетают снежные бураны. Зато, утверждают местные врачи, нет в области ни одного астматика — сухо!

И есть у ровных, как бильярдный стол, необъятных тургайских равнин еще одна особенность. Если летом здесь ударит долгожданный ливень, то дождевой воде практически некуда деться. Она не скатывается в ручьи и реки, как происходит в холмистых краях, а впитывается в верхний, плодородный слой земли и способна неделями поить растения. Создаются редкостные условия: в почве влажно, а в воздухе очень жарко и сухо, ветрено.

Именно в таких условиях и растет сильная пшеница.

...С первыми эшелонами комсомольцев-добровольцев прибыли поднимать целину два Василия — Василий Яковлевич Рагузов и Василий Савельевич Вакуленко. Они не знали друг друга, однако в их судьбах оказалось немало общего.

Они были ровесниками. Оба приехали по комсомольским путевкам и оба — с Украины: Рагузов из Львова, а Вакуленко из Черкасской области. Но, пожалуй, главное сходство состояло в том, что ни один из них не принадлежал к числу тех бесшабашных романтиков-мечтателей, которых вечно обуревает охота к перемене мест, которые всегда готовы мчаться за тридевять земель, однако имеют весьма смутное представление о реальной действительности и, столкнувшись с обыденными, повседневными трудностями, быстро разочаровываются, вскоре разъезжаются по домам.

Были такие «путешественники» во времена целинной эпопеи. Немало бесшабашных романтиков наскоро посетили и таежные бамовские поселки. Руководителям стройки даже пришлось через центральную печать, по телевидению разъяснить, сколь много хлопот и помех приносит стихийный поток добровольцев, считающих, будто их энтузиазм способен с лихвой компенсировать отсутствие профессии.

Рагузов и Вакуленко были людьми совершенно иного рода. Несмотря на молодость, каждый из них уже имел за плечами профессию: первый, дипломированный инженер-строитель, работал во Львове прорабом, а второй после окончания сельскохозяйственного техникума трудился участковым агрономом в родных Новоселицах. И «билеты» на целину они взяли, что называется, «с бою». Рагузова не хотело отпускать начальство, пока он не достроит многоэтажный дом, а Вакуленко долго уговаривали в райкоме партии, предлагая должность главного колхозного агронома.

Однако оба твердо решили уехать на целину и преодолели на пути к ней все препятствия. Они отчетливо понимали величие, грандиозность задачи, поставленной перед их поколением. Целина для молодежи пятидесятых годов стала местом коллективного подвига, целина неудержимо манила к себе сильных людей. Рагузов и Вакуленко понимали умом и чувствовали сердцем, что освоение целины — не кампания, не временное

дело. Речь шла о жизненном выборе, о том, как в дальнейшем сложатся их судьбы, более того, как сложатся судьбы их детей и внуков.

А у обоих уже были дети — в этом заключалось еще одно немаловажное сходство между двумя Василиями.

И временная разлука с семьей стала для каждого из них еще одним, дополнительным испытанием на прочность. Рагузов оставил во Львове сыновей, младшему из которых едва исполнился годик, а старшему два. Вакуленко — пятилетнюю дочь и полуторагодовалого сына. Отправляясь в целинные края, мужья дали женам слово как можно быстрее освоить новые земли, проложить на них дороги, построить добротные дома, чтобы, говоря словами знаменитой песни тех времен, поскорее «стали новоселами и ты и я».

А на свою долю два Василия оставили палатки, времянки, походные вагончики, в общем, неустроенный, нелегкий быт первопроходцев-первоцелинников.

Они не были знакомы и ехали на целину разными эшелонами. Не свела их судьба и там, в степных краях: Рагузов оказался в совхозе «Киевский» Жаксынского района, а Вакуленко — в совхозе «Жекикульский» Октябрьского района. Иными словами, приехав в Есиль, войдя в ворота целины, один из них пошел направо, а другой налево, поскольку районы эти лежат по разные стороны от Есильского.

Василию Яковлевичу и Василию Савельевичу так и не суждено было познакомиться. Но длинная череда событий — и радостных и драматических — в конце концов привела к тому, что друг друга узнали их сыновья.

Василий Савельевич работал агрономом сравнительно недолго: в самом начале шестидесятых годов его назначили директором совхоза «Искра» — все в том же Октябрьском районе. Потомственный крестьянин, Вакуленко стал и «потомственным» директором, ведь его отец в конце двадцатых годов был первым председателем колхоза в Новоселицах, точнее, председателем ТОЗа — товарищества по совместной обработке земли, как сперва называли в Черкассах сельхозартели.

Поселок Степное, где размещалась центральная усадьба совхоза «Искра», в то время состоял из двух коротеньких улочек по десять домов каждая, неприкаянно разметавшихся в чистом поле. Все окна поселка глядели в необъятную, без конца и края степь. И от одной двери к другой тоже надо было шагать через степь. Жестокие снежные бураны чудовищно заметали строения, посмевшие подняться на их извечном пути. Зимой люди ходили напрямик, поверх глубоко похороненных под сугробами заборов. Мальчишки, за неимением во всей округе ни единого бугорка, катались на лыжах с крыш своих домов. И бывали случаи, когда соседям приходилось откапывать чью-нибудь хату из-под снежных наносов.

Но главное, что удручало людей, приехавших в степь из лесных краев, это полное отсутствие растительности: ни одного деревца, ни кустика, ни грядки! Питались неплохо — в скотоводческих районах мяса было в достатке. Однако сильно не хватало зелени. Сейчас это кажется забавным, но самой первой, так сказать, бытовой мечтой новоселов Степного была мечта... вырастить капусту. Во сне видели эту капусту! И новый директор сразу же замыслил создать настоящий совхозный огород. Хлеб — хлебом, страна уже начала получать целинное зерно, однако Вакуленко понимал, что успех любого дела решают люди, и забота о них — главное.

Его отец по агрономической специализации был садоводом-огородником. Да и сам Василий Савельевич, выросший на благодатной Украине, особое пристрастие питал именно к овощам, фруктовым деревьям и ягодным кустам. Считал, что эти давние добрые спутники человека облагораживают землю, превращают жилье из временного в постоянное.

Люди с радостью откликнулись на предложение нового директора. И вслед за общим большим огородом принялись разбивать даже сад — раздобыли яблоню «Уральское наливное» сибирской селекции, привезли из родных мест саженцы белого налива, крыжовника, малины, смородины красной и белой. Разумеется, вишню, которая акклиматизировалась особенно хорошо. Летом, в жару, растениям остро не хватало влаги. И жители Степного первое время ведрами таскали воду для полива — а ведь участки находились в километре(!) от

жилья и о поливочных машинах тогда понятия не имели. Вот какая была страсть к садам и огородам. Никто, само собой, не заставлял, но не зря говорят: охота пуще неволи.

Впоследствии суровые степные морозы погубили немало яблонь. Однако постепенно новоселы хорошо приспособились к непривычному климату: завели карликовые плодоносы, зимой пригибали деревья к земле, укутывали их потеплее. И теперь во всех целинных поселках весной буйно цветут сады, ягодных кустов — видимо-невидимо, на грядках полно зелени. А вдоль палисадников поднялись деревья, пустили крепкие корни, подобно первоцелинникам, которые сроднились с этой некогда пустынной, а теперь обжитой, по-настоящему облагороженной землей.

Тем временем у Василия Савельевича подрастал сын Володя. Родившийся на Украине, привезенный на целину в трехлетнем возрасте, он сызмальства считал себя настоящим целинником, а степные края — родным домом. Но известно, впечатления и картины детства самые яркие, они не только сопровождают и согревают человека всю жизнь, но и нередко влияют на выбор профессии.

Так поначалу произошло и с Володей.

В обычном, размеренном быте мы не ощущаем каждодневных перемен, все вокруг изменяется постепенно, незаметно. А на целине время неслось вскачь: сегодня было уже не таким, как вчера, а завтра предвещало новшества по сравнению с сегодня. За считанные годы жизнь новоселов стремительно нагоняла тот устоявшийся уклад, который в других местах формировался десятилетиями. Вовсе не случайно повсюду на целине огромное внимание уделили истории ее освоения: люди понимали, что событиям, в которых им довелось участвовать, предстоит пережить века, встать в один ряд с эпопеями Комсомольска-на-Амуре, Магнитки, Турксиба...

Конечно, в детстве Володя Вакуленко в полной мере не осознавал масштабности целинной эпопеи. Но он интуитивно чувствовал, что ему выпала незаурядная доля — быть свидетелем поистине исторических событий. И жадный интерес ко всему, что происходило вокруг, наивно, по-детски трансформировался в горячее желание стать историком. К четвер-

тому классу Володя был уже абсолютно уверен в том, что окончательно выбрал свою будущую профессию.

Однако у отца на этот счет существовала своя точка зрения.

Василий Савельевич был искренне, свято убежден, что самое прекрасное дело на свете — это труд земледельца.

Нет, он не читал сыну нравоучений, не наставлял его бесчисленными советами и уроками из собственной жизни. Он просто приучил Володю помогать в садово-огородных хлопотах, а главное, частенько брал мальчишку в свои директорские поездки по совхозу: во время летних каникул они порой проводили вместе весь длиннющий световой день — с утренней до вечерней зари. На отцовском «газике» Володя колесил по зерновым токам, полевым станам, молочным фермам, ремонтным мастерским — в общем, всюду, куда звали Василия Савельевича директорские заботы. Смотрел, слушал, запоминал, и его все больше и больше увлекала та особая радость работы на земле, которая легко угадывалась в словах и делах отца, агрономов, бригадиров, трактористов. Угадывалась сквозь шумные, порой яростные споры, сквозь напряженный, утомительный труд — иногда по двенадцать часов кряду, сквозь нетерпеливое, изматывающее нервы ожидание дождя и сердитые проклятья по поводу сорняков.

Володя все больше и больше поражался тому неимоверному разнообразию, которое резко отличало труд земледельца от всех известных ему профессий. Ни один сельскохозяйственный сезон не походил на другой, даже незначительные перепады погоды меняли сроки сева и уборки, причем по каждому полю в отдельности, заставляли хлебороба постоянно искать наилучшие варианты, нередко — рисковать, а в результате побеждать, но порой и ошибаться. Володя быстро понял, что, помимо знаний и опыта, помимо техники, семян и удобрений, в аграрном деле огромное значение имеют личная инициатива, смекалка, а зачастую и просто интуиция. Иными словами, земледелец может быстро проявить себя — свой характер, свое умение, свою находчивость.

А значит, самоутвердиться в серьезном, взрослом деле.

Ему нравилась весенняя степь, сплошь покрытая молодыми,

зелеными побегами пшеницы — вот уж поистине степной малахит. Он любил ездить с отцом безлюдными полевыми июльскими дорогами. В это время шел налив колоса, пшеница начинала бронзоветь, ветер перекатывал волны по необъятной хлебной ниве, и казалось, что машина не едет, а плывет среди какого-то волшебного моря.

В такую пору масштабность, величие целины представали особенно зримо: хлеб, хлеб, хлеб — без конца и краю хлеба. Казахстанские степи были четко разграфлены дорогами на квадратные клетки со стороной в два километра. И поскольку внешне все поля выглядели совершенно одинаково, то у каждого был свой порядковый номер: поле № 65, поле № 81, поле № 92... Эти номера значились в «историях полей», которые агрономы вели с такой же скрупулезностью, с какой врачи ведут «Истории болезней»: фиксировали порядок севооборотов, дозы внесенных удобрений, последовательность обработки почвы и многое, многое другое.

Однако в просторечии поля называли просто клетками — с самолета они и впрямь казались ровными, одинаковыми шахматными клетками, прямоугольно разлинованными тонкими ниточками автомобильных дорог. Несмотря на грандиозность целинных пространств, проселки здесь старались делать очень узкими — на одну колею, чтобы сберегать каждый квадратный метр пахотной земли. А встречные машины разъезжались на пересечениях дорог.

Впрочем, в июле встречные почти не попадались. По дорогам среди полей в эту пору можно было проехать без малого тысячу километров — от Целинограда до Кустаная, проехать, минуя круглосуточно грохочущие асфальтовые большаки, объезжая совхозные поселки, и не увидеть ни единого человека. Июль был месяцем тревожного ожидания: прольется необходимый сильной пшенице один-единственный ливень или же задует суховей? В июле целина напряженно готовилась к уборочной страде, ремонтировала жатки, комбайны, грузовики. А в полях было тихо, только на чистых парах по-прежнему натужно гудели трактора, в третий, в четвертый, в пятый раз обрабатывая землю, чтобы до конца уничтожить сорняки.

Но конечно, краше всего степь выглядела во время уборки

хлебов, это было самое горячее, поистине вдохновенное время. Уже само это слово «жатва» настраивало людей на особый лад, находило отклик в их душах. Маленький Володя в страду почти не спал — как и отец, который чуть ли не сутками мотался по совхозу. Комбайны заходили на каждую клетку отрядами — по пять-шесть машин сразу, обкашивали поля по периметру, отчего резко расширялись дороги. И по ним, вздымая столбы пыли, мчались во всех направлениях грузовики. В идеально ровной, с прекрасным обзором степи водители до упора «давили на железку». И вся эта напряженная и радостная карусель крутилась бесконечно, безостановочно, день за днем, неделя за неделей.

Особенно хороша степь была ночью, когда уборка продолжалась при свете фар. Как земные звезды горели повсюду огни комбайнов и автомобилей. Не было холмов и деревьев, которые скрывали бы их, а потому в поле зрения попадали сразу сотни, может быть, тысячи близких и далеких огней, беспорядочно разбросанных, постоянно движущихся в темном пространстве. Здесь были свои созвездия Большой Медведицы и Гончих Псов — опережая друг друга, двигаясь каждый в своей загонке, комбайны располагались внутри клетки очень причудливо, свет их фар создавал замысловатый рисунок и давал волю фантазии. Здесь были свои Млечные Пути — дороги, которые вели непосредственно к совхозным токам, к элеваторам и на которых движение было особенно интенсивным.

Да, в жатву Володя почти не расставался с отцом, изредка вздремывая на переднем сиденье «газика». Лет пятнадцать назад корреспондент районной газеты «Новь» писал об этом в одном из своих очерков. Во время страды он тоже сутками мотался по району и однажды, примерно в половине второго ночи, остановился прямо в поле, вылез из машины, чтобы полюбоваться степными огнями. Далее корреспондент писал:

«Возле меня остановился «газик», из него вышел на дорогу Василий Савельевич.

— Случилось что? — спрашивает у меня.— Подсоблю, разомнусь немного.

— Да нет,— говорю,— у меня все в порядке, сон разгоняю.

— А я хлопчика взял с собой,— сказал Вакуленко.— Он

со мной разговаривает, и мне спать не хочется. Шофера отпустил домой, устал парень со мной мотаться по полям. Комбайнерам спать пора. А директор совхоза еще должен подумать, что будут делать люди на следующий день...»

Так писала когда-то октябрьская районка про отца и сына Вакуленко.

И все-таки, как ни притягательна была степь в горячую уборочную страду, главный праздник для Володи наступал на зерновом току. Огромные конусообразные, по триста — четыреста тонн каждый бурты обмолоченной золотой сыпучей пшеницы завораживали. Было в них что-то величественное, гордое, повелевавшее чувствам рваться наружу, заставлявшее людей петь. Именно там, на совхозных зерновых токах, понимал мальчишка тот огромный смысл, который издревле вложил земледелец в ставшую крылатой народную пословицу: «Где хлеб — там и песни!»

В ту пору ленточных транспортеров на токах было еще сравнительно немного. Когда наступало время грузить бортовые машины перед отправкой зерна на элеватор, люди брали специальные металлические совки, которые удобно было держать двумя руками, и, зачерпывая ими пшеницу, швыряли ее в кузов — килограммов по пять за каждый взмах. Внешне эта размеренная работа напоминала движения косцов, правда, стоять приходилось слегка нагнувшись. Срываясь с гладкого совка, по дуге падая в кузов, зерно веером рассыпалось в воздухе, и когда машину одновременно загружали человек пять, когда в радостном азарте, в кураже, они начинали махать совками все чаще и чаще, со стороны казалось, будто на току раскинут сверкающий на солнце шатер из золотого зерна.

Каждый раз, когда Володя приезжал на ток, ему трудно было оторваться от этого завораживающего зрелища.

А отец настойчиво, из года в год, продолжал раскрывать перед сыном красоту и радость хлеборобского труда, работы на земле. В седьмом классе Володя лучше всех своих сверстников умел прививать яблони, сажать ягодные кусты и овощи. После девятого он уже всерьез помогал комбайнерам в поле, работая штурвальным.

И после окончания десятилетки без колебаний и сомнений, с твердой, осознанной решимостью подал документы в Кустанайский сельскохозяйственный институт.

Он хотел стать агрономом.

На долю Василия Рагузова выпала трудная юность. Шести лет он остался круглым сиротой — родители умерли — и перед Великой Отечественной войной воспитывался в детском доме. Был парнем очень компанейским, общительным, много читал и отлично рисовал: оформлял все детдомовские стенгазеты. Время было тревожное, предгрозовое, и после окончания семилетки Вася поступил в специальную военную школу. Однако директор детского дома договорился с начальником школы и отозвал паренька назад, чтобы назначить его председателем совета детдома.

В его помощи нуждались воспитатели — таким большим авторитетом пользовался Рагузов среди сверстников.

Впрочем, не только среди сверстников, но и у ребят постарше. Родившийся в 1927 году, он по возрасту не попал на фронт, однако его товарищи, которые были двумя-тремя годами взрослее, воевали. И присылали Рагузову письма — кому же еще писать детдомовцам, как не друг другу?

Сохранилось одно из таких писем, отправленное сразу после победы, 12 июня 1945 года. Оно заканчивалось словами:

«Нахожусь в северной части Германии, северо-западнее Берлина. Природа здесь исключительно богата, все так красиво, приятно, в особенности сейчас. Но почему, Вася, так рвешься с этой пышной природной растительности в свои края? Я полагаю, тут играют роль сам инстинкт и привычка к родным местам, где рос и протекало детство, которые никак сравненными быть не могут с чужими землями. Поэтому Родина привязывает к себе. Вася, может, ты сумеешь дополнить мое определение? Пиши. Федор Дубравин».

Эти суждения да и сам стиль письма говорят о том, что рос Василий Рагузов среди друзей начитанных, с широким кругом интересов. Он глубоко переживал из-за того, что возраст не позволил ему уйти на фронт, сражаться за свободу Родины.

Но зато, когда началось освоение целинных и залежных земель, Рагузов мгновенно осознал: настал его черед!

И устремился на целину одним из самых первых — уже в апреле 1954 года.

Здесь, в совхозе «Киевском», Василий стал прорабом: руководил строительством первых домов. Однако служебные обязанности и ненормированный — с утра до вечера — рабочий день не могли полностью поглотить его энергию. По ночам, под дружный богатырский храп уставших товарищей, он корпел в тесном вагончике-общежитии над чертежами для новых совхозных зданий — проектировал школу со спортивным залом, торговый центр.

Но и этого ему было мало. Он отрезал от обойных рулонов длинные полосы и на их тыльной стороне рисовал веселые дружеские шаржи на друзей, острые, язвительные карикатуры, высмеивавшие лодырей, пьяниц, дебоширов. Утром молодежь шла на работу мимо этих целинных «окон РОСТА», и юмор, сатира тоже участвовали в освоении целины.

А в редкие выходные дни Василий Рагузов уходил в степь. Он привез с собой этюдник, кисти, краски и любил рисовать пейзажи, вживаясь в ту новую, еще малознакомую природу, среди которой ему предстояло жить.

Не только Рагузов, но многие первоцелинники, а возможно, и большинство из них далеко не сразу освоились в непривычных степных просторах. Это сказывалось в бытовых повседневных мелочах — например, поначалу люди даже не знали, какая одежда удобнее для здешнего климата. Более того, даже самое главное, то, ради чего приехали сюда сотни тысяч добровольцев, выращивание хлеба,— в первые сезоны натолкнулось на совершенно неожиданные, непредвиденные трудности. Об этом, в частности, напоминает драматическая борьба между сторонниками классической и безотвальной систем земледелия, которая длилась на целине не один год.

Люди, приехавшие из Нечерноземья, из центральных черноземных областей, из Белоруссии, с Украины были приучены к тому, чтобы вспахивать землю плугом, переворачивая пласт земли, погребая под ним стерню. Так испокон веку поступали их предки. И первые борозды на целине проложили именно таким

же, классическим, миллионы раз опробованным способом. Никаких вопросов, никаких сомнений даже не возникало: какой же еще может быть пахота? Грядку вскапывают лопатой, а поле — плугом, различие только в масштабах и производительности, ведь принцип подготовки земли к севу везде и всюду одинаков.

Но уже в самые первые целинные годы незнакомая казахстанская природа преподнесла горький урок: бешеные, остервенелые степные ветры, беспрепятственно набиравшие на вольных просторах огромную скорость, начисто сдували вспаханный, уже не закрепленный травой, верхний, самый ценный слой почвы. Над центральным Казахстаном начали гулять мрачные черные пыльные бури, которые уничтожали едва взошедшие, еще слабые посевы, лишали землю естественного плодородия.

Возникло одно из самых страшных для земледельца природных явлений — ветровая эрозия.

Но люди не сдавались. Передовые ученые-аграрники под руководством академика ВАСХНИЛ Александра Ивановича Бараева начали разрабатывать новую, целинную систему земледелия, которая впоследствии получила название безотвальной, почвозащитной. Ее суть состояла в том, чтобы, вспахивая зябь, не переворачивать пласт земли, не оголять почву, делая ее беззащитной перед ветрами, а слегка заглубленным плугом-плоскорезом лишь подрезать корневища, оставшиеся после уборки урожая. Омертвевшая, уже не способная к росту и не мешающая новым побегам стерня тем не менее продолжала связывать верхний слой почвы, не позволяя ветрам выдувать его.

Вспашка земли — занятие очень древнее, наверное, оно возникло вскоре после того, как человек приручил огонь, начал вести оседлый образ жизни. Тысячи сменявших друг друга поколений землепашцев, передавая через века коллективный опыт, завещали своим далеким потомкам главные принципы зернового земледелия: после жатвы пашня должна дышать «полной грудью», для этого ее надо вскрыть плугом, выворотить комьями наружу, сделать рыхлой, как бы пористой, облегчая проникновение вглубь и влаги и воздуха. Именно отсюда родилось понятие борозды — то есть отваленной в сторону земли.

И вдруг после вспашки зяби стерня начала оставаться на месте, какой-то странный, диковинный плоскорезный плуг не рыхлил, не отваливал комья.

Люди приходили на вспаханное по новой системе поле, чесали в затылках и говорили: «Да ведь это чистый обман. Здесь и не работал никто, не занимались здесь никакой вспашкой!»

Велика была сила тысячелетней привычки: пахать — значит переворачивать пласт.

Она так прочно въелась в сознание, что далеко не все земледельцы смогли сразу по достоинству оценить предложенное передовыми учеными новшество.

Однако жизнь брала свое. Постепенно, год за годом, безотвальный целинный клин неуклонно расширялся, и губительные для урожаев черные пыльные бури сходили на нет. Но для этого надо было не только изменить традиционную давнюю психологию землепашца, но и разработать целую систему новых сельскохозяйственных орудий — принципиально иные сеялки, заделывающие семена в почву, культиваторы. И не просто разработать, а тщательно испытать и наладить производство в тех больших масштабах, какие требовались для целины.

Это был сложный, длительный процесс. И все же он увенчался полным успехом. В 1984 году, в год, когда исполнилось тридцать лет с начала освоения целинных и залежных земель, Центральное статистическое управление СССР сообщило, что все колоссальное целинное поле впервые обработано только прогрессивным безотвальным методом, позволяющим полностью устранить ветровую эрозию.

И это стало важной победой над такой грозной стихийной силой, как ураганные степные ветры.

Да, целина покорялась не просто, о чем свидетельствует история пыльных бурь. Незнакомая норовистая природа центрального Казахстана, резко континентальный климат с быстрыми перепадами давления, создававшими изменчивую, порой синоптически непредсказуемую погоду, поначалу доставляли новоселам немало хлопот, были причинами различных неприятностей и бед. Ведь люди, приехавшие на целину из

разных республик и областей страны, по инерции продолжали оценивать степную природу привычными с детства мерками, еще не знали ее своеобразия, особенностей.

А погода в степи бывала коварной.

После первого целинного урожая, снятого осенью 1954 года, в совхозе «Киевском», как и во всех других хозяйствах, начали хлопотливо готовиться к новому сезону — не только сельскохозяйственному, но и строительному: было ясно, что в морозы, на пронзительном степном ветру настоящую стройку вести нельзя. А потому зимние месяцы решили использовать для того, чтобы заготовить стройматериалы — запастись цементом, тесом, гвоздями...

Прораб Василий Яковлевич Рагузов в ту первую для него казахстанскую зиму часто ездил на ближние и более удаленные от поселка Киевский железнодорожные станции, куда прибывали грузы для целины. Их было много, очень много, этих грузов: вся страна помогала первоцелинникам, присылала им автомобили и сельскохозяйственную технику, кровати и посуду, удобрения и щитовые сборные дома — тысячи, десятки тысяч грузовых вагонов прибывали на маленькие степные разъезды. Их торопливо разгружали прямо в чистом поле, чтобы поскорее отправить назад, освободить станционные пути для прибытия новых эшелонов. Вдоль железнодорожного полотна чуть ли не километрами громоздилось бесчисленное множество ящиков, тюков, контейнеров, штабелей леса, всевозможных железобетонных изделий, металлопроката и еще бог знает чего. Совхозные инженеры, экспедиторы, снабженцы, завгары, прорабы часами разыскивали в этом первозданном хаосе свои грузы, ругались с начальниками станций, ворчали по поводу их нерасторопности, но, найдя наконец искомое, на радостях тут же обнимали железнодорожников, приглашали в гости в свои совхозы отведать бешбармак.

Это был первый день творенья, самое начало, исток. Вдобавок целинная эпопея, по сути дела, стала первой послевоенной стройкой столь крупного, грандиозного масштаба, именно она открывала эпоху Братска, самых больших в мире енисей-

ских гидроэлектростанций, Камского автозавода, Байкало-Амурской магистрали. Еще не было опыта в организации и снабжении таких гигантских строек, грузы шли вне графика, иногда — навалом: лишь бы привезти их на целину, а там разберутся.

И конечно, разбирались. С трудом, затрачивая немало сил и нервов, все-таки разбирались и были благодарны за то, что позарез нужные механизмы, стройматериалы, топливо наконец здесь, в степи. А уж доставить их в совхозные поселки... За этим дело не станет, это зависело исключительно от самих целинников, а энергии и энтузиазма у них хватало с лихвой.

В начале марта 1955 года совхоз «Киевский» уже создал основной запас строительных материалов для предстоящего летнего сезона. Но грузы продолжали прибывать, и прораб Василий Яковлевич Рагузов в очередной раз отправился на железнодорожную станцию Атбасар, чтобы получить еще одну партию теса.

В ту пору единственным средством передвижения по заснеженной степи служили гусеничные трактора, к которым цепляли теплые вагончики на полозьях,— что-то вроде упрощенных санных поездов для полярников, отправляющихся в глубь Антарктиды. Малой скоростью — пять-шесть километров в час, неторопливо, но безостановочно двигались трактора по нерасчищенным, порою заметенным буранами зимникам, в вагончиках топилась маленькая печурка, было тепло, даже уютно. Некоторые дремали под размеренный, неумолкаемый шум двигателя, другие вели нескончаемые разговоры.

Конечно, при таком способе передвижения за один день обернуться до железнодорожной станции и обратно не удавалось никогда. Обычно люди заночевывали на «постоялых дворах», как в шутку называли вечно набитые до отказа, неустроенные, но зато теплые станционные гостиницы-общежития, а следующим утром отправлялись домой.

В тот раз вместе с прорабом Рагузовым в Атбасар поехал главный совхозный бухгалтер Федор Нилович Осадчий, у которого были свои дела на станции — дела банковские. В отличие от прораба, он справился с ними довольно быстро, и в целях экономии времени сообща порешили так: трактор с

вагончиком двинется на станцию Перекатная — ближайшую к совхозу «Киевский», и Осадчий с водителем заночуют там. А Рагузов останется в Атбасаре, закончит свои дела и утром на попутном поезде доберется до Перекатной, откуда все вместе и поедут домой.

Но Василию Яковлевичу в тот раз пришлось разыскивать свой груз довольно долго, и на утренний поезд он опоздал. А в результате оказался на станции Перекатная лишь в полдень, когда трактор с вагончиком уже уполз в сторону Киевского.

Обычно в таких случаях целинники дожидались попутной оказии: практически каждый день на станцию прибывал какой-нибудь транспорт из поселка — сюда заскакивали по делам директор или главный совхозный агроном, а то и просто привозили вагончик с отпускниками. Поэтому надолго на Перекатной не застревал никто — здесь можно было потерять максимум сутки.

Однако приближались выборы в Верховный Совет СССР — первые выборы после начала освоения целины. Рагузову надо было писать лозунги, рисовать плакаты, предстояло оформить праздничную стенгазету. К тому же погода, словно по заказу, стояла на редкость чудесная — солнцеморозная, все вокруг радостно искрилось, в воздухе уже явственно веяло весной, да и дни стали длинными, смеркалось часов в семь-восемь. А напрямик до совхоза километров двадцать пять, дорога знакомая...

И Рагузов поторопился, поспешил — двинулся пешком.

По плотному снегу, по небольшому морозцу, при ясной, безветренной погоде он рассчитывал еще до наступления темноты добраться до своего поселка. И шагал легко, весело, как всегда, думая о том, что жизнь его складывается очень удачно — лучше не придумаешь. Об этом он не раз говорил друзьям, а в письмах домой, во Львов, писал, что эта радостная мысль постоянно согревает его, когда он остается один. Василий Яковлевич прожил на целине уже почти год — без одного месяца. И был счастлив, что выбрал судьбу первоцелинника, намереваясь летом перевезти в Киевский жену Серафиму Васильевну и сыновей Володю и Сашу.

Но он не учел, что прожил в казахстанских степях все-таки не год, а только одиннадцать месяцев. То был его первый целинный март, и Рагузов не знал совершенно особых повадок этого весеннего месяца. Между тем именно март в здешних краях отличается самым буйным нравом, именно в марте погода здесь наиболее изменчива и коварна, именно на стыке зимы и весны чаще всего возникают тут внезапные бураны, налетающие с поистине авиационными скоростями.

Один из таких буранов настиг Василия Яковлевича Рагузова примерно на полдороге от станции Перекатная к совхозному поселку. Солнце сразу скрылось, и сумерки наступили преждевременно. Сумасшедшая круговерть смешала землю с небом, стараясь повалить, сбить, засыпать снегом. Поземка мела столь стремительно, что казалось, будто под ногами не твердь, а мчащаяся хлябь, куда и ступить-то страшно. Пожалуй, больше нигде не встретишь такую струящуюся, злую, бешеной силы поземку, как в центральном Казахстане. Ведь степные ветры отличаются тем, что как бы стелются по равнине, потому что здесь нет для них препятствий.

Но Рагузов упрямо шел вперед. Ему было двадцать семь лет — возраст, в котором полетел в космос Юрий Гагарин, он был идеально здоров и полон сил. Он считал, что на свете просто-напросто не существует преград, которые он не смог бы преодолеть.

Опытный охотник, Василий отлично ориентировался на местности и поразительно точно выдерживал направление движения. Обычно, попав в степной буран или заблудившись в лесу, человек ходит большими кругами, невольно заворачивая все правее и правее,— это связано с тем, что левая нога у подавляющего большинства людей развита сильнее. Шаг левой получается чуть-чуть длиннее, а шаг правой чуть-чуть короче, поэтому, потеряв ориентир, люди и кружат на одном месте. Но Рагузов хорошо об этом знал и своевременно делал поправку к курсу.

Не знал он другого: особой, ураганной силы степных мартовских буранов, о которых с давних кочевых времен казахи говорят так: «Всадник не видит ушей своей лошади!»

Он упал всего лишь в километре от поселка, поднимаясь на

невысокую пологую сопку, одиноко возвышающуюся среди степи. Если бы он сделал еще сто шагов, если бы поднялся на ее вершину, то, возможно, увидел бы признаки жилья. Но в круговерти бурана он не почувствовал, что идет в гору, не понял, что находится на пути к спасению...

В первые целинные зимы были случаи, когда люди, не знавшие капризов местной природы, замерзали в степи, случалось это, как правило, именно перед наступлением весны. В Кийминском районе как раз так в самых первых числах апреля погиб комсорг совхоза «Ярославский» Виктор Ермаков. Подобно Рагузову, он спешил со станции в свой поселок, но тоже попал в буран. Ермаков рвался к жилью упорно, отчаянно, когда силы начали оставлять его, скинул шапку, снял валенки и шел босиком — известно, если человек замерзает, в последние, предсмертные минуты ему становится душно, жарко.

Погиб в зимней степи и секретарь райкома партии Василий Иванович Горбачев. Чтобы отвезти в город Аркалык детей, он сам сел за руль своего «газика» и отправился в путь. Но мотор машины неожиданно заглох, и все усилия завести его вновь оказались напрасными. Между тем автомобиль с отказавшим двигателем в буран промерзает мгновенно, ветер продувает его насквозь, заваливает снегом. Василий Иванович прекрасно понимал, что пассивное ожидание предвещало скорую и верную гибель. Он зарыл ребятишек в ближайший стог сена, а сам пешком отправился искать помощи.

Он замерз, не выдержав поединка с бураном. Но дети остались живы, целы и невредимы — стог сена спас их.

Теперь в центре Тургайской области городе Аркалыке есть улица, носящая имя Василия Ивановича Горбачева.

Почему происходили эти и другие подобные случаи? Ведь каждый из них был нелепостью, его вполне удалось бы избежать при иных обстоятельствах. Люди гибли не в результате каких-то аварий или катастроф, замерзали в степи не из-за пагубного опьянения.

Так в чем же дело?

Сегодня, спустя три десятилетия после начала целинной эпопеи, когда жизнь в освоенных районах вошла в нормальное, спокойное русло, ветераны-первоцелинники по-своему оцени-

вают эти случаи. В тот горячий, бурный период людей захлестывал энтузиазм. И молодежь и тех, кто был постарше, кто приехал не по комсомольской путевке, а по партийной мобилизации, обуревало одно страстное желание — как можно скорее дать стране большой хлеб. Было трудно. Но легкой жизни никто из них не искал. Наоборот, трудности рождали душевный подъем, всплеск эмоций, психологически люди были готовы к борьбе с ними. Самым распространенным словом того романтического периода освоения целины стало слово «Вперед!».

И недавние фронтовики, сменившие мечи на орала, и молодежь, не нюхавшая пороху, словно шли в атаку на все встававшие перед ними трудности — вперед и только вперед! Сквозь стужу и бураны, наперекор пыльным бурям и жарким ветрам.

Да, было так, именно так. И подтверждением этого служат как раз те нелепые, беспредельно обидные трагедии, которые порой разыгрывались в зимне-весенней степи, когда рвавшиеся вперед и только вперед люди в своем гордом, отважном стремлении проявляли непростительную неосмотрительность. Причем происходило это не только с молодежью, которую родители, известное дело, нередко упрекают в беспечности. Форсируя на тракторе весеннюю реку по тонкому, уже подтаявшему льду, погиб Данила Нестеренко, Герой Советского Союза, человек, прошедший всю войну...

Василия Рагузова нашли примерно через месяц, когда снег начал сходить и на полях приступили к весенним работам. В его кармане обнаружили две записки — на листочках, вырванных из записной книжки, исписанных с обеих сторон карандашом.

На одном из листков прочитали:

«Нашедшему эту книжку. Дорогой товарищ, не сочти за труд, передай написанное здесь. Рагузов Василий Яковлевич.

Город Львов, ул. Гончарова, 15, кв. 1. Рагузовой Серафиме Васильевне».

Дальше было написано:

«Дорогая моя Симочка. Не надо слез. Знаю, что будет тебе трудно. Но что же поделаешь, если со мной случилось такое. Кругом степь, ни конца, ни края. Иду просто наугад. Буря

заканчивается, но горизонта не видно, чтобы сориентироваться. Если же меня не будет, воспитай сынов так, чтобы они были людьми. Эх, жизнь! Как хочется жить! Чертовски обидно дурацкой смертью умирать. Крепко целую. Навеки твой Василий».

На другом листочке была еще одна записка:

«Город Львов, Гончарова, 15, кв. 1. Сыновьям Владимиру и Александру Рагузовым».

«Дорогие мои деточки Вовуська и Сашунька. Я приехал на целину для того, чтобы наш народ жил богаче, краше. Я хотел бы, чтобы вы продолжили мое дело. Самое главное, нужно быть в жизни человеком. Целую вас, дорогие мои, крепко. Ваш папочка».

Однажды, в начале семидесятых годов, вьюжной февральской ночью директора совхоза «Искра» Василия Савельевича Вакуленко разбудил телефонный звонок: тяжело заболела совхозный бухгалтер Валентина Волощук — необходима экстренная операция.

А до районного центра, где могут сделать такую операцию, без малого пятьдесят километров!

Но целина к этому времени уже набрала мощь, а люди приобрели опыт в борьбе со стихией. Василий Савельевич, не мешкая, снарядил в путь три могучих трактора К-700—на одном «Кировце» повезут больную, второй на всякий случай будет сопровождать эту необычную «скорую помощь» — для подстраховки. А третьему предстоит выполнять роль связного: если в снежной ночной буранной степи случится что-то непредвиденное, если два трактора не смогут справиться самостоятельно, ему надлежало немедленно вернуться в поселок и вызвать подмогу.

Так и получилось. Не прошло и часа, как директора Вакуленко разбудили снова: один из «Кировцев» съехал с грейдера и не может вновь подняться на полутораметровую насыпь, утопает в огромных сугробах.

На сей раз Василий Савельевич поднял на ноги самых опытных трактористов, всех бригадиров. И сам вместе с сек-

ретарем партийной организации и председателем сельсовета двинулся выручать Валентину Волощук. Ночь была ужасная: пурга свирепствовала так, что громадные трактора исчезали из виду, растворялись в непроницаемой снежной мгле уже на расстоянии двух-трех метров, только натужный рев дизельных двигателей помогал определять их местонахождение. С колоссальным трудом людям удалось добраться до места происшествия, пересадить больную в другую кабину и снова таким же способом — с двойной подстраховкой — двинуться дальше.

Однако и на этот раз случилась неприятность: опять застряли! А потом — снова, снова и снова. Такой ночи не могли припомнить и старожилы этих мест, синоптикам потом даже крепко досталось за то, что они своевременно не объявили штормовое предупреждение. В результате, чтобы доставить больную в районный центр, спасти ее жизнь, директору совхоза «Искра» Василию Савельевичу Вакуленко пришлось в ту ночь задействовать шестнадцать (!) могучих тракторов К-700— целую армаду.

Но даже такая первоклассная техника, как ленинградские «Кировцы», в ту ночь не выдержала: последний из них, шестнадцатый, завяз в немыслимых сугробах неподалеку от райцентра. Конечно, его можно было бы вновь вытащить, поставить на грейдер, однако для этого требовалось время. Между тем больной становилось все хуже и хуже. И люди оказались сильнее, выносливее, чем железные машины,— оставшиеся три километра, сменяя друг друга, они несли Валентину Волощук на руках и все-таки не дали ей умереть, вовремя доставили ее в хирургическое отделение, где девушке сделали успешную операцию, спасшую ее жизнь.

То был памятный для всех случай. Но не единственный в своем роде. Однако важно то, что за двадцать лет директорства Василия Савельевича Вакуленко в совхозе «Искра» не погиб ни один человек. Целинники научились противостоять суровой природе, приобрели опыт, выдержку, умение ладить с сорокаградусными морозами.

Вакуленко гордился тем психологическим климатом, какой сложился в его хозяйстве: здесь было покончено с бесшабашными хождениями по зимней буранной степи, люди ответ-

ственно, серьезно относились к противоборству со стихией. Он думать не думал, гадать не гадал, что нарушит эту новую, давшуюся горьким трагическим опытом целинную заповедь не кто-нибудь, а его собственный сын.

Володя учился уже на третьем курсе Кустанайского сельскохозяйственного института — сравнительно неподалеку от Степного, а потому бывал дома довольно часто. Разумеется, летние студенческие практики он тоже проводил в родном совхозе. Причем во время первой из них работал участковым садово-огородным агрономом — делал ревизию яблонь в совхозном саду, проводил их плановую обрезку. Парень взялся за эту работу с охотой, даже с наслаждением, решив поначалу, что ему простонапросто крепко повезло. И только потом, через несколько лет, вдруг задумался: а случайно ли он оказался в саду-огороде? Может быть, отец, директор совхоза, намеренно послал его туда, чтобы сын начал так же, как начинали все крестьянские поколения Вакуленко? Но сколько ни задавал на этот счет вопросов, Василий Савельевич лишь хитро улыбался и с шутками-прибаутками уходил от прямого ответа.

А после второго курса Володя работал уже в тракторно-полеводческой бригаде — комбайнером, принимал непосредственное участие в уборке урожая. И только тут понял, как мгновенно взрослит, самоутверждает эта трудная, но гордая работа — жатва хлебов. Первый самостоятельно намолоченный бункер зерна вызывает в человеке такое неповторимо радостное, волнующее чувство, что запоминается на всю жизнь. В этот день человек возвращается с поля уже иным — другой, более уверенной походкой, даже говорить начинает более спокойно, весомо.

В институте это почувствовали. И избрали Владимира старостой курса, председателем студсовета общежития. Именно как один из лучших, самых активных студентов он и попал однажды на собрание Кустанайского областного партийно-хозяйственного актива, где выступал народный академик, выдающийся земледелец и замечательный, интереснейший, очень мудрый человек — Терентий Семенович Мальцев.

В тот раз Мальцев много говорил о том, как бороться с сорняками. Непаханная, не знавшая плуга целина сорняками не зарастала. Но таково было свойство казахстанских степей,

холодных в зимние месяцы и жарких в месяцы летние, что первая же борозда могла стать сорняковым источником. Откуда появились здесь зловредные овсюги и осоты? Возможно, они случайно попали в семенной фонд, который на первых порах привозили из других районов страны,— разве мыслимо уследить за идеальной чистотой миллионов тонн посевного материала? Не исключено, что необычайно живучие, способные переносить любые «лишения» сорняки оказались завезенными на целину вместе с какими-нибудь саженцами, наконец, просто «приехали» на вещах, на обуви переселенцев. А попав в благоприятные условия — на пашню, они начинали размножаться стремительно, взрывообразно.

Но разумеется, наука и вековой крестьянский опыт знали средства борьбы с сорняками,— заметно снижающими урожайность полей, а порой и вовсе забивающими колосовые. Конечно, не последнюю роль в их уничтожении могли сыграть и химические средства защиты растений. И все-таки, говорил Терентий Семенович Мальцев, главный и наилучший способ борьбы — это чистые пары, которые вдобавок и земле дают отдохнуть, набраться сил для нового урожая, запастись питательными веществами.

Безусловно, об огромной роли чистых паров знали все. Однако на деле получалось так, что их нередко сводили к минимуму. Или же практиковали так называемые занятые пары — иными словами, засевали поле не весной, а летом, и не для того, чтобы вырастить зерновые, а ради заготовки сенажа, силоса. В результате земля полноценного отдыха не получала.

Но главная и, пожалуй, самая принципиальная ошибка, которую допускали в некоторых хозяйствах и на которую Мальцев обратил особое внимание, заключалась в том, что чистые пары кое-где воспринимали слишком упрощенно: незасеянное паровое поле, как говорится, оставляли в покое и целый год, до следующей весны, к нему не подходили. Считали, что таким приемом дают отдых земле, а в действительности давали неоправданный, незаслуженный отдых себе самим.

На самом же деле паровое поле нуждается в особой заботе

земледельца: в течение летнего сезона его нужно обработать не единожды и не дважды, а четыре-пять раз — для физического уничтожения сорняков. Только взошли на пахотном приволье осот, овсюг, ромашка, боронуй и уничтожай их. Они, конечно же, поднимутся снова. А ты вторично убей их... В третий раз проклюнутся — снова выводи на поле трактора... Пятикратной культивации никакой сорняк не выдержит, погибнет. И на следующий год хорошо отдохнувшая, чистая земля наверняка даст добрый урожай.

Терентий Семенович говорил необычайно убедительно, образно, приводил множество народных примет и научных данных. Владимир Вакуленко, впервые слушавший выступление Мальцева, был пленен и очарован силой его логики и человеческим обаянием. Студент-третьекурсник горячо сожалел только об одном: почему он еще не дипломированный агроном, почему он не может немедля, сейчас же начать на практике осуществлять то, о чем рассказывал народный академик Мальцев?

Ему не терпелось поскорее поделиться своими мыслями с отцом. И в ближайшую субботу он отправился в Степной.

Кустанайский поезд выбился из расписания, опаздывал и прибыл на разъезд «75-й километр» лишь к вечеру, когда последний рейсовый автобус уже ушел. Спрыгнув с высокой подножки теплого, сверкающего заиндевелыми окнами вагона, в котором погода совсем не ощущалась, Владимир сразу же понял, что метет сильная пурга. Он побежал к автостоянке — в надежде разыскать какую-нибудь машину из Степного,— однако там уже было пусто.

Зашел в маленькое станционное здание, где деловито укладывались на ночлег немногочисленные пассажиры, прибывшие из Кустаная,— кто же отправляется в путь на ночь глядя да еще в метель? Настанет утро, появятся рейсовые автобусы, и можно будет спокойно добраться до удаленных поселков.

Но студента словно чертик пощекотал: потерять целый вечер! Ведь времени и так в обрез, уже через день предстоит возвращаться в Кустанай. Он мысленно представил себе домашний, семейный уют, мамины вареники, долгие, интересные разговоры с отцом, и барачная обстановка маленького, зате-

рянного в бескрайней степи железнодорожного разъезда показалась ему нестерпимой. Конечно, Владимир прекрасно знал, сколь опасна ночная степная вьюга. Но голос разума уже не мог удержать его от принятия опрометчивого решения.

«Пешком!» — вслух приказал он самому себе и подумал: «Путь не ближний, однако и не такой уж дальний, всего-то двенадцать километров, вдобавок по грейдеру».

Нет, все-таки не напрасно родители упрекают своих детей в бесшабашности.

Не видя в кромешной тьме никаких ориентиров, Владимир Вакуленко в самом буквальном смысле нащупывал дорогу, стремясь ступать только по твердому покрытию,— ведь самым страшным было заблудиться.

Едва ноги утопали в особенно глубоком сугробе, он тут же останавливался и принимался тщательно пробовать, что под ним: кювет или же просто очередной снежный перемет? И, лишь убедившись, что по-прежнему находится на грейдере, двигался дальше.

Буран был сильный, очень сильный. И все-таки чувствовалось: мощь степного ветра уже не та, что прежде. Большие, по тысяче жителей, совхозные поселки с поднявшимися над ними деревьями, лесные ветрозащитные полосы, посаженные на стыке некоторых полей, высокие насыпи автомобильных дорог, во всех направлениях пересекавшие целинные просторы,— все эти преграды уже не давали поземке беспрепятственно гулять по центрально-казахстанским равнинам с той разбойной скоростью, как раньше. Немаловажным было и то, что на ее пути поднялась щетинистая стерня, сохраняемая при безотвальной системе земледелия. Сила степного ветра, скользящего по земле, теперь обернулась его слабостью: гладкая в прошлом степь стала шершавой, как жесткая зубная щетка, поземка цеплялась за миллионы упрямо торчавших из земли стеблевых остатков, злилась, завихрялась, но при этом постепенно теряла скорость.

Все в целинных краях заметили, что теперь здешние зимы стали уже далеко не такими ветреными, как прежде. Нет былых буранов с их сумасшедшей круговертью снега, дома в совхозных поселках уже давно не заметает сугробами до

крыш. И хотя в морозную пору на всех грейдерах обязательно дежурят трактора, расчищающие дорожные трассы, целинные новоселы восьмидесятых годов сейчас и представить себе не могут, что бывали здесь случаи, когда для преодоления бурана требовалось сразу шестнадцать могучих «Кировцев», когда двухметровые сугробы люди даже за снег не считали, принимая всерьез лишь заносы высотой от трех метров и выше.

Человек пришел в дикую ковыльную степь и сумел обуздать даже вольный ветер, который извечно чувствовал себя здесь единственным и полновластным хозяином, который в первые целинные годы пытался отомстить вторгнувшемуся в его пределы земледельцу черными пыльными бурями, уничтожавшими посевы.

И тот факт, что климат здесь изменился в лучшую сторону, стал гораздо более приемлемым для людей, тоже свидетельствует о прочном, надежном освоении целины.

Владимир думал обо всем этом, шагая по грейдеру, неторопливо и осторожно прощупывая дорогу. Ему не было страшно, он отчетливо осознавал происходящее, хорошо рассчитал свои силы и был озабочен лишь одним — не заблудиться, не сойти с твердой поверхности грейдера, ведущего к жилью.

Это ему удалось.

Поздно вечером, с ног до головы побеленный снегом, в заиндевелой шапке, он наконец ввалился в свой хорошо протопленный дом, и было почти все, о чем он мечтал,— во всяком случае, чай с варениками действительно был.

А «почти» — потому что долгого разговора с отцом в тот вечер не получилось. Василий Савельевич сильно рассердился на сына за мальчишество и здорово отругал его.

Последние письма Василия Яковлевича Рагузова, согласно его предсмертной воле, были отосланы в город Львов. Постепенно о том случае стали забывать: совхоз «Киевский» быстро разрастался, сюда прибывали все новые и новые люди, не знавшие Рагузова, никогда не видевшие его. Только ветераны-первоце-

линники порой рассказывали молодежи о веселом, жизнерадостном прорабе и художнике Васе, который мечтал построить здесь школу со спортивным залом, торговый центр, но не успел этого сделать, потому что нелепо, глупо замерз в степи.

И добавляли: а торгового центра-то до сих пор нет и школа, между прочим, без спортивного зала.

И вдруг спустя девятнадцать лет, летом 1974 года, в совхоз «Киевский» приехал из города Львова студенческий строительный отряд имени Рагузова. В его составе был младший сын Василия Яковлевича Александр, которому уже исполнилось двадцать, который избрал отцовскую профессию. В раннем детстве родители не успели привезти его на целину, как произошло с Володей Вакуленко. Но когда он подрос и прочитал обращенные к нему прощальные слова отца, то еще в школьные годы твердо решил продолжить его дело — потому и стал строителем.

Оказалось, что во Львове очень чтут имя Рагузова, на строительном факультете Львовского политехнического института есть даже аудитория, носящая его имя, там собран большой биографический материал о земляке-первоцелиннике. Поэтому совсем не случайно студенческий отряд приехал именно в совхоз «Киевский» — туда, где трудился Василий Яковлевич Рагузов.

В то первое для них тургайское лето двадцать семь студентов-рагузовцев своим упорством и трудолюбием удивили даже видавших виды целинников. С самого раннего утра и до позднего вечера они ремонтировали здание школы, пострадавшее от пожара, а главное, заложили рядом с ней большой и высокий спортивный зал, о котором мечтал первый целинный прораб.

В этом спортзале уже давно занимаются физкультурой школьники. На одной из его стен, воздвигнутых из белого силикатного кирпича, красным кирпичом выложена крупная надпись — «ЛЬВІВ».

Да, начиная с 1974 года львовский строительный отряд имени Василия Рагузова стал приезжать в поселок Киевский каждое лето. Сменяли друг друга поколения студентов, но парни и девчата из далекого украинского города — будущие

инженеры-строители — считали своим святым долгом приехать на целину и уложить свой кирпич в то прекрасное здание, которое начал когда-то возводить их земляк. Они ставили жилые дома, соорудили отличную автобусную остановку.

Именно они построили в самом центре поселка просторный двухэтажный торговый центр — такой, о каком даже не мог мечтать Василий Рагузов, ведь за четверть века строительное дело очень сильно продвинулось вперед. И именно студенты ведут сейчас самую большую стройку Киевского — возводят современный, удобный Дом культуры — с кинозалом и многочисленными помещениями для занятий художественной самодеятельностью.

Но среди всех этих студенческих строек была одна, особая, в которую львовяне, как говорится, вложили душу: ровно за месяц, работая в две смены, круглосуточно — ночью при свете прожекторов,— они сами спроектировали и построили Музей трудовой славы имени Василия Рагузова.

Теперь этот музей, расположенный в самом центре поселка, стал гордостью здешних жителей. Сюда приезжают люди со всей Тургайской области, из других мест Казахстана. В музее принимают в пионеры уже третье поколение целинников, внуков тех, кто вместе с Василием Яковлевичем Рагузовым первыми обживали неприветливую буранную степь. Здесь же вступают в комсомол. И экскурсии для посетителей в этом же музее проводят сами школьники, которые любят и очень хорошо знают историю освоения целины.

Александр Рагузов приезжал в совхоз «Киевский» пять раз. Бывал в нем и старший сын Василия Яковлевича — Владимир, который тоже избрал профессию строителя и трудится во Львове высотником-монтажником. Дети первоцелинника, как им и было завещано отцом, стали настоящими людьми, продолжили его дело.

После окончания Кустанайского сельскохозяйственного института Владимира Вакуленко, разумеется, направили в Степной — как совхозный стипендиат, он должен был работать именно в «Искре».

Но агрономов здесь было в достатке, а потому молодому специалисту на первых порах пришлось занять должность, вообще говоря, не требующую высшего образования,— примерно год он трудился старшим диспетчером. Зато через него шел весь поток хозяйственной информации, Владимир был полностью в курсе всех совхозных дел, научился разбираться во взаимосвязях и взаимозависимостях различных служб и подразделений.

«Не жалею, что был диспетчером! — часто восклицал впоследствии Вакуленко-младший.— Именно тогда ко мне и пришло понимание совхозного производства как единого целого».

А потом его пригласили в Октябрьский районный комитет комсомола — предложили работать заведующим отделом. Из райкома он и ушел служить в ряды Советской Армии.

Биографии сельской молодежи семидесятых-восьмидесятых годов складываются по-разному. Некоторые из парней и девушек, романтически жаждущие далеких странствий и великих дел, уезжают на такие крупные всесоюзные ударные стройки, как Камский автозавод, Атоммаш, Байкало-Амурская магистраль. И там в преодолении трудностей, в бурной жизни новостроек взрослеют, находят свою судьбу.

Другие, не зная толком, чего же они все-таки хотят, не умея разобраться в собственных желаниях, снедаемы одной, не дающей покоя мыслью: лишь бы перебраться из деревни в какой-нибудь большой город, где досуг, на их взгляд, куда интереснее, разнообразнее, нежели в сельской глухомани. Такие, как правило, мчатся куда глаза глядят, устраиваются на работу не по призванию, а в те организации, у которых есть общежития. И лишь позднее, изведав не только привлекательные, но и неудобные стороны самостоятельной жизни вдали от родного дома, начинают осознавать: да, в большом городе действительно интересно и весело, но не всем, а лишь тем, кто нашел свое призвание, кто духовно готов к тому, чтобы пользоваться культурными ценностями.

А нищему духом везде скучно.

Но в последние годы все больше деревенских парней и девушек понимают, что самые лучшие жизненные перспективы открываются перед ними не за горами-за долами, не в крупных

городах, а в родных селах. Деревня наша сейчас находится на крутом подъеме, никогда в прошлом страна не проявляла к ней столько внимания, как сейчас. Труд земледельца, животновода стал необычайно почетен и престижен. Вдобавок в современном аграрном производстве появились десятки новых профессий, ни в чем не уступающих городским, не говоря уже о быстро развивающейся службе быта, которой тоже требуются молодые, энергичные и образованные люди для работы в телевизионных ателье, на станциях автосервиса, во всевозможных мастерских металлоремонта и так далее, и тому подобное.

В середине пятидесятых годов молодое поколение Василия Рагузова и Василия Вакуленко восприняло освоение целинных и залежных земель как главное дело своей жизни, как патриотический, нравственный долг перед Родиной. И в громадном, подавляющем большинстве случаев судьбы первоцелинников сложились счастливо, до завидного интересно.

А перед поколением сельской молодежи восьмидесятых годов стоит другая, не менее грандиозная задача: выполнение Продовольственной программы. Решение этой задачи не требует мчаться из конца в конец страны, преодолевать суровые тяготы, выпадающие на долю первопроходцев. Однако в обычности, кажущейся заурядности аграрного труда кроются свои психологические сложности: за этой повседневностью не все способны увидеть широкую жизненную перспективу, понять, что Продовольственная программа, ее претворение в жизнь в самое ближайшее время изменит облик села столь же круто, как это произошло на целине после ее освоения.

Ведь Продовольственная программа объединяет в себе решение сразу двух важнейших задач — не только аграрной, но и социальной. Согласно этой программе, десятки миллиардов рублей будут направлены на строительство жилья, школ, Дворцов культуры, домов быта, автомобильных дорог, на благоустройство сел — в общем, на то, чтобы деревня по своему культурному уровню приблизилась к городу. К тому городу, жители которого, между прочим, в наш урбанистически-индустриальный век все более и более тяготеют к общению с природой, о чем свидетельствует дачно-садовый бум и несчет-

ные легионы грибников, рвущихся в леса, за десятки и даже сотни колометров удаленные от их жилья.

А у деревенского жителя все это вот, рядом, под боком.

Но главное, пожалуй, все-таки не в тех социально-культурных благах, которые несет с собой Продовольственная программа, не в особой привлекательности работы, протекающей в постоянном общении с природой. Главное в том, что настал такой период, когда именно дома, в родном селе перед юношами и девушками открываются самые лучшие жизненные перспективы. Только работай, только трудись!

Так произошло с Владимиром Вакуленко.

Конечно, в переломный год окончания школы сомнения были и у него: уж слишком много заманчивых возможностей предоставляет наше время молодому поколению. Через несколько лет, когда судьба его сложилась очень счастливо, удачно, Владимир вспоминал:

«Целина вошла в историю неповторимой красной строкой, и для меня стала родным домом. Я без целины просто не могу представить свою жизнь, и это не красивые слова. Помню, когда закончил школу, столько разговоров было о БАМе! Шевельнулась мысль поехать туда, и сразу будто в сердце кольнуло: если все уедут, кто же останется на моей родной земле? Нет, это мой родной дом. Мои родители — целинники, я — целинник и мой сын Юра тоже будет целинником. Все силы к этому приложу».

Вернувшись из армии, Владимир сперва трудился участковым агрономом в соседнем совхозе «Железнодорожный», а затем его назначили бригадиром тракторно-полеводческой бригады — работа очень ответственная, можно сказать, ключевая: непосредственно на земле, в эпицентре борьбы за урожай. И еще то было важно, что, став бригадиром, Владимир Вакуленко впервые в жизни оказался руководителем коллектива.

Пусть невелика должность, пусть в бригаде всего лишь пятнадцать человек, но какое колоссальное, принципиальнейшее отличие от обязанностей участкового агронома! Агроном — это технолог сельскохозяйственного производства, его

главное оружие — знание и опыт, он прежде всего имеет дело с землей.

А бригадир в первую очередь имеет дело с людьми, что значительно сложнее, он — организатор производства.

Агроном в основном озабочен правильным применением агротехники, соблюдением севооборотов. А бригадир, кроме этого, обязан подумать и о том, как вкуснее накормить механизаторов, как поудобнее оборудовать временную столовую. В круг его дел входит не только ремонт техники, но и строительство на полевом стане бани — русской парной баньки, которая хоть и топится по-черному, зато усталость снимает лучше любой городской ванны с кипятком из крана.

И как бы ни были важны чисто производственные заботы бригадира, забота о людях всегда важнее. Эту заповедь Владимир Вакуленко перенял у своего отца и придерживался ее неукоснительно с первых бригадирских шагов. Может быть, поэтому его бригада, которая в начале весеннего сева занимала в совхозной сводке восьмую, последнюю строчку, закончила сев уже третьей, говоря спортивным языком, вошла в число призеров. А ведь как раз в начале весенних работ ее и принял Вакуленко.

А потом его назначили командиром студенческого механизированного отряда.

Сорок студентов Чувашского сельскохозяйственного института приехали из Чебоксар в тургайский совхоз «Железнодорожный», чтобы помочь целинникам в уборке урожая. Они были с разных курсов, разного возраста, но все уже имели удостоверения на право вождения тракторов. И директор «Железнодорожного» Анатолий Васильевич Докалов принял смелое решение: посадить студентов на самую первоклассную, самую современную технику — на тракторы «Кировец», или, как их иногда называют на целине, на «ка-семьсоты».

Конечно, в институте ребята знакомились с этими мощными машинами, сдавали экзамены по их вождению. Но одно дело — просто ездить на К-700 по дороге и совсем другое — работать на нем с прицепными или навесными орудиями. Даже обычный разворот тут сделать не так-то просто — например, длина трактора с девятикорпусным плугом составляет без малого двадцать метров. Получится ли у такой махины хо-

рошая, правильная разворотная полоса? А ведь есть вопросы и посложнее: как вовремя поднять лущильник или глубокорыхлитель, где плуг заглубить, а где вымелить.

Да что там говорить, если самое простое — обычная мягкая пахота — и та дается не сразу. Когда трактор идет по полю с широкозахватным плугом, внатяг, вовсю используя свой трехсотсильный двигатель, у механизатора-новичка вспашка не получится прямой: даже могучий «Кировец» вихляет от таких громадных нагрузок, и борозда «гуляет». Тут нужны опыт, умение, твердая рука.

Но так или иначе, а студентов посадили на самые лучшие трактора, доверили им прекрасную технику. И вдобавок командиром к ним назначили совсем молодого парня — Владимира Вакуленко, по сути дела, их ровесника, всего лишь на год-два старше. Анатолий Васильевич Докалов оказался верен себе — как всегда, сделал ставку на молодежь.

И студенты не подвели. Они прекрасно пахали зябь, вскоре превратившись в заправских «ка-семьсотчиков», а потом приняли участие в уборке урожая.

Для них это был настоящий праздник. Владимир Вакуленко, постоянно находившийся в поле, рядом со студентами, хорошо понимал их радостное возбуждение и вспоминал свой первый бункер зерна. С парнями происходило то же самое: взрыв эмоций, торжество самоутверждения в труде. Командир отряда по очереди подъезжал к каждому комбайну и везде видел полные, с верхом набитые бункера. Ребята останавливали «Нивы», соскакивали с высоких подножек на землю, глядели на командира счастливыми глазами и, показывая на обмолоченное зерно, от избытка чувств не могли даже говорить, начинали изъясняться междометиями:

— Вот!

— Вот это да!

— Ну и ну, вот это работенка!

И были эти короткие торжествующие междометия красноречивее длинных монологов о том, какое громадное удовлетворение получают они от прекрасной работы на пшеничном поле.

Сейчас, после освоения целинных земель, одна Тургайская

область дает стране столько же хлеба, сколько в прошлом производил весь Казахстан. Два миллиона гектаров засеяно здесь пшеницей. И какой пшеницей — сильной. Царь-хлебом.

Формально пшеницу зачисляют в разряд сильных в том случае, если в ней содержится минимум 28 процентов клейковины. Однако тургайское зерно гораздо богаче. В зависимости от сезона оно набирает и 30 и 35 процентов, а порой даже до 40 процентов клейковины — в два с лишним раза больше, чем рядовой хлеб. В семьдесят областей страны, в том числе в Москву и Ленинград, поступает тургайская пшеница, улучшая качество хлебопекарных изделий.

Но растят здесь не только сильную, но и твердую пшеницу — со стекловидным, янтарным зерном. В ней тоже содержится очень много клейковины, однако ее мучнистость гораздо меньше, для хлебопечения она практически непригодна. Из твердой пшеницы изготовляют макароны, вермишель, рожки, торты. И если сильные пшеницы весьма прихотливы, то твердые — и вовсе капризны. К тому же у них есть зловредный враг — цветочный клещ, который уничтожает янтарное зерно.

В стародавние времена в Тургае почти не было земледелия. Поэтому не было и векового народного опыта возделывания уникальных пшениц. Не существовало даже их сортов местной селекции, они были взяты в Поволжье, на Кубани и Ставрополье, на Украине — знаменитая сильная «Саратовская-29» и не менее известная твердая «Харьковская-49». А первоцелинники, приехавшие из самых разных регионов страны, привезли с собой собственный земледельческий опыт, не во всем пригодный для степных условий центрального Казахстана,— потому-то, в частности, и возникла необходимость внедрения безотвальной, противоэрозионной системы обработки почвы.

К тому же люди, которые первыми самоотверженно осваивали казахстанские степи, по уровню своих знаний в целом не соответствовали решению тех сложных агротехнических задач, которые выдвинула целинная эпопея.

Директора совхозов, направленные на целину Коммунистической партией, были руководителями поистине незаурядными, особой закалки. Многие из них, особенно бывшие фронтовики, обладали редким организаторским даром и в труднейших

условиях умели сплотить коллективы, сами повседневно проявляли огромное мужество, даже героизм. Всех вместе их называли — «Дипкорпус». Но к дипломатии это название никакого отношения не имело, оно расшифровывалось иначе: «Директорский и председательский корпус». То была гвардия советского трудового крестьянства, люди, беззаветно любившие землю и без колебаний жертвовавшие ради ее обновления своим здоровьем — ведь работать им зачастую приходилось круглосуточно, а жили они в палатках, времянках. Большинства из них сейчас уже нет в живых. Но дело они свое сделали, и целина помнит их подвиг. В честь этих первоцелинников установлены бюсты и памятники, их имена носят улицы в степных поселках, школы, Дворцы культуры.

Но они, эти сильные мужественные люди, в основном были земледельцами-практиками, их непревзойденное умение понимать, нутром чувствовать самые лучшие сроки сева, уборки, сенокоса основывалось на крестьянском опыте, унаследованном от предков. Однако они далеко не всегда могли верно ориентироваться в новых, непривычных условиях казахстанской степи. К тому же львиную долю их неуемной энергии занимали проблемы организации новых совхозов — как раз в вопросах руководства людьми они были особенно сильны.

Не имела полноценного образования и молодежь, приехавшая поднимать целину. Десяти лет не прошло с тех пор, как победоносно завершилась Великая Отечественная война. Детство поколения молодых людей середины пятидесятых годов выпало на суровые, полные тягот и лишений военные годы. Юноши и девушки той поры, романтики и энтузиасты, готовые преодолевать любые трудности, были именно теми рано осиротевшими подростками, которые в деревнях заменили ушедших на фронт отцов, которые вместе с матерями, дедами и бабками пахали и сеяли на лошадях, а порой и сами впрягались в плуг. Лишь немногим из них, таким, как Василий Савельевич Вакуленко, удалось получить среднее специальное образование.

Не случайно такие первоцелинники, как Вакуленко-старший, со временем пришли на смену первым директорам-организаторам совхозов. Конечно, они уже неплохо владели основами

агрономической науки, вдобавок в хозяйствах появлялось все больше и больше дипломированных агрономов, и это позволяло более грамотно эксплуатировать землю. Однако с годами роль и значение научного подхода к землепользованию постоянно возрастали. Естественное, накопленное за столетия, изначальное плодородие казахстанских степей уменьшалось. Чтобы получать от них желаемую отдачу, необходимо было пустить в ход весь арсенал агротехнических приемов и правил, накопленных наукой. Образно говоря, минули времена шолоховского деда Щукаря, который определял готовность почвы к посеву своим, доморощенным способом: садился на пашню и авторитетно заявлял, что земля поспела, можно сеять.

Теперь агротехнические рекомендации дает наука. Но для того чтобы верно ими пользоваться, целине понадобились хозяйственные руководители третьего поколения — в совершенстве владеющие современными знаниями, как говорится, с молоком матери впитавшие глубокое понимание противоэрозионной безотвальной системы земледелия, душой и сердцем преданные этим степным краям, выросшие здесь, считающие их своим родным домом.

И целина начала выдвигать таких руководителей.

В 1983 году Владимир Вакуленко нежданно-негаданно получил новое назначение: главным агрономом в совхоз «Октябрьский».

Это хозяйство считалось сравнительно небольшим при сопоставлении с таким гигантом, как «Железнодорожный», где площадь одной только пашни составляла семьдесят тысяч гектаров. Однако в районе оно играло роль очень заметную: совхоз славился образцовой, передовой агротехникой, на его полях как бы проходили проверку новейшие рекомендации ученых, культура земледелия здесь была необычайно высока. Не напрасно главные агрономы других хозяйств района почитали за честь, если их приглашали в «Октябрьский» участковыми агрономами.

И вдруг главным сюда назначили, можно сказать, новичка, молодого специалиста!

Сам Владимир был удивлен столь лестным предложением. Но, поразмыслив основательно, поначалу решил от него отказаться — слишком ответственной показалась ему новая работа. Однако в районном комитете партии его все же убедили согласиться на переход в «Октябрьский», пообещав помощь и поддержку. А Вакуленко по собственному опыту знал, что на такую помощь действительно можно твердо рассчитывать.

Когда он возглавил тракторно-полеводческую бригаду в совхозе «Железнодорожный» и в первый момент растерялся от обилия новых обязанностей, забот и хлопот, именно парторг совхоза Лидия Николаевна Викторова поддержала его. Чуть случалась какая-нибудь заминка или возникал трудный вопрос, Вакуленко сразу же отправлялся к Викторовой, которая справедливо считала, что опекать надо в первую очередь молодых — опытные да маститые сами справятся. Почувствовав эту искреннюю заботу, новый бригадир так расстарался, что полевой стан его бригады вскоре стал одним из лучших в совхозе. А ведь «Железнодорожный» славился в районе своими хорошо обустроенными станами.

В «Октябрьском» Владимиру Вакуленко повезло необычайно: он прошел школу замечательного человека и прекрасного руководителя Григория Ивановича Решетиловского. Хотя в хозяйстве было немало опытных главных специалистов, директор сразу же издал приказ, которым назначил Вакуленко своим заместителем, и сказал главному агроному:

— Имей в виду, раз уж я тебя делаю своим заместителем, значит, я тебе полностью доверяю. Все вопросы решай сам. Конечно, если что не ясно, звони мне, будем решать вместе. Но все же старайся сам решать, понял? Учись брать на себя ответственность.

И вдобавок ко всему «повесил» на главного агронома свиноводческий комплекс, где выращивали двадцать тысяч свиней.

Теперь Владимиру приходилось вникать во все хозяйственные мелочи, постоянно находиться среди людей, оперативно решать десятки самых неожиданных вопросов, каждодневно возникающих в аграрном производстве,— от необходимости срочно раздобыть какую-нибудь запчасть для трактора до

«выбивания» строительных гвоздей, между прочим, весьма дефицитных.

В отсутствие Григория Ивановича он самостоятельно проводил планерки, на которых ставил задачи перед главными специалистами. А Решетиловский частенько ездил по командировкам — в города, где расположены научно-исследовательские институты аграрного профиля. Поручив ведение повседневных дел молодому заместителю, директор занимался перспективными проблемами — смотрел далеко вперед. Правда, когда дело касалось экспериментов, он сам не уходил с полей, как любят говорить агрономы, чуть ли не на брюхе ползал по пашне, изучая первые результаты опытов.

Так было, в частности, с перекрестными посевами. Споров о том, выгодно или не выгодно сеять перекрестным способом, везде велось предостаточно. Ведь при таком способе увеличиваются расход семян и количество технологических операций во время сева. А как все это отзовется на урожае? Окупятся ли дополнительные расходы и усилия? Но именно в «Октябрьском» первыми решили от дискуссий перейти к делу и в каждой бригаде засеяли перекрестно по одной «клетке». Эксперимент дал вполне определенный ответ: перекрестный способ сева ведет к интенсификации производства, больше затрат, но зато значительно выше урожайность. Выгодно!

И конечно, в «Октябрьском» давно утвердилось бережное, особо внимательное отношение к чистым парам: паровое поле — это святая святых, с него начинается вся система земледелия. Никакие летние пиковые нагрузки, даже сенокос, не могли помешать Решетиловскому по четыре-пять раз обрабатывать пары, вносить на поля отмеренные по-научному дозы органических и минеральных удобрений.

Все это было, конечно, не просто: с полным напряжением работали техника и люди, как говорится, волчком крутились главные специалисты и участковые агрономы. Но зато отдохнувшая земля неизменно давала высокие урожаи: сильная пшеница хорошо удавалась не только по парам, но и по подпаркам, иными словами, и на второй год после «ремонта» пашни.

Ту передовую технологию возделывания зерновых, которую

прекрасно использовали в совхозе «Октябрьский», Владимир Вакуленко изучал еще в институтские годы. Но какая огромнейшая разница между теоретическими знаниями и их практическим применением, между учебником и полем!

Еще сравнительно недавно были времена — и в поле и на заводе,— когда молодой специалист, овладевший на студенческой скамье современными, перспективными знаниями и пришедший на производство с жаждой немедленно использовать их в деле, наталкивался на снисходительную усмешку закоренелых практиков: ишь ты, мол, петушок молоденький, ишь какой прыткий, чего захотел — журавля в небе. Нет уж, мы свою синичку в руках держим и тебя тому же научим. Такие суждения подрезали крылья энтузиазму, свойственному молодости, стремлению идти на оправданный риск ради интересов дела, как бы приземляли полет мечты.

Но времена быстро меняются. Сейчас всюду на вес золота именно те работники, которые умеют и любят внедрять новые технологии, а таких, вполне понятно, особенно много среди молодежи, недавно закончившей институты, техникумы. Может быть, поэтому Григорий Иванович Решетиловский и пошел на то, чтобы сделать своим заместителем не опытного, кадрового специалиста со сложившимся агрономическим мышлением, а молодого агронома, который, правда, уже прошел трудную бригадирскую школу непосредственной работы на земле.

Но не только директор совхоза «Октябрьский» придерживался такой точки зрения. Она стала сейчас преобладающей. Всюду на селе смело и решительно выдвигают на самостоятельную работу энергичную молодежь. И в марте 1984 года, когда Решетиловский уехал в очередную командировку в Кокчетав — изучать передовую технологию выращивания свиноматок, а главный агроном, как всегда, остался его замещать, Владимира Вакуленко неожиданно вызвали в Тургайский областной комитет Коммунистической партии Казахстана.

Он думал, по совхозным делам. Однако вышло иначе: Владимира пригласил к себе первый секретать обкома и после обстоятельной беседы, длившейся ровно час, сказал, что у бюро обкома есть мнение перевести Вакуленко в Жаксынский район и назначить его директором совхоза «Киевский».

Так, в возрасте двадцати восьми лет, в тот год, когда отмечалось тридцатилетие с начала освоения целинных и залежных земель, Владимир Васильевич Вакуленко стал руководителем крупного зернового совхоза.

Да, так сложились судьбы: сын первоцелинника Василия Вакуленко пришел руководить совхозом «Киевский», где немало связано с именем другого первоцелинника Василия Рагузова. И за этими судьбами встает сама история нашей страны, преемственность сменяющих друг друга поколений.

Реальная жизнь зачастую бывает увлекательнее остросюжетного вымысла. И в рассказанной истории тоже переплелось в тугой узел многое, очень многое. Владимир Вакуленко продолжил председательско-директорскую династию, начатую его дедом в конце двадцатых годов и продленную его отцом в шестидесятых-семидесятых годах. Бывший директор совхоза «Железнодорожный» Анатолий Васильевич Докалов работает ныне первым секретарем Жаксынского районного комитета партии. Как и прежде, в совхозе, он делает ставку на молодежь, и, видимо, не без его ведома и участия перевели в этот район Вакуленко-младшего.

А Вакуленко-старший уже на пенсии. Когда по состоянию здоровья он ушел с поста руководителя совхоза «Искра», его сразу же пригласили работать в районное управление сельского хозяйства — чтобы использовать богатейший опыт Василия Савельевича. Он согласился и... стал на глазах увядать. Сын частенько приезжал навестить родителей — живут они всего-то километрах в ста пятидесяти от «Киевского»,— и каждый раз на вопрос о самочувствии отец тоскливо отвечал:

— Разве это жизнь — бумажки перебирать? Эх, Вовка, Вовка, скинуть бы сейчас годков двадцать, и снова в совхоз!

Но неожиданно Василию Савельевичу предложили другую должность — наставником в Октябрьском профессионально-техническом училище. Вакуленко сразу же согласился и буквально расцвел. Снова целыми днями стал пропадать на работе, домой приходил взбудораженный, увлеченный, только и говорил про своих мальчишек.

— Второе дыхание открылось! — радостно рассказывал он сыну.— Как же это я, чудак старый, сразу не сообразил, что

мне не в контору надо идти работать, а в профтехучилище, нашу целинную смену растить. А какие, между прочим, ребятки подрастают, а! Любо-дорого смотреть.

Вслед за Владимиром Вакуленко перебазируется в Жаксынский район, в совхоз «Киевский», и комплексный механизированный отряд Чувашского сельскохозяйственного института. Снова дадут студентам из Чебоксар самую лучшую технику — могучие «Кировцы», чтобы каждый парень проложил в поле свою первую борозду, снова посадят их на комбайны, чтобы каждый намолотил свой первый бункер зерна. Впрочем, как директор Вакуленко преследует и практические цели: ведь студенты во время пятого, трудового, семестра приносят хозяйству огромную пользу, на совесть работают ребята.

Вместе с новым директором пришла в совхоз «Киевский» и та жизненная наука, которой учили его старшие. От своего отца он унаследовал бережное, чуткое отношение к людям и повышенное внимание к проблемам благоустройства поселка. У Анатолия Васильевича Докалова он позаимствовал особую заботу о воспитании молодежи: в этом вопросе у Владимира Вакуленко полное единодушие с совхозным парторгом Ауесханом Кожабаевым, который, кстати, ненамного старше директора — ему тридцать лет. У Григория Ивановича Решетиловского перенял привычку, несмотря на занятость, регулярно читать специальную аграрную литературу, постоянно выискивая в ней то, что может пригодиться в «Киевском».

Но пожалуй, самое основное состоит в том, что сквозь десятки текущих дел, сквозь повседневные директорские хлопоты и тревоги Владимир Васильевич Вакуленко не теряет из виду ту главную задачу, которая выпала на долю его поколения. Герои-первоцелинники осваивали голые степи. Люди, пришедшие им на смену, сумели обжить целину прочно, по-хозяйски, превратили ее в регион с высокоразвитой инфраструктурой: иначе говоря, с многочисленными автодорогами, линиями связи, строительными и ремонтными базами.

А нынешним молодым, тем, кто родился и вырос на целине, предстоит сделать новый шаг: в соответствии с духом современной хозяйственной жизни, закрепленным в партийных ре-

шениях, надо резко увеличить экономическую отдачу освоенных земель.

Ведь размеры целинных урожаев в разные сезоны значительно отличаются друг от друга: в удачный год элеваторы с трудом справляются с потоками первосортного зерна, а в чрезмерно засушливый происходит заметный недобор сильной пшеницы. Такие колебания отрицательно сказываются на экономических показателях совхозов, да и для страны в целом они очень невыгодны.

Как же сделать так, чтобы целина из года в год, независимо от погодных условий, давала бы устойчивые, стабильные, гарантированные урожаи?

Человек давно убедился, что природу можно улучшить, но обмануть ее невозможно. Примером тому могут служить некоторые чрезвычайно обильно плодоносящие культурные сорта яблонь. С помощью селекции удалось значительно поднять их урожайность. Но ведь хорошо известно: такие яблони, дав очень богатый урожай, следующим летом отдыхают, плодоносят они по-настоящему лишь раз в два года. И если прикинуть их среднюю ежегодную отдачу, то получится она на уровне обычных хороших сортов. Зато неравномерность плодоношения приносит свои неудобства: при чрезмерном изобилии затруднен сбор яблок и много плодов портится, их не успевают переработать. Ну а в «пустой» сезон создается дефицит.

Наука знает, как выровнять синусоиду целинных урожаев, чтобы постоянно выполнялись и перевыполнялись пятилетние планы заготовок зерна. Путь к этому лежит через общее повышение культуры земледелия, и особую роль тут играют чистые пары. Услышанное еще в студенческие годы, глубоко запавшее в сердце Владимиру Вакуленко выступление народного академика Терентия Семеновича Мальцева стало для молодого директора совхоза как бы путеводной звездой, главным ориентиром в его агрономической работе.

И как человек, бесконечно любящий землю, всей душой радеющий за ее благополучие и процветание, Владимир Вакуленко глубоко счастлив оттого, что культуре земледелия, в частности чистым парам, на целине сейчас уделяют совершенно особое внимание — как никогда в прошлом.

На той сопке, где погиб Василий Яковлевич Рагузов, односельчане уже давно установили в память о нем скромный обелиск. Однако новый директор совхоза, особенно почитающий героическую историю освоения целины, решил, что этого недостаточно. И когда летом 1984 года в «Киевский» в очередной раз приехал строительный студенческий отряд из Львова, Владимир Васильевич попросил земляков Рагузова подумать о новом, современном обелиске.

Получив такое задание, студенты сами разработали проект и сами возвели в степи обелиск в честь первоцелинника. Он представляет собой кусок стены из белого и красного кирпича, символизирующей знаменитый архитектурно-строительный девиз, который когда-то давно был высказан еще древнеримским зодчим Витрувием: «Польза, прочность, красота!»

За много километров виден этот необычный памятник, гордо и одиноко стоящий на самой вершине Рагузовской сопки — да, она теперь называется Рагузовской. Сюда, к этому памятнику, приезжают перед свадьбами молодожены, возлагая цветы к его подножью и отдавая дань уважения первоцелиннику. Гости совхоза «Киевский» тоже обязательно посещают это место.

Необъятные степные дали открываются с Рагузовской сопки. Бескрайние пшеничные поля обступили ее со всех сторон, словно по морю, плывут по ним комбайны «Нива» и тракторы «Кировцы», где-то далеко-далеко пылят по проселочным дорогам грузовики. А совсем неподалеку раскинулся утопающий в зелени белый поселок Киевский, тот Киевский, который во времена Василия Яковлевича Рагузова был палаточно-земляночным, без единого деревца.

Есть у тургайской земли один секрет: здешние края — это советская космическая гавань. Именно здесь часто приземляются космические корабли с нашими исследователями Вселенной, здесь же осуществляли мягкую посадку и многие международные экипажи — в частности, советско-индийский, советско-французский.

Конечно, даже после того, как в атмосфере раскрываются громадные разноцветные парашюты и космические корабли начинают плавно скользить вниз, у космонавтов нет возможности внимательно разглядывать землю. Зато пассажиры воз-

душных лайнеров, пролетающих над тургайской степью, могут увидеть через иллюминаторы странный знак, словно специально подаваемый небу: среди широко раскинувшихся, разлинованных в клеточку целинных полей, на вершине небольшой, едва заметной с высоты сопочки вдруг явственно просматривается выложенная из камня заглавная буква «Р».

Именно в виде буквы «Р» львовские студенты выложили постамент памятника на Рагузовской сопке.

Чтобы не только степным ширям, но и небесным высям напомнить об одном из тех, кто вместе с десятками тысяч своих товарищей осваивал целинные земли.

В ЖАТВУ

Погода в тот памятный год выдалась странная.

Сначала мороз, мокрый снег и ветер, поочередно сменяя друг друга, заставляли ртутный столбик термометра выделывать такой замысловатый, причудливый и трудно предсказуемый танец, что казалось, будто небесная канцелярия просто-напросто перестала справляться со своими обязанностями и пустила все на самотек. Древние бородатые деды в таежных деревнях прилежно скрипели перьями, по старинке не признавая шариковых ручек, неустанно вели календарь погоды в потрепанных за десятилетия, но по-своему драгоценных тетрадях и хмуро предсказывали:

— Однако, лето будет чижелым...

По народным приметам погода в Сибири аукается ровно через полгода, день в день. Зима как бы зеркально отражается летом: мороз оборачивается жарой, слякоть — дождями, ну а ветер — он всегда ветер.

К тому же весна получилась утомительная, затяжная. Обь

освобождалась ото льда с трудом, натужно сбрасывала с себя толстый панцирь. Между первыми трещинами и ледоходом образовалась пауза в несколько недель, поэтому ледовая переправа в Шегарке закрылась рано, а паромная открылась поздно, и северные районы Томской области были долго отрезаны от правого, томского берега. По особо срочным делам приходилось добираться в Томск через Новосибирск и делать дополнительный крюк длиною без малого в шестьсот километров. А это целый день езды.

Наконец Обь разлилась, выплеснулась на заливные луга, превратилась в безбрежное море, в котором плавали только верхушки тальника да небольшими островками выглядывали бугры с одинокими домами, поставленными так, чтобы не затопляло.

Новый поселок Коломино, взобравшийся на обскую кручу, и тот оказался почти у воды. А пристань Коломино, конечно же, как всегда, залило.

И спадала вода медленно, неторопливо, словно нехотя, потому что ее периодически поддерживали дожди. Вообще той весной влажно было всюду: в тайге, на проселочных дорогах, на пастбищах. Долго не просыхала, не подпускала к себе трактора и раскисшая, взбухшая от избытка влаги пашня. Поэтому весенний сев в тот год был вынужденно поздним, даже запоздалым.

Дед Вторушин извлек ульи из омшаника только в мае и с надеждой вглядывался в небо, ожидая хотя бы одного теплого денечка, чтобы пчелы смогли совершить облет: оправиться после зимней спячки, приготовиться к медосбору. На самый целебный, весенний мед рассчитывать уже не приходилось, это Вторушин понимал прекрасно: цветение трав было вялым, а главное, пчела не могла работать в пасмурную прохладную погоду. Выгони-ка ее из улья! В телогрейки, что ли, одевать каждую пчелку?

Валерий Петрович Вторушин, коренастый, плотного сложения, с добрым, широким, улыбчивым лицом, был дедом совсем молодым — всего пятьдесят пять лет исполнилось. Перешел он в эту возрастную категорию, известное дело, не по своей воле: дети всегда ласково называли его папкой, но

появились внуки и, по сибирской традиции, Вторушина сразу же начали величать дедом, только так.

И совхозным пасечником он заделался тоже сравнительно недавно — только лишь года три назад, когда пошатнувшееся здоровье вынудило его отстраниться от заведования фермой и упросить односельчан-коммунистов, чтобы они в очередной раз не избирали его секретарем партийного бюро. Ведь пятнадцать лет подряд был он парторгом, более авторитетного, уважаемого человека в Сухом Логе, пожалуй, было и не сыскать. Но вот здоровье подкачало: стали сильно подводить больные ноги. Застудил он их сразу после войны, в ту суровую, неимоверно тяжкую пору своей юности, когда ему, семнадцатилетнему пареньку, пришлось зимой отправиться из колхоза на лесозаготовки.

Страна быстро возрождалась из руин, оставленных страшными военными бедствиями, повсюду шла стройка, и сибирский лес позарез нужен был в опустошенных врагом западных нечерноземных областях, в Белоруссии, на Украине, в Прибалтике. А мужчин в Сибири почти не осталось — погибли на фронтах, защищая Родину. Трелевочных тракторов и бензиновых пил «Дружба», разумеется, еще не было. Вот в зимнюю пору, когда в напряженном календаре крестьянских работ предусматривался отдых, колхозные подростки и приходили на подмогу таежным леспромхозам. Наравне со взрослыми, приехавшими в Сибирь по оргнабору, они жили в наскоро сколоченных больших бараках, которым любили давать громкие названия — «Москва», «Ленинград», «Киев». В одиночку сноровисто валили ребята огромные деревья лучковой пилой.

Норма для каждого пильщика составляла пять кубометров в день. Это означало, что надо было спилить примерно пять здоровенных лесин и «освежевать» их — обрубить сучья и тут же эти сучья сжечь, чтобы не засорять тайгу гниющим лапником. А потом, вдобавок ко всему, предстояло распилить поваленные лесины на стандартные кряжи длиной от четырех с половиной до шести метров.

И ничего, выполняли норму, иной раз даже перевыполняли. Но эти непосильные для юношеского возраста тяготы все-таки

сказались: Вторушин застудил ноги. Что поделаешь, в такое уж нелегкое время входило в жизнь его поколение — в неласковое, полное лишений время.

И стал дед Валерий Петрович Вторушин пасечником. Всю жизнь он страшно боялся пчел, и когда предложили ему эту новую, более спокойную работу, поначалу испуганно открестился. Однако потом поговорил с опытными местными дедками, почитал специальные книжки о пчелах, взял в совхозной библиотеке нужные журналы и понял, что лесная пасека, расположенная примерно в трех километрах от Сухого Лога, на Пасечной горе, может стать для него не только местом работы, но и глубоким, серьезным увлечением.

Так оно и вышло. Через три года Вторушин превратился в завзятого пчеловода, страстно полюбившего свое дело. А что касается так страшивших его прежде укусов, то вскоре выяснилось: пчелы жалят, но одновременно создают в организме человека иммунитет против своего же яда. И постепенно пасечник перестает чувствовать укусы, вдобавок пчелы его почти не трогают, привыкают к нему.

На весенней пасеке хлопот много: надо установить рамки с натянутой на них вощиной, из которой пчелы вытянут правильной формы шестигранные соты — кладовые для меда. Надо вовремя избавиться от трутней.

Устав, запыхавшись — все-таки около ста ульев! — Валерий Петрович присаживался на крыльцо небольшого сруба, где жил в летнюю, особо хлопотливую для пасечника пору, и задумчиво смотрел в небо.

Над ним примерно каждые полчаса пролетали самолеты — небольшие самолетики «АН-2», ветераны, наверное, ровесники самого Вторушина, которые по-прежнему исправно и очень надежно продолжали обслуживать местные воздушные линии. Пасечник уже хорошо знал, что здесь проходит за день двенадцать рейсов: пересчитывал неоднократно. Самолеты шли на Томск из райцентра Подгорное, а также из расположенного ниже по Оби Колпашева. Их маршрут, словно специально, лежал именно через Пасечную гору, и дед Вторушин, когда было у него хорошее самочувствие и настроение, будто мальчишка, соскакивал порой с крыльца, срывал с головы свою

матерчатую шляпу с короткими полями и начинал радостно размахивать ею, подавая пилотам приветственные знаки.

Если рейсы отправлялись из Подгорного, расположенного всего лишь километрах в двадцати от Сухого Лога, над Пасечной горой самолетики только-только набирали высоту, и летчикам хорошо была видна пасека. Некоторые из них, заметив приветствие, иногда отвечали деду дружелюбным неторопливым покачиванием крыльев, и в таких случаях Валерий Петрович был доволен: принимал это за добрый знак.

Но в ту весну, сколько ни махал Вторушин своей шляпой — уже не от хорошего настроения, а ради того, чтобы увидеть добрый знак — ни один из пилотов так ему и не ответил.

А у директора совхоза Ремберта Эльмаровича Палосона были свои заботы.

Совхоз «Коломинские Гривы» считался самым большим в Чаинском районе и одним из самых крупных во всей Томской области — его угодья на шестьдесят километров протянулись вдоль автомобильной трассы, ведущей на север по левому берегу Оби. Вдобавок часть земель — заливные луга с особенно хорошим травостоем — находилась за Обью, что вынуждало хозяйство даже держать свой речной флот: буксирный катер «Костромич» и две баржи. Молочное стадо в совхозе было таким большим, что составляло почти треть всего чаинского поголовья коров. И это означало, что «Коломинские Гривы», как говорится, «делали план» району. Их неудача сразу потянула бы назад всех чаинцев.

Коломинскими Гривами называлось большое село, где разместилась центральная усадьба совхоза. Почему — «коломинские», было ясно, тут сказывалась близость обской пристани Коломино. А вот почему «гривы»?.. Во всяком случае, к лошадиным гривам это название никакого отношения не имело. Скорее всего, оно происходило от необычного рельефа здешних мест: зажатые тайгой, сильно стесненные поля представляли собой волнообразный ландшафт. Удлиненные, лежащие параллельно друг другу, частые, невысокие, но достаточно крутые бугры, именуемые здесь гривами, создавали неповторимое

своеобразие. Когда осенью на таких полях начиналась уборка хлебов, комбайны то поднимались на вершины грив, то спускались в низинки между ними, и казалось издали, будто они то ныряют куда-то, то неизвестно откуда выныривают.

Совхоз «Коломинские Гривы» гремел на всю область, славился своими успехами. Когда директор Палосон да и другие коломиногривцы приезжали по делам в Томск и приходили, например, в «Сельхозтехнику» или в «Сельхозхимию», название их хозяйства звучало как пароль: все сразу понимали, о ком и о чем идет речь. И хотя в 1982 году совхоз переименовали, присвоили ему очень обязывающее, почетное название — «Имени 60-летия образования СССР», в областных организациях к нему еще не привыкли, по-прежнему сокращенно называли совхоз просто «Гривами».

Раньше, в шестидесятых годах, на территории, ныне занятой совхозом, трудились шесть колхозов. Потом их объединили, создали одно очень большое и, как вскоре выяснилось, почти неуправляемое хозяйство. Его показатели год от года снижались, и в районе начали поговаривать о разукрупнении. Но когда директором сюда назначили Ремберта Эльмаровича Палосона, все в «Гривах» круто изменилось к лучшему.

Конечно, произошло это не только благодаря новому директору. Была принципиально изменена сама структура управления хозяйством.

Ведь в прошлые времена объединение в совхоз произвели отчасти механически: слили воедино, и все. И в каждой из шести крупных деревень, где когда-то размещались колхозы, сельскохозяйственное производство вели по-прежнему — всюду сохранился так называемый полный оборот стада. Иными словами, везде держали дойных коров, везде сами выращивали телочек, а также мясных бычков. По сути дела, изменились только названия — колхозы превратились в отделения совхоза, а все остальное осталось по-старому.

И вот Палосон предложил совершенно иной принцип: специализировать каждое отделение. Пусть в одном месте животноводы занимаются только молоком и ни о чем другом не думают. Телочек для воспроизводства стада вырастят на втором отделении. А продавать государству мясо за весь совхоз

будет третье отделение, с которого снимут обязанность по сдаче молока. Это и есть внутрихозяйственная специализация.

В совхозе не все и не сразу поняли огромные преимущества такого метода. Особенно бунтовали в тех отделениях, откуда предполагалось убрать дойных коров. Ведь с Буренушками, Зорьками, Встречами — не счесть числа коровьим кличкам, причем каждая доярка придумывает их сама, на фермах даже соревнуются по части изобретательности и благозвучия,— у людей складываются отношения особые. Да, да, именно отношения! Потому что более понятливого и чуткого домашнего животного, чем коровушка, не сыскать: она на удивление тонко ощущает настроение доярки, сразу же беспокойством отзывается на человеческие тревоги и возбужденным, нервным рукам дает меньше молока,— хотя доят-то теперь не вручную, а вакуумными аппаратами, животное все чувствует.

Известно, испокон веку с коровушкой разговаривали: скотина понимать-то не понимает, да зато слушает очень внимательно, даже голову набок склонит, словно силится осмыслить речь. А многие ли люди умеют, не перебивая, выслушать? К коровам привыкают столь глубоко, что вынужденное расставание с ними воспринимается как сильная душевная травма, доярки искренне горюют, даже плачут. Не случайно в русских деревнях забой коров издавна считается делом ужасным, отвратительным — его в основном ведут только на бойнях. Вот годовалые мясные бычки — это дело иное: когда приходит положенный срок, с ними поступают без особых эмоций, как с боровками.

При такой особой привязанности к дойному стаду слух о предстоявшей ликвидации в некоторых деревнях молочных ферм вызвал поначалу поистине бурю протестов. И директору совхоза, и парторгу, всем главным специалистам приходилось по многу раз объяснять людям принципы внутрихозяйственной специализации, убеждая их в необходимости вести хозяйство более рационально, интенсивно.

Но постепенно все образовалось, страсти утихли, и новое взяло свое. Зато совхоз начал работать несравненно ритмичнее, стал неукоснительно выполнять планы, надои молока быстро возрастали. И его территориальная разбросанность уже не ме-

шала четкому управлению, потому что каждое отделение, говоря военным языком, хорошо знало свой маневр.

Вдобавок Ремберт Эльмарович Палосон внедрил в хозяйстве диспетчерскую службу, оснащенную радиотелефонами. Их установили не только в конторах на отделениях, но также в машинах главных специалистов, в кабинах автокранов и ремонтных летучек, постоянно курсировавших по совхозу и оказывавших экстренную помощь механизаторам, в рулевой рубке речного катера. Работая на затерянных среди глухой тайги небольших полях, трактористы и комбайнеры по рациям указывали свое местонахождение, советовали шоферам, как выбрать самую короткую дорогу.

Все передатчики были включены постоянно, чтобы в любой момент каждый мог отозваться на вызов. Когда в совхозе разворачивались массовые полевые работы, когда пустели кабинеты управляющих отделениями и главных специалистов, когда все они находились на полях и лугах, в такие периоды эфир вокруг Коломинских Грив был буквально забит радиопереговорами. И, прослушивая их, можно было прийти к выводу: здесь происходит нечто масштабное, значительное, идет серьезная и напряженная мирная битва, в которой задействованы сотни людей и большое количество техники.

Благодаря диспетчерской связи директор совхоза, раскинувшегося среди необъятной тайги, мог каждое утро проводить из своего кабинета селекторные совещания, подводя итоги дню минувшему и намечая задачи на день предстоящий. А затем он садился в «газик» и вместе с водителем Володей Безгодовым совершал объезд хозяйства.

Но иногда, в самые напряженные дни, Палосон сам садился за руль своей директорской «Волги», которая, разумеется, тоже была оснащена радиотелефоном. В таких случаях он считал необходимым побывать почти всюду и накручивал на спидометре свыше двухсот километров.

На машине Ремберт Эльмарович Палосон ездил так же, как и жил: он почти до отказа нажимал на педаль акселератора и уже не снимал с нее ногу, упрямо мчась по грейдеру со скоростью сто километров в час, не притормаживая на ямках, небольших рытвинах и ухабах.

Это сказывался его характер.

При этом директор постоянно прослушивал эфир и периодически включался в переговоры, давая необходимые указания.

Но места вокруг Коломинских Грив глухие, северные. Сотрудники Госавтоинспекции заглядывают сюда не часто. Поэтому зафиксировать превышение скорости, а также «посторонние» разговоры за рулем, отвлекающие водителя, здесь некому.

Трудной, затяжной весной 1984 года директор чаинского совхоза «Имени 60-летия образования СССР» Ремберт Эльмарович Палосон почти не пользовался сравнительно тихоходным «газиком». Запоздалый сев создавал для хозяйства немало дополнительных проблем, требовалось провести его особенно организованно. И директорскую «Волгу» в те дни часто видели на всех отделениях — в Леботере, Чемондаевке, Васильевке, Ермилове и Сухом Логе. Разумеется, и непосредственно в Коломинских Гривах, где размещались главная контора совхоза, а также ремонтные мастерские и гараж.

А встречая знакомую «Волгу» на трассе, опытные совхозные шофера на глаз, по пыльному шлейфу определяли ее скорость и, покачивая головами, говорили: «Жмет больше ста...»

В годы войны Валерию Петровичу Вторушину удалось окончить только четыре класса начальной школы, и его грамотность сильно отставала от сознательности: в Сухом Логе он считался одним из самых передовых и работящих колхозников, а вот образованием, что называется, не вышел...

И «на старости лет», когда Вторушину уже минуло тридцать, когда начали подрастать у него четыре сына и дочь, Валерий Петрович все-таки решил снова пойти учиться.

Сперва он закончил «Академию» — так называли в Сухом Логе годичные ветеринарные курсы, открытые в Колпашеве,— и стал колхозным ветеринаром: неделями не появлялся дома, ездил по удаленным деревням, где стоял скот. Зимой — в санях, летом — на слегка подрессоренном плетеном ходке. И поскольку сразу стал человеком в округе заметным, то через пару лет

понял: четырьмя классами ему в жизни все же не обойтись. А потому поступил в пятый класс вечерней школы.

К тому времени, когда он перешел в седьмой класс, старший сын Володя уже учился в первом. Отец очень придирчиво проверял его знания по русскому и арифметике, но, уходя утром на работу в постоянной спешке, еще затемно, иногда забывал убрать со стола свои собственные тетради. И если в очередной раз принимался вечером корить сынишку за неважные отметки, тот отвечал:

— А ты, папка, посмотри, у тебя в тетрадке тоже двойки есть. Что же ты меня-то ругаешь?

Прошли годы, и именно Владимира Вторушина назначили управляющим сухоголовским отделением совхоза. Опередил он многих своих сверстников.

Произошло это совершенно неожиданно и для сына и для отца, который в то время еще был секретарем партийной организации. Однажды в Сухой Лог приехал Палосон и вдруг спросил у парторга, как он посмотрит на то, чтобы назначить новым управляющим Владимира Вторушина. Валерий Петрович удивился безмерно, даже оторопел. Не потому, что речь шла о его сыне, а потому, что работал парень в ту пору рядовым шофером и образованием особенно не выделялся: только одиннадцать классов. Почему же его управляющим? По Сеньке ли шапка?

Но у директора была своя точка зрения.

— Я к нему давно присматриваюсь,— говорил он.— Парень толковый, с людьми ладить умеет, но и на своем настоять может. А что касается образования... Что ж, дело поправимое: пошлем учиться. Ты ведь, Валерий Петрович, тоже в два приема свои университеты кончал, а? Верно говорю?

Вскоре Владимир Вторушин принял дела, а первой же зимой отправился в Томск, на Областные курсы управляющих совхозными отделениями. Оттуда он почти каждый вечер звонил отцу, который, будучи парторгом, временно замещал его, интересовался, что происходит в Сухом Логе, на уровне ли держатся привесы бычков — ведь по специализации здесь создали откормочное хозяйство. И отец исправно докладывал сыну обо всех домашних делах, имея в виду под понятием

«домашние», конечно же, дела совхозные, поскольку из далекого Томска домом виделась не отчая изба, а все родное село, со всеми его радостями и заботами, свадьбами и поминками, со всеми-всеми новостями.

А когда Владимир вернулся, Валерий Петрович и подал в отставку с поста партийного секретаря.

— Не гоже, что Вторушины всю власть в Сухом Логе к рукам прибрали,— сказал он на партийном собрании.— Сын стал управляющим, значит, мне секретарем быть уже не положено. Прошу уважить мою просьбу.

Это была еще одна, дополнительная и веская причина, заставившая деда Вторушина переквалифицироваться в пчеловоды. Сидя на крыльце пасечной избушки, он частенько дивился тому, как странно порой устраивается жизнь, и с чувством хорошо исполненного отцовского долга удовлетворенно думал о своем решении уступить сыну дорогу.

Пусть шагает!

А ведь родился Вовка, как и все остальные дети Вторушина, здесь, совсем неподалеку, прямо под Пасечной горой — на берегу маленькой речушки Кванцушки. Раньше там стояла деревенька со странным селькупским названием Среднее Кванцо, в отличие от другой деревеньки, Усть-Кванцо, находившейся при впадении Кванцушки в Иксу, которая вливалась в Чаю, несущую свои воды в Обь. Теперь уж ни той, ни другой деревушки нет, жители их переехали в Сухой Лог, разобрали и перевезли с собой добротные срубы. Лишь квадраты буйной крапивы на месте бывших домов напоминали о прежнем житье-бытье.

Конечно, его ребятишки росли уже совсем в иных условиях, нежели сам Валерий Петрович, который в четырнадцать лет остался в семье за старшего и даже после рождения собственных детей продолжал кормить и одевать двух младших братьев. Кем только не довелось быть ему в военные и первые послевоенные годы: и сапожничал, и плотничал, и конюшил. А его дети учились водить автомобиль на папкиных «Жигулях» первой модели. Все по очереди! Сам-то Валерий Петрович, считай, на этой единственной в своей жизни машине так и не ездил — и доламывали и чинили ее ребята. Так она

и догнивает свой век в гараже, теперь уже никому не нужная: трое сыновей уже обзавелись своими легковыми автомобилями, четвертый вот-вот купит, да еще зять собирается приобрести «Москвич». Вот жизнь теперь какая!

Дед Валерий Петрович вспомнил, как один за другим подрастали в Среднем Кванцо его дети. Целыми днями на улице! Летом, когда въедливая таежная мошка и комар особенно сильно мучили людей и животных, он делал для ребят широкие обручи из бересты, которые надо было одевать на голову, словно индейские повязки. Бересту мазал дегтем, и его резкий запах отпугивал кусачих насекомых. Правда, сыновьям надоедало все время носить на лбу жесткие берестяные пояски, они их сбрасывали, маленькая мошка тут же впивалась в тело, заставляя отчаянно расчесывать укусы, корябать кожу. И ребятишки половину лета ходили в коростах.

Потом появлялась стрекоза — главный комариный враг, и постепенно мошка исчезала. И за что только стрекозу в баснях объявили беспечной бездельницей? Несправедливо это, дети с малых лет знали: если рядом летает стрекоза, значит, ни один комар не посмеет приблизиться.

На свежем воздухе, на однообразной, но здоровой, сытной крестьянской пище дети росли крепышами. Но — и непоседами. Особенно много хлопот доставлял родителям старший — Вовка; он мало с кем советовался, все постигал сам. Зато свой приобретенный шишками и синяками плачевный опыт он передавал младшим братьям, и те уже старались не повторять ошибок.

Подумав об этом, дед Валерий Петрович широко заулыбался и даже слегка хохотнул. Если бы кто-нибудь посторонний увидел его в этот момент, то подумал бы, наверное, что человек немножко не в себе. На самом же деле такая неожиданная смешливость была следствием одного забавного воспоминания. Дед очень ясно, зримо представил себе происшествие, случившееся без малого четверть века назад.

В летний полуденный мошкоедливый зной соседка регулярно поливала своего поросенка холодной водой, чтобы не перегрелся на солнце. И Вовка, заприметив это, тоже решил доставить купальное удовольствие вторушинскому боровку Маньке, ко-

торый изнемогал от жары в маленьком загончике. Несмышленыш зачерпнул ковшом воду, которая грелась в тазу на кирпичной садовой печурке и... плеснул кипятком на несчастного поросенка.

Боровок изогнулся дугой, потом начал бешено метаться по загону, заорал, завизжал как ошпаренный. Вовка испугался, тоже завопил, да так сильно, что крики услышала мать, косившая сено на другом берегу Кванцушки. В общем, концерт был тот еще! Сыну в тот раз крепко досталось за самодеятельность, но поросенок, к счастью, уцелел, только шкура с него слегка слезла, да и то местами, вот и все.

А зимой отец делал для детворы специальные лотки, на которых можно было кататься с горы лучше, чем на санках. Лоток, по сути дела, представлял собой широкую доску, которую снизу мазали коровьим навозом и поливали водой. Если полить без навоза, лед быстро отскочит, а тут он держался очень прочно. Лоток был тяжелым, ребята вчетвером еле-еле затаскивали его на Пасечную гору, зато и умещались на нем сразу все. И мчались вниз с такой бешеной скоростью, что в ушах действительно посвистывало. Тобоган! Бобслей! Метров пятьсот по инерции ехали на скользком лотке. Настолько плотно укатывали снег вокруг горы, что трактор пойдет — не провалится.

С тех пор как он стал пасечником, Вторушин нередко предавался таким согревающим душу воспоминаниям. Он очень любил свои края, считал их лучшими на свете и даже наизусть знал одно стихотворение про здешнюю реку Чаю, от которой пошло название всего района. Написал это стихотворение неизвестный Валерию Петровичу местный поэт Кудрявцев, и за хорошие слова Вторушин заочно испытывал к нему великую симпатию.

Запоминалось стихотворение очень легко, и пасечник иногда мурлыкал его себе под нос:

Облака в воде качая,
Размывая берега,
По тайге блуждает Чая,
Молчаливая река.
Почему же она Чая?
Потому что цвета чая.
В ней березовый настой,

И смородина, и верба,
Сама Родина, наверно,
Растворилась в речке той.
Я живу вдали от Чаи.
Пароход давно отчалил
От лесистых берегов.
Но со мною запах кедра,
Но со мною свежесть ветра,
Горький привкус ивняков,
Потому что я вначале
В дальнем детстве жил на Чае,
Потому что Чаей плыл,
Потому что Чаю пил.

Каждое слово в этом стихотворении было очень точным. Чужой, заезжий так никогда бы не написал, и Валерий Петрович испытывал благодарность к своему земляку, сочинившему эти строчки, которые почему-то неразрывно переплелись в его сознании с воспоминаниями давних лет. Наверное, потому, что и былое и это песенное стихотворение про Чаю касались одного и того же — родных краев, Родины.

Не случайно приятные воспоминания о прошлом как бы помогали деду Вторушину легче переносить всякие текущие неприятности — вроде ненастной, не медовой весны. Они заряжали его оптимизмом. Потерпев какую-нибудь неудачу, он прикидывал, как ему повезло в главном,— жизнь-то сложилась удачно! — и вскоре вновь начинал надеяться, ждать лучшего, настроение у него поднималось.

На сей раз его надежды были связаны с гречишным полем, лежавшим у подножия Пасечной горы.

Вообще говоря, гречиху в северных томских районах почти не сеяли. Но гречневую кашу любили! И частенько жаловались на то, что в последнее время в магазинах стало меньше крупы, ядрицы. И верно, урожаи гречихи неуклонно падают, в некоторых областях страны она родит все меньше и меньше, еле-еле возвращает семена, а то и вовсе пустоцветит. Это явление наблюдается повсеместно, и многие аграрники — рядовые полеводы, руководители хозяйств, ученые — бьются сейчас над загадкой оскудения ароматных гречишных полей.

На невнимание к себе со стороны колхозов и совхозов

гречиха пожаловаться не может. Сеют ее немало, однако чаще всего — себе в убыток. Радуются буйному цветению, вроде бы предвещающему обильный урожай,— не сыскать посевов ароматнее и краше, чем белое цветущее гречишное поле! Но приходит осень, и выясняется, что зерно получилось щуплое, малочисленное — сплошное расстройство.

Думали поначалу, что все дело в пчелах: ведь гречиха — растение перекрестноопыляемое. Стали вывозить передвижные пасеки поближе к гречишным полям, принялись даже специально дрессировать пчел на гречиху: приголубят сиропчиком, настоянным на гречишном нектаре, и пчела, вырвавшись из улья, прямиком мчится на знакомый запах. Ну, думает земледелец, теперь-то уж наверняка будет зерно, опыление произошло.

Но урожая все равно нет.

Обратились к народным приметам. В Нечерноземье стали сеять гречиху точно в дедовские календарные сроки — пятого июня, на вечерней зорьке да на утренней. В период цветения по полям ходили пионеры с натянутыми шпагатами: слегка задевали за верхушки соцветий, раскачивали их, чтобы вылетала пыльца и происходило бы перекрестное опыление.

Но и на такую заботу гречиха почти не отзывалась повышением урожайности.

Наконец стали присматриваться к этому капризному растению повнимательнее, по-научному. И выяснилось, что нектар его цветков очень быстро испаряется на солнце, а потому перестает привлекать пчел. По-настоящему они работают на гречишном поле лишь в теплую, слегка влажную погоду — вот тут-то и происходит настоящее опыление.

Однако, по данным метеорологов, такая погода выпадает на дни гречишного цветения чуть ли не раз в сто лет. Как же раньше-то из года в год получали приличные урожаи?

Люди старшего и среднего поколения вспоминали свое детство. На всю жизнь сохранилась в их памяти чудесная картина: выйдешь в жаркий, знойный июньско-июльский полдень на какой-нибудь луг и как бы окунешься в неумолчный и неугомонный звон. Звенит, высоко поет весь луг — это сотни тысяч крылатых насекомых исполняют над ним свой танец.

Зачастую врывается в него и басовитый, вибрирующий полет шмеля. Косцы прежних лет хорошо знают, что на каждой скошенной делянке открывались многие десятки земляных шмелиных норок, ребятишки через соломинку высасывали из них вкусный мед.

День-деньской, с утренней до вечерней зари, тысячекратно карабкались насекомые по цветкам, в том числе и гречишным, попутно опыляя растения, никакой нектар им для приманки не был нужен. А уж что касается шмеля, то он по части опыления даст сто очков вперед любой пчеле: шмель-то мохнатый, пыльца к нему пристает гораздо лучше.

А выйди на луг теперь? Тишина, почти полная тишина стоит над многими лугами — насекомых стало в сотни раз меньше, шмели наперечет. Это последствия неосторожного использования ядохимикатов, гербицидов. Пролетит над полями самолет сельскохозяйственной авиации, раскинет позади себя пылевой шлейф, призванный уничтожить вредителей культурных растений, но вдобавок оставит вообще «полосу смерти» — погибнут все насекомые, и вредные и полезные. Кроме того, в колхозах и совхозах сейчас всюду применяют научно обоснованный севооборот: каждое поле на следующий год засевают другой культурой. Вот и получается, что гречиху нередко сеют по предшественнику, которого обрабатывали гербицидами,— например, по пшенице. Мельчайшие доли этих ядовитых для сорняков веществ остаются в почве, для человека, употребляющего в пищу хлеб или гречневую крупу, они совершенно не опасны.

Однако обладающие особо «впечатлительным» обонянием маленькие насекомые чувствуют незнакомый, сохранившийся с прошлого года химический запах, неприятный привкус, впитавшийся в цветки гречихи, и он отпугивает их.

Вот и выходит, что извечных естественных опылителей гречихи стало сейчас очень мало. А на погоду, удобную для пчел, как уже говорилось, рассчитывать можно лишь раз в сто лет.

Отсюда — и почти повсеместное падение гречишных урожаев.

Как же быть? Как вернуть былую силу гречихе? Ведь

любимая нашим народом гречневая каша не может и не должна превратиться в экзотический деликатес. В некоторых областях, например в Рязанской, эта вкусная, но капризная культура по-прежнему удается весьма неплохо. В чем тут дело? Как разгадать секрет гречихи?

Задача эта увлекательнейшая, и решать ее предстоит новому, более просвещенному поколению земледельцев, которое соединит знания с практическим опытом, новейшие научные достижения — с вековыми народными наблюдениями и приметами.

Разумеется, дед Валерий Петрович Вторушин не особенно разбирался во всех этих «гречишных страданиях». Но, хорошо зная, что гречиха — это первосортный мед, уговорил сына засеять ею небольшой клочок пашни, всего-то семь гектаров. И не где-нибудь, а, конечно, под Пасечной горой. Владимир раздобыл в райцентре необходимое количество семян и, по согласованию с Палосоном, уважил деда: как-никак, мёд-то будет совхозным.

И вот, разочаровавшись в целебном весеннем медосборе, Валерий Петрович с нетерпением поджидал гречишного цветения, надеясь с лихвой возместить майскую неудачу.

Между тем после затяжной, нудной весны 1984 года на средней Оби вдруг ударила основательная засуха. Запоздалые посевы зерновых развивались медленно, и в глубине души люди уже начали смиряться с почти неизбежным ущербным урожаем.

Но известно, северные сибирские районы — не ставропольско-кубанская или целинная житница. Здесь трудные, тяжелые почвы, солнца в обрез, вдобавок полей мало — все больше тайга. А потому рассчитывать на большой каравай северянам не приходится. Вообще эти места по природно-климатическим особенностям считаются зоной рискованного земледелия, и в самом этом названии отражена возможность холостого, неудачного из-за погодных причуд года. Не случайно северным томским совхозам и колхозам не дают планов по сдаче хлеба — все выращенное зерно они вправе расходовать на фуражные цели, иными словами, перерабатывать на корм скоту.

Зато они должны производить много молока и мяса.

Запасы фуражного зерна для коломиногривского хозяйства были гарантией высоких надоев. Но поскольку полевой сезон складывался отвратительно, совершенно особое значение приобретала заготовка сена на необъятных заливных заобских лугах. Все отделения совхоза бросили туда свои механизированные отряды, сенокос вели полный световой день.

«Комендант» заобских лугов Александр Александрович Неизвестных потерял покой и сон. С четырех часов утра он запрягал в телегу свою смирную кобылу Лысушку и отправлялся осматривать угодья, чтобы потом строго спросить с механизаторов за неаккуратно сложенный на лугах стог или плохо выкошенную полянку среди тальника. Упрекнуть и подстегнуть: работайте лучше!

Неизвестных жил здесь, за Обью. Его большой рубленый дом с целым шлейфом хозяйственных пристроек был единственным жилым строением на коломинском правобережье. Когда-то, давным-давно, в этом месте, у впадения в Обь узенькой семиметровой протоки, стояла деревня Байдоново. Раньше названия деревням давали в Сибири по фамилиям первых поселенцев, и, значит, выбрал это место некий, теперь уже никому не известный, Байдонов.

Но постепенно река стала поджимать, метр за метром обрушивая пятиметровую кручу берега. И когда добралась до крайней избы, в которой жили Петковы, заставила их переехать в другое место. Они разобрали свой сруб и отвезли его километра за два от берега. Вслед за ними двинулась вся деревня, и, обживясь на новой земле, назвалась Петковым.

Однако место оказалось выбранным неудачно: под боком не было пресной воды. И спустя несколько лет житель Петкова по фамилии Петров задумал вновь переселиться поближе к Оби.

Так возник поселок Петрово, куда вскоре перекочевали все петковские семьи. Он насчитывал сорок один двор и был одним из самых заметных в здешних местах.

Но река так и не оставила людей в покое. Обь снова начала

подмывать правый берег, обрушивая огромные глыбы глины, обнажая корни деревьев и затем сбрасывая толстые талины в воду, унося их куда-то к Ледовитому океану. А в 1966 году сильный разлив добрался-таки непосредственно до изб и огородов, находившихся на небольшом возвышении. Люди смирились и с этим. Но когда в 1969 году новое, особенно сильное половодье расплескалось по деревенским улицам, заставив плавать по ним на катерах, жители не выдержали: стали разъезжаться из Петрова кто куда.

Два или три дома река успела смыть, обрушив их вместе с кручей. Но остальные избы уцелели, их обитатели разобрали свои срубы и благополучно перевезли их в Коломино, в Коломинские Гривы, в Обское — в общем, на левый берег Оби. И теперь пассажирам «Ракет» и «Метеоров», которые мчатся на своих подводных крыльях вверх и вниз по реке, о бывшей деревне Петрово напоминают лишь несколько дубовых «стульев», подобно гнилым зубам торчащих в обнаженном срезе обрыва. «Стульями» называют толстые короткие сваи, на которых ставят деревянные дома.

Но их тоже вот-вот вымоет и унесет к океану.

Невдомек пассажирам речных судов, что главный судовой ход — фарватер Оби — теперь лежит как раз над былым поселком.

А вот Александр Александрович Неизвестных решил с правого берега не уезжать. Он тоже разобрал свой дом и перевез его в четвертый раз. Поставил метров за двести от реки, на высоком бугорке, который не затапливает даже в самую большую воду, и остался жить здесь, на родном месте, зимой охраняя огромные заобские луга и бригадирствуя в летнюю пору.

Потому-то и назвали его «комендантом» заобских лугов.

А луга здесь поистине необъятные. Длина их между правобережными поселками Казуровка и Грани составляет примерно восемнадцать километров. Что же касается ширины, то и сосчитать трудно — на десятки верст уходят они к востоку, где-то далеко-далеко от Оби соприкасаясь с новым поясом тайги. И ни в лугах, ни в той далекой тайге совсем нет человеческого жилья — безлюдно.

Один-одинешенек стоял здесь дом «коменданта» заобских лугов, на котором вместо адресной таблички был прибит на видном месте старый, поржавевший металлический ромбик тридцатых годов, оповещавший: «Госстрах. Имущество застраховано».

Рядом — летняя кухня, у входа в которую висел спасательный пробковый жилет, стайка для коровы, навес, где мерно пережевывали овес кобыла с жеребчиком, две телеги и тачанка. А чуть в сторонке — несколько временных строений, в них селился в сенокосную пору народ с левого берега.

Вот и все. На десятки верст окрест больше ничего жилого здесь не было.

Конечно, Александра Александровича не раз приглашали переехать в Коломинские Гривы. Однако он отказывался наотрез. Говорил:

— Привык я к этому раздольному месту, знакомое здесь все, родное. Каждый куст знаю, сама природа заставляет меня здесь жить... Вот все думают, будто я, мол, тут от скуки помираю. А вот и нет! Нисколечко не скучно, ну ни чуть-чуть. Встал в четыре утра, съездил на Коноводку порыбачить или на Золотую Ямку. Потом луга объехать надо, огород посмотреть. От весны до осени и в книжку-то не заглянешь — некогда! Только зимой и читаю — про революцию очень люблю. Или вот «Вечный зов», ну прямо про наши края.

Трех сыновей отправил в большую жизнь Александр Александрович. Саша, старший, закончил институт и трудится далеко от дома — на одной из строек в Красноярском крае. Виталий, средний, обосновался поближе — в Томске. А Дмитрий, последний, и вовсе рядом — работает трактористом в Коломинских Гривах, каждую неделю отца с матерью навещает. И тот факт, что именно младший остался в родных местах, был для отца одним из важных признаков общего улучшения деревенской жизни.

Дмитрий всегда приплывал на своей моторной лодке, осторожно поднимался на ней по узенькой, извилистой протоке и причаливал у зыбкого берега совсем неподалеку от родного дома. Сколько раз предлагал отцу: давай научу управлять «Вихрем»! Однако у Александра Александровича никакого

стремления ходить под мотором не было, он относился к нему с подозрением.

То ли дело привычный облаcóк!

Обласки он мастерил сам — из стволов толстой ветлы. Ошкуривал, делал надрез по всей длине и аккуратно выдалбливал теслей внутренность, оставляя стенки толщиной всего лишь в палец. Затем начинал постепенно разгибать ствол, вставляя упоры, распаривая его на солнышке. Разогнется, раскроется ствол — и получится легкий, удобный обласок.

По сути дела, это самая что ни на есть настоящая долбленая индейская пирога. Или — лодка каноэ. Только почему-то про каноэ и про индейские пироги мы все знаем, а вот про свои, доморощенные обласки, на которых по сей день рыбачат на Оби, многие и не слыхали.

Добротный тонкобортный одноместный обласок — есть и двухместные — весит всего лишь сорок килограммов, гребут на нем одним веслом, и более послушной, легкой в ходу и в управлении посудины не придумаешь. Да и на суше его можно в одиночку на руках унести.

Александр Александрович лучшей лодки не знал и не хотел. Плавал в обласке весной над залитыми лугами: поднимется на гребень волны — и все кругом видно на десятки верст, а опустится вниз — словно в башне с водяными стенками. Рыбачил на нем на протоке Коноводке — туда раньше лошадей водили поить — или в Золотой Ямке, небольшом озерце, прозванном так за особое, редкостное изобилие рыбы. Конечно, не боялся плавать и на прульдо — так селькупы и остяки называли в прошлом очень глубокие, омутные озера. В тихую погоду выходил на обласке и на Обь.

В общем, верно: скучать было некогда!

И обижаться было не на что: продуктами «коменданта» заобских лугов снабжали исправно, каждый день Александр Александрович по рации выходил на связь с Коломинскими Гривами. Даже телевизор был — на аккумуляторном питании. Вдобавок совхоз из «своего кармана» доплатил Министерству связи двадцать две тысячи рублей, и на здешнюю телевышку, установленную в Леботере, смонтировали допол-

нительное устройство, позволявшее даже в этих глухих таежных местах надежно принимать вторую Всесоюзную программу.

Поэтому Неизвестных редко покидал свой правый берег. Разве что зимой, когда совхоз намораживал толстый лед с помощью поливальных машин и наводил крепкую ледовую переправу для тракторов, перевозивших сено к фермам. «Комендант» заобских лугов иногда запрягал Лысушку в тепло устланную овчиной кошеву — точно такую же, на какой ездил Кафтанов из телевизионного «Вечного зова», и отправлялся в Гривы. Навещал знакомых, гостил у сына и всякий раз морщился, пробуя магазинный хлеб. Говорил:

— Не-ет, не то, совсем не то. Этот хлеб нашему не ровня. Его в пекарне в формы наливают, значит, тесто жидкое. А вот мы с Еленой Калистратовной сами в русской печи хлеб печем — это да! Без всяких форм, тесто выложишь на противень, а оно и не растекается. И вкус, понятное дело, не сравнить с вашим-то... Не-ет, пекут у вас неважно, что и говорить. Запрос в «Хлебопродукты» сделать, что ли? Пусть ответят.

Почти двадцать лет Александра Александровича избирали депутатом Коломинского сельского совета, и за этот немалый срок он хорошо изучил свои права и полномочия.

Вот так, в делах и заботах, но размеренно и спокойно жил Александр Александрович Неизвестных примерно одиннадцать месяцев в году, с радостным нетерпением и в то же время с деловой озабоченностью поджидая двенадцатого — июля, когда на заобских лугах начиналась косовица трав.

И вот тут-то он полностью терял покой и сон.

В июле правый берег Оби преображался. Катер с баржой делали по три, а то и по четыре рейса в день, доставляя в устье протоки Петровки трактора и косилки, пресс-подборщики, автозаправщики и «технички». Утром и вечером — перед началом рабочего дня и в конце его — около дома Неизвестных появлялись десятки людей. До отказа наполнялось новое современное общежитие «Уралочка» с уютной столовой, которое

было построено специально для участников правобережного сенокосного десанта.

Хорошо зная об этом июльском оживлении, сюда чаще начинали наведываться конные пастухи, пасшие гурты годовалых телочек на дальних лугах. Крепкие, загорелые парни лихо, по-ковбойски, соскакивали с лошадей, небрежно бросали поводья на общую коновязь, под которой всегда стоял ящик с овсом, и тоже начинали толкаться на небольшом шумном пятачке около «Уралочки». Было весело, крикливо, среди общего гомона то и дело выделялся заливистый смех девчат-поварих.

Сенокосная страда, как было заведено еще у далеких предков, становилась праздником.

Но у Александра Александровича Неизвестных от этой непривычной сутолоки голова шла кругом, и он торопил механизаторов, чтобы побыстрее закончить покос.

В такую пору около «Уралочки» иногда даже садились вертолеты из Томска с высоким областным аграрным начальством. Заглядывал на заобские луга и директор Палосон. А уж что касается агрономов и управляющих отделениями, то они появлялись здесь регулярно, чтобы держать под контролем свои механизированные отряды.

Так бывало каждый год. Но в июле восемьдесят четвертого Александр Александрович Неизвестных уловил какой-то особый накал сенокосных работ. Он, конечно, знал о неважных видах на урожай и хорошо понимал озабоченность совхозного руководства. Однако все же удивился тому размаху, с каким шла страда. На правый берег Оби, словно подкрепления из резерва главного командования, подбросили бобовые жатки, которые берут траву очень низко, режут ее почти под корень, обстригают каждую кочку, как ручная коса. А главное, на заобские луга прислали новейшие рулонные пресс-подборщики.

Обычный пресс вышвыривает тюки весом по пятнадцать килограммов, а эти «рекордсмены» быстро катали рулоны почти в полтонны — неимоверна производительность в сравнении с прошлыми временами. Да и сено в таких рулонах сохранялось лучше, зимой его удобнее перевозить через Обь. Те, кто работал

на новых пресс-подборщиках, чувствовали себя героями, им завидовали.

Чаще чем обычно приплывали на правый берег и управляющие отделениями. Некоторых из них, например коломинско-гривского ветерана Николая Михайловича Коняева, Александр Александрович знал хорошо — много лет работали вместе. А вот, скажем, с молодым Владимиром Валерьевичем Вторушиным из Сухого Лога Неизвестных был знаком хуже. Но видел, что парень хваткий, упрямый, все замечает и людьми руководить умеет. Он переправлялся через Обь на барже прямо в «газике», оборудованном радиотелефонной связью, и едва заметными луговыми дорогами, а где и просто напрямик сразу мчался к своим людям.

Механизированные отряды работали славно. Вместо тысячи тонн сена, предусмотренных планом, на заобских лугах в июле 84-го заготовили 1100 тонн. При этом добрую часть дополнительной прибавки дали ребята из Сухого Лога. «Комендант» был доволен и, когда Вторушин в последний раз приехал в Петрово, чтобы организовать эвакуацию закончившего сенокос мехотряда, хотел даже похвалить его по-отцовски, конечно, а не по-начальственному, ведь чином-то Вторушин был выше.

Однако не успел.

Как раз в тот момент, когда он подошел к вторушинской машине, заработала рация, вызывая управляющего сухологовским отделением. Обычно вызов делали размеренным, методичным голосом, каким объявляют о вылете самолетов или отправке поездов на авиа- и железнодорожных вокзалах. В эфире звучало: «Двадцать пятый, двадцать пятый, на связь...» Или: «Вызываю третий, вызываю третий. Третий, ответьте...» А на сей раз чувствовалось, что вызывавший был до крайности взволнован, он почти кричал.

— Никак, дед эфир баламутит. Узнаю голос-то,— удивленно сказал подошедшему Александру Александровичу Вторушин. И, подняв с рычага трубку радиотелефона, крикнул в ответ: — Вторушин на связи. Что там у вас стряслось? Говорите. Перехожу на прием... Перехожу на прием, говорите.

Сквозь легкий треск радиопомех снова раздался возбужденный голос Валерия Петровича:

— Медведь! Вовка, медведь на пасеке! Приезжай скорее!

Ловко загнав свой «газик» на баржу, Владимир вышел на ее палубу, устланную засохшим коровяком,— ведь совхозный флот перевозил по Оби и скот, доставляя его на колпашевский мясокомбинат. В лугах было жарко, а здесь, на реке, веяло прохладой. Облокотившись на металлические леера, Вторушин залюбовался могучей и широченной в этих местах Обью.

Впереди, по курсу, видна была белая точка. Она быстро увеличивалась в размерах и вскоре приняла очертания судна на подводных крыльях — это шел навстречу «Метеор». А за кормой, стремительно нагоняя тихоходный катер с баржой, неслась «Ракета». На просторе большой сибирской реки эти быстроходы чувствовали себя вольготно, выжимая из двигателей всю возможную мощность.

Владимир знал по отцовским рассказам, что сразу после войны по Оби плавал только медленный колесный двухпалубный пароход «Омск». Поездка в областной центр в те годы становилась целым путешествием, серьезным плаванием. Людей на «Омске» набивалось видимо-невидимо: сидели на палубе, в проходах. Владимир эту посудину уже не застал, но зато хорошо помнил, как в совсем еще недавнюю пору его детства здесь курсировали большие, удобные и красивые пассажирские теплоходы «Мария Ульянова», «Михаил Калинин» и «Патрис Лумумба».

Они тоже шли неторопливо. В ожидании рейсов на далеких обских пристанях скапливались сотни людей — водный путь до Томска был самым надежным и быстрым. Теперь эти комфортабельные теплоходы отдали в распоряжение туристов, летом они периодически приплывают в Чаинский район, бросают якоря около плеса — наискосок от Коломино, у Собачьей дыры,— и дня три туристы со всей страны греются на северном солнышке. Потом отправляются еще ниже по Оби — в Колпашево, в Парабель, в Тегульдет.

А для поездок в Томск и Новосибирск пустили суда на

подводных крыльях. Пассажирское движение на средней Оби стало таким бойким, что моторки вынуждены принимать дополнительные меры предосторожности. «Ракеты», «Метеоры» и «Восходы» снуют по фарватеру с частотой пригородных электричек: пять часов — и ты в Томске, еще два часа — и уже в Новосибирске. На пристанях они забирают всего по одному-два человека, а то и вовсе безостановочно мчатся мимо, увидев сигнальную отмашку об отсутствии пассажиров.

Куда интенсивнее стало и грузовое движение. Десятки ОТов и ОТА — озерных теплоходов и озерных теплоходов автоматизированных — круглыми сутками толкают вверх и вниз длинные составы барж с песком и гравием, углем и железобетоном, удобрениями и контейнерами. Каждая баржа — водоизмещением в три тысячи тонн, и если ОТ тащит четыре больших баржи, значит, уже везет содержимое двухсот стандартных железнодорожных вагонов. Такой состав по-флотски называется «два счала, два пыжа», иначе говоря, баржи спарены, счалены боками, и в составе две таких спарки, называемых пыжами. Но бывают и особо тяжеловесные составы — «два счала, три пыжа», выходит, шесть барж. А знаменитый на всю Западную Сибирь иртышанин капитан Листопадов, Герой Социалистического Труда, начал проводить по Оби составы в «два счала, шесть пыжей» — двенадцать барж сразу, груз шестисот железнодорожных вагонов!

Маленький коломинскогривский речной буксирчик типа «Костромич» со своей скромной баржей выглядел на фоне таких богатырей не более чем скорлупкой из-под кедрового ореха. Его команда состояла всего из двух человек — капитана Эдуарда Ольшанко и механика-моториста Владимира Козлова, которые заодно выполняли и обязанности шкипера, организуя погрузку и выгрузку техники, скота. Оба совхозных моряка глубоко, но, по-видимому, безнадежно завидовали экипажам больших теплоходов-толкачей, провожая долгими взглядами каждый из них. Однако скромная миссия речных каботажников не мешала им образцово следовать флотскому уставу и поддерживать на своем катере идеальную чистоту. Вдобавок они находили немало радости и в своей работе, а кроме того, всегда были с рыбой: как не забросить удочку во время стоянки?

Владимир Вторушин задумчиво глядел на сверкающую под солнцем Обь и думал о том, до чего же вольготны эти края. Собственно говоря, непосредственно на большой реке он бывал не так уж часто — Сухой Лог находился километрах в пятнадцати от нее. Но Обь как бы олицетворяла собой его родную землю, на которой выросли отец и мать, он сам, братья и сестра. После окончания школы и перед ним встал вопрос: кем быть и где жить? Но Владимир рассудил однозначно: если я здесь родился и вырос, то куда же я поеду, где будет лучше?

Лучше всего дома!

И последующая жизнь полностью подтвердила правоту принятого им решения. Не в том, конечно, дело, что стал он управляющим совхозным отделением. К своим тридцати годам Владимир имел все основания считать, что действительно нигде ему не было так хорошо, как в Сухом Логе. Куда бы он ни отправлялся, уже через неделю подступала тоска, и он начинал скучать по своим холмам, по своей тайге.

А поездил Вторушин немало. Уж что-что, а путешествовать он очень любил.

Побывал он по туристической путевке в Алма-Ате и других городах Средней Азии. А Новый, 1983 год вместе с женой встречал в Москве — в столицу тоже съездил на экскурсию. Они остановились в уютном гостиничном комплексе «Измайлово», чудесно провели время, вдоволь побродили по праздничной Москве, но ровно через неделю — словно по часам! — Владимир заскучал. Кончилась поездка тем, что он купил жене дорогую шубу, и они укатили домой, решив, что в следующий раз поедут либо в Ленинград, либо куда-нибудь за границу отправятся.

Да, в гостях хорошо, а дома-то лучше! Все братья Вторушины один за другим — а «дистанция» между каждым из них составляла полтора года — обучались на комбайнеров, трактористов, шоферов и оставались в родном Сухом Логе. Ни у кого не возникало даже мысли податься куда-нибудь еще. Только Александр уезжал в город Асино, Томской же области. Сам бы он не уехал — туда распределили на работу его жену, тоже сухологовскую, окончившую бухгалтерское училище. Год промыкался братан вдали от родни и наконец вернулся во-

восвояси, вздохнул полной грудью. Что там делать-то, в Асино? Пока квартиру получишь, закашляешь. А тут — построил дом и живи! Все знакомое, все свое, на душе спокойно.

Четверо братьев Вторушиных — Владимир, Александр, Павел и Виктор — были уже людьми женатыми, у каждого — по двое детей. Жили они на одной улице, на той же самой улице, где выросли и где продолжали жить их родители. И каждую субботу обязательно собирались в отцовской баньке. Отец срубил ее лет десять назад, обнаружив в каком-то журнале чертежи финской парной, и стала она в Сухом Логе первой домашней баней, которая топилась не по-черному, а культурно. После Валерия Петровича Вторушина соседи все подряд стали обзаводиться такими парными.

Много лет «крещение» сухим паром и березовым веником было непременным семейным ритуалом Вторушиных, пока повидавшие свет сыновья не пришли к выводу, что дедова банька устарела. И сами поставили в Сашином подворье новую, современную баню — впрочем, строили-то ее под руководством Валерия Петровича, который учил сыновей рубить угол «в лапу».

В Сухом Логе, в Ермилове и других окрестных селах Вторушины были в почете — четыре брата! Слыли они парнями смирными, спокойными и работящими. Однако в случае необходимости могли постоять за себя: все-таки четверо — это сила!

После окончания школы, перед уходом на воинскую службу, Владимир почти год работал заведующим сухологовским клубом. И навел там поистине «революционный порядок»: ни один выпивоха не смел даже приблизиться к танцзалу, четверо Вторушиных стеной вставали на его пути и вежливо просили удалиться. Тех, кто не понимал нормальную человеческую речь, просто брали за руки и за ноги — ведь четверо! — и аккуратно относили в сторонку, особо горячих опускали остудиться в какую-нибудь лужу или придорожную канаву.

В общем, Вторушиных знали. Поэтому назначение Владимира управляющим в селе особого удивления не вызвало. Сложности у него поначалу возникли вовсе не от недостатка авторитета, а совсем по другой причине: от обилия родствен-

ников. Как-никак полдеревни — родня! А управлять родней, известно, труднее.

Однако новый управляющий быстро смекнул, как поступить. И всем вместе и каждому родственнику в отдельности, и старому и малому, разъяснил: «В рабочее время я вам начальник, а вы мне подчиненные, поняли? А вот закончится рабочий день, дела совхозные, тогда — пожалуйста, обращайтесь со мной по-родственному, все стерплю. Обещаю это твердо».

Так и постановили.

С тех пор минуло уже почти три года, все устоялось, вошло в привычную колею. Сухологовское отделение постепенно начало выходить в лидеры, опережая таких мощных конкурентов, как Гривы, Чемондаевку, Леботер. Сказывалась особая, врожденная любовь Вторушина к земледелию: по урожайности зерновых его поля стали первыми, и это означало, что кормовая база в Сухом Логе окрепла.

А накормить досыта тысячу бычков, чтобы давали они необходимый суточный привес, непросто, очень и очень непросто.

Но поскольку дела в Сухом Логе шли неплохо, Вторушины начали «греметь» даже в районе. И однажды отца, четырех сыновей и дочь Наталью пригласили в Колпашево на слет трудовых династий. Им предстояло выступить в Доме культуры перед учениками сельского профтехучилища, причем это выступление должны были записать на видеоленту для передачи по томскому телевидению.

В десять часов утра Вторушиных привели в пустой зал колпашевского Дома культуры, показали им, откуда они будут выходить на сцену, где будут сидеть и как им надо повернуться, чтобы телекамеры показывали их наилучшим образом, а затем попросили прорепетировать вечернее выступление. Поскольку отец и дети умели держаться свободно, мало смущаясь незнакомой обстановкой, они говорили спокойно и обстоятельно, чем привели в полный восторг режиссера телевизионной передачи.

В двенадцать часов Вторушиных снова пригласили в Дом культуры, опять усадили на сцене и вторично спросили: о чем вы будете говорить? Герои предстоящей передачи и на этот раз

довольно бойко рассказали о своей трудовой династии, о Сухом Логе и коломинскогривском совхозе, о том, что большинство парней и девчат их деревни остаются работать в сельском хозяйстве, причем впоследствии никто из них об этом не жалеет. Режиссеру выступление опять понравилось, и Вторушиных отпустили пообедать.

Но часов в пять вечера, незадолго до начала встречи, их решили проэкзаменовать в третий раз: загнали в какую-то пустую комнату, поставили перед ними магнитофон и сказали: повторите то, что вы говорили днем.

— Вам надо привыкнуть к микрофону,— пояснил режиссер.

Уставшие Вторушины, которым все осточертело, едва-едва собрались с мыслями и не без усилий выдавили из себя тексты выступлений. Но отец после этой «генеральной репетиции» сильно сдрейфил.

Когда Вторушиных окончательно вывели на сцену и им потребовалось в четвертый раз за этот день повторить рассказ о себе, они, словно сговорившись, начали сильно и совершенно неподдельно заикаться. Режиссера передачи, включившего телекамеры для видеозаписи, просто бросило в холодный пот. Он яростно шипел из-за кулис:

— Соберитесь! Идет запись! Возьмите себя в руки! Не перебивайте друг друга! Не заикайтесь, черт возьми!

Но все было бесполезно. Вторушины по-настоящему пришли в себя и разговорились только тогда, когда выключили телекамеры, когда погасли ослепляющие софиты и они, наконец, увидели зрительный зал — тех парнишек и девчат, с которыми каждый из них умел общаться очень хорошо.

Поэтому, в отличие от разочарованного режиссера передачи, ребята из профтехучилища в итоге остались довольны.

...Владимир так отдался воспоминаниям, что не сразу заметил приближение левого берега,— отвлекся от них только в тот момент, когда баржа мягко ткнулась дном в грунт и несильно вздрогнула. Козлов лебедкой опустил широкий горизонтальный трап, Вторушин сел в кабину своей машины, завел мотор и резко дал газ, чтобы не забуксовать в прибрежном песке, а с разгону выскочить сразу на твердую почву.

Лишь снова оказавшись за баранкой, переключившись с

пассивной задумчивости речного пассажира, от безделья склонного к воспоминаниям, на активную собранность шофера, он вдруг вспомнил о причине своей спешки и подумал: «Как бы этот медведь не натворил на пасеке больших бед».

Директор совхоза Палосон в это время тоже был за рулем своей «Волги». Выехав на грейдер, он до упора нажал на педаль газа, и, поднимая за собой шлейф пыли, помчался в сторону сухологовского отделения.

Движение на автомобильных трассах северных томских районов не было слишком интенсивным. Однако грузовики, автобусы и легковые машины все-таки встречались весьма часто, во всяком случае, человеку, голосовавшему на тракте, не приходилось ожидать попутку дольше пяти минут — а ведь не каждый водитель притормаживал на поднятую руку. Казалось просто невероятным, что первый грузовик в Коломинских Гривах появился только в самом конце Великой Отечественной войны и что первым шофером здесь был Сергей Тищенко — инвалид. Он стал первым шофером потому, что первым из здешних мужчин вернулся с фронта: после тяжелого ранения ему ампутировали левую ногу ниже колена и отправили домой. Вот с протезом он и водил старенький, потрепанный ЗИС-5, вызывая всеобщую зависть своим шоферским умением.

А сейчас в сельской местности водительские права чуть ли не у каждого совершеннолетнего парня. Мотоцикл считается такой же принадлежностью быта, как телевизор. Но вообще-то, по-родительски подумал Палосон, с немалым трудом догоняя на «Волге» очередного лихого мотоциклиста, напрасно все-таки детям покупают этого рычащего стремительного «зверя»: очень уж опасен он для юных любителей быстрой езды. Своему сыну Палосон в мотоцикле категорически и бесповоротно отказал.

Ремберт Эльмарович Палосон родился в Эстонии, но много лет назад судьба забросила его в далекие сибирские края. Мать с сестрой давно и неоднократно звали его назад, в Таллин, точнее, под Таллин, но он отвергал эти предложения напрочь: считал своим родным домом именно Сибирь, именно Обь, а не Прибалтику. Жена — коренная сибирячка, дети влюблены

в эти края, да и сам Ремберт Эльмарович не мыслил себя вне этой суровой и гордой природы, вне этих мест, где он вырос до директора совхоза, уважаемого человека, члена областного комитета партии.

Палосон вдруг резко притормозил и свернул на грейдер, который вел к Васильевке, где размещалась свиноферма: от основной трассы до этой деревеньки было недалеко.

При въезде в Васильевку расплескалось небольшое чистое озерцо, подпираемое насыпью новой дороги. Оно очень сильно изменило и рельеф, и весь облик села. Но Ремберт Эльмарович безошибочно определил то единственное на всем земном шаре место, которое лично для него было всего дороже и памятнее: место, где когда-то стоял дом, в котором он вырос. Отсюда, из Васильевки, он бегал учиться в Коломинские Гривы — таежной прямушкой здесь совсем недалеко, километра три. Отсюда, из Васильевки, он шагнул и в большую жизнь.

На васильевских свинарниках был относительный порядок. Относительный — потому что проектировщики запланировали для этих новых строений неудачное ограждение загонов: тонка оказалась стальная проволока, упитанные, мощные боровки проминали ее своими крутыми боками. А где достать более солидное ограждение? Это была одна из директорских забот, с которой предстояло обязательно справиться, и поскорее.

Когда Палосон вновь выбрался на главный грейдер, время уже было полуденное, и со всех направлений — по лугам и вдоль таежных опушек — к летним дойкам тянулись гурты коров. Эти дойки были как бы нанизаны на основную совхозную трассу, которая вела в райцентр Подгорное, что создавало множество удобств. Во-первых, исключало перебои с вывозкой молока даже в распутицу. Во-вторых, отпадала необходимость тянуть к ним новые километры линий электропередач: вдоль дороги шагали районные высоковольтные опоры, это позволяло подключиться к ним через трансформатор практически в любом месте. Наконец удобное расположение летних доек обеспечивало четкую работу доярок и экономию их времени.

Трижды в день, точно в назначенный час, доярки собирались у контор совхозных отделений, и автобус отвозил их к летним дойкам. А потом таким же образом они возвращались домой.

Совхоз не испытывал дефицита в кадрах доярок, на что нередко жаловались в иных хозяйствах. При солидных трехтысячных надоях женщины хорошо зарабатывали — некоторые даже до пятисот рублей,— и многие девчонки с седьмого класса начинали помогать матерям, постепенно готовясь заменить их. Делали это летом, на каникулах, когда скот постоянно находился на пастбищах и труд доярок заметно облегчался: быстренько подоили, и домой на автобусе.

Один из гуртов вытянулся вдоль дороги, шагая навстречу машине Палосона, и он краешком глаза успел заметить, что животные из черно-пестрых превратились в каких-то пегих. Директор огорчительно покачал головой: бедняги, до чего же их заедает мошка! Черно-пестрая порода молочного скота считалась одной из самых лучших, она неприхотлива, хорошо приспособлена к условиям индустриальной технологии, применяемой на больших комплексах. Такие коровы могут давать по пять, даже по шесть тысяч килограммов молока в год. Но вот беда: в знойные дни, когда свирепствует таежная мошка, она так сильно облепляет животных, что мешает им спокойно пастись. И почему-то эти малюсенькие, но злые кровососы садятся именно на черные участки коровьего тела, да так часто, что превращают их в серые. А белых пятен мошка избегает. Вот коровы с виду и кажутся пегими.

Гурты, сопровождаемые конными пастухами, двигались довольно быстро, почти не разбредаясь: животные сами торопились на дойку, стремясь побыстрее отдать нагулянное на пастбищах молоко. Они всем стадом ворвутся в загон и, расталкивая друг друга, будут продираться к узким калиткам, ведущим под навес, где оборудованы доильные станки. Каждая корова — к своей калитке, только к своей! Никогда корова не перепутает вход, из тысячи людей моментально выделит того единственного человека, к которому привыкла, которому без боязни, желанно отдаст молоко,— узнает свою доярку и свою калитку.

«Корова — это личность!» — любил в шутку приговаривать Ремберт Эльмарович, и вслед за ним эту фразу все чаще стали повторять другие.

Можно было без конца, снова и снова удивляться необы-

чайно сильным привязанностям, какие возникают между людьми и домашними животными. Однако жизнь диалектична: порой именно такая «взаимность» может создавать дополнительные сложности. Палосон вспомнил полную споров, слез и жалоб эпопею ликвидации молочных ферм в Сухом Логе, Ермилове и Васильевке. Теперь предстояло пережить нечто весьма похожее.

Дело в том, что в животноводстве начали вводить бригадную систему организации труда — создавать хозрасчетные подрядные звенья. Они уже великолепно показали себя в полеводстве, позволив повысить урожаи, сэкономить немалые средства, а главное, резко повысить производительность труда.

Суть бригадной системы в общем-то была проста: коллективу из шести-семи человек отводили примерно триста-четыреста гектаров пашни, предоставляли в их распоряжение всю необходимую сельскохозяйственную технику: трактора с различными навесными и прицепными орудиями, косилки, комбайны — и снабжали удобрениями и семенами в количествах, рассчитанных по научным нормам. Исходя из этого определяли, какой урожай зерновых, кукурузного силоса или картошки должна получить бригада с каждого гектара и сколько совхоз должен заплатить людям за такую плановую урожайность.

Это и называлось оценкой по конечному результату.

Вот, собственно говоря, и все. Остальное, как любили говорить некоторые, было делом техники и... людей, которые этой техникой управляли.

Зная твердый фонд заработной платы, причитавшийся всей бригаде за выращенный урожай, полеводы старались экономить буквально на всем: на дизельном топливе, на ремонте сельхозмашин и тракторов, на транспортных расходах. Они отказывались от шефской помощи, отлично понимая, что временно привлеченным помощникам платить будут, что называется, из «бригадного кармана»: вычтут деньги из общей зарплаты. И старались все делать сами. Принцип тут был простым: чем меньше бригада затратит средств на горючее, на ремонты

и выплаты посторонним людям, тем больше достанется ей самой. Разумеется, при получении плановой урожайности.

Если же урожайность оказывалась выше плановой, то бригаде причитались очень солидные вознаграждения: при хорошей работе и в удачные годы бывали случаи, когда на каждый рубль, заработанный во время сельскохозяйственного сезона, полеводы при окончательном расчете получали еще по два, а то и по три рубля доплаты. Иными словами, заработок возрастал вдвое-втрое! Совхозы и колхозы щедро делились с людьми своими прибылями: ведь сверхплановая урожайность шла в чистый доход хозяйства.

Такая система труда создавала в бригадах, работавших по единому наряду, особый нравственный микроклимат — как бы круговую заинтересованность в успехе общего дела. И особенно благотворным этот микроклимат был для молодежи.

В обычных условиях, когда каждый трудился по индивидуальному наряду, людей заботило исключительно выполнение ежедневной нормы, от чего непосредственно зависела зарплата. За качеством полевых работ следили в основном агрономы, а сами механизаторы лишь «вкалывали» да и только, мало беспокоясь о том, какой урожай вырастет на пашне, которую они обрабатывают. Конечно, и раньше было очень много полеводов сознательных, старательных, однако из-за своей въедливости, добросовестности они порой попадали в дурацкое положение: начнут трудиться на совесть, глядишь, дневную норму и не выполнили.

Молодые механизаторы при такой системе индивидуальных нарядов приучались действовать по принципу, которому сельские острословы дали весьма любопытное название, аналогичное знаменитой геометрической формуле для подсчета площади круга.

Оно звучало так: «Дэ квадрат равно пи эр».

А расшифровывалось это несколько странное, даже загадочное уравнение очень просто, весьма по-житейски: «Давай, давай, потом разберемся!»

Молодежь старалась вовсю, стремясь не отстать от старших, выполнить норму. Однако плохо представляла себе смысл своей работы и уж совсем не видела ее конечной цели. Парни двигали

рычагами гусеничных тракторов, крутили баранку «Беларуси», в общем, «давали», да и только! Бригадиры и агрономы о чем-то спорили, что-то доказывали друг другу, применяли различные научные рекомендации; происходили изменения и в самой системе управления аграрным производством, но все эти новшества обходили молодежь стороной, с ней никто не советовался, никто особенно не считался. От нее в основном требовали лишь выполнения нормы.

Поэтому рост профессионального мастерства не подкреплялся у молодых взрослением, обретением истинной самостоятельности, гражданским мужанием. Многие из них годами оставались на второстепенных ролях в коллективе. А кому это интересно?

Но в бригадах, которые стали работать по единому наряду и которые в полеводстве создавались повсеместно, все круто переменилось. Кто пашет поле, тот же его и засевает. Более того, он же снимает здесь урожай. Плохо вспахал и посеял — урожая хорошего не будет. Не только колхоз или совхоз в целом, но и каждый член бригады останется в накладе. Поэтому агрономы при переходе на подряд стали давать лишь рекомендации, а уж их неукоснительное соблюдение, точное выполнение агротехнических приемов стало делом самой бригады, надзирать за ней не требовалось.

И молодые механизаторы в таких бригадах постоянно находились под контролем более опытных,— все как бы превратились в наставников: советуют, проверяют, подсказывают ежечасно. Но это лишь полдела. А другая, еще более важная его половина состояла в том, что сельская молодежь, как правило, грамотнее и образованнее, чем люди среднего и старшего поколения, вдобавок головы у парней посвежее. Да и вообще юности в силу возраста больше свойственна инициатива, экспериментаторство.

Но раньше попытки сделать что-то по-своему зачастую вызывали скептические реплики, вроде: «Не лезь поперед батьки в пекло...» И такое отношение, конечно, охлаждало энтузиазм. Однако теперь бригадиры сами стали привлекать более грамотных ребят к решению самых разных текущих проблем: «А ну-ка, сынок, помоги обмозговать...»

Молодые механизаторы наконец-то превратились в полноправных членов подрядных бригад, их голос стал хорошо слышен, с ними считаются, и это очень важный дополнительный «конечный результат» в работе коллективов, которые трудятся по единому наряду. Возможно, тут и кроется одна из причин того, что парни все охотнее и охотнее остаются работать в родных селах.

Да, подряд уверенно проложил себе дорогу в полеводстве. И теперь на повестку дня встал вопрос о его внедрении в животноводстве. Однако, думал Ремберт Эльмарович, здесь все обстоит совсем не так просто, как некоторым кажется. В сельских делах вообще слишком многое зависит от конкретных, местных условий. И то, что хорошо срабатывает в одном хозяйстве, порой может оказаться совершенно неприемлемым для другого.

Так же — и с бригадным подрядом в животноводстве.

Как создать звено, работающее по единому наряду, из четырех доярок, у каждой из которых, предположим, по пятьдесят коров? Это значит, надо животных объединить, и все доярки будут доить всех коров. Получится то, что на колхозно-совхозном языке обозначается самым неприятным словом — «обезличка». Во-первых, на фермах начнут яростно протестовать против ликвидации коровьих групп, ведь хорошая доярка к своим, «родным» буренушкам чужого человека и не подпустит. Между тем объединение в звенья — дело сугубо добровольное.

А во-вторых, будет трудно уследить, кто сколько надоил молока,— почти невозможно наладить строгий учет. Но ведь зарплату придется делить поровну. Это значит, что наиболее опытные потеряют в заработке, а менее трудолюбивые за их счет приобретут, причем без дополнительных усилий со своей стороны. Зачем же им особенно из кожи вон лезть, если зарплата и так возрастает?

Но проблема заключалась не только в этом.

Если все доярки доят всех коров, значит, они постоянно могут подменять друг друга. И не исключено, что Маша скажет своей подруге Даше: «У меня сегодня дел домашних невпро-

ворот. Ты нынче сто штук выдои, а завтра я за тебя поработаю, ты дома побудешь...»

Ситуация отнюдь не надуманная. Совсем недавно в совхоз «Имени 60-летия образования СССР» приезжал первый заместитель томского облисполкома, председатель областного агропромышленного комитета Иван Иванович Титов. Он и рассказал Палосону, как на молочной ферме одного из хозяйств столкнулся с поразительной картиной. Там внедрили единый наряд, но во время дойки Титов увидел около животных лишь двух женщин вместо четырех. А стадо было в двести коров. Поинтересовался, в чем дело, и ему бесхитростно ответили: «Двое за грибами пошли, вот мы за них сегодня и работаем. А завтра, наоборот, наш черед в лес идти, пусть они поработают. У нас же единый наряд!»

Но если воспринимать единый наряд в животноводстве как возможность трудиться с прохладцей, толку от него, разумеется, не будет. Двум дояркам с двумя сотнями коров, разумеется, никак не управиться, надои начнут резко падать, в спешке животных испортят регулярным недодоем.

Вот и ломай голову над тем, как внедрить подряд на молочных фермах. «Нет, все-таки корова — это личность! — снова подумал директор.— Тут с плеча рубить нельзя».

Уже давно в нем созревало убеждение, что внедрение бригадного подряда в животноводстве следует начинать не с молочных ферм, а с откормочных телятников. С бычками на откорме управляться куда легче, нежели с коровами, тут обезличка не страшна, она и так существует. Ведь у бычков нет ни кличек, ни привычек: выщип в ухе с жетоном, на котором выбит порядковый номер, заменяет им и биографию и родословную. Бычкам только вовремя корма подбрасывай да за чистотой в телятниках следи — другой работы почти нет. В общем, живая фабрика мяса: едят и поправляются день ото дня. А потому здесь вполне можно объединять привесы в разных группах скота, что необходимо для работы по единому наряду.

Однако и это дело необходимо было основательно обдумать, посоветоваться с людьми на месте. Для таких бесед директор совхоза и ехал в сухологовское отделение.

Он знал, что Вторушин в этот день отправился на заобские

луга — управляющий доложил о своих намерениях на утреннем селекторном совещании. Но обещал вернуться в Сухой Лог после обеда. Поэтому Палосон решил подъехать туда пораньше, чтобы переговорить с бригадирами, скотниками, а уже потом учесть мнение управляющего. В директорском кабинете на пульте радиотелефонной связи были вмонтированы авиационные часы, по которым Ремберт Эльмарович сверял время. Сам он был всегда пунктуально точен, рассчитывая рабочий день буквально по минутам,— иначе в таком крупном хозяйстве, как коломинскогривский совхоз, не управиться. И требовал того же от своих подчиненных.

Но в Сухом Логе ему сразу же сообщили, что управляющий вот-вот прибудет, уже в пути. Палосон несколько удивился оперативности Вторушина и тут же вызвал его на связь.

— Я первый, я первый... Двадцать третий, ответьте.

— Слушаю, Ремберт Эльмарович,— сразу отозвался Вторушин.

— Владимир Валерьевич, где вы находитесь?

— Проезжаю васильевский поворот.

— Значит, вы почти наступали мне на пятки. А почему вы так быстро вернулись с заобских лугов?

Вторушин замялся. Радиотелефон вдруг начал хрипеть, потом в нем раздалось покашливание.

— Владимир Валерьевич, у вас что, коклюш? — вежливо, но не без иронии поинтересовался директор.— Мне казалось, что утром вы были совершенно здоровы...

Вторушин коротко хохотнул — совсем по-отцовски — и, тут же став серьезным, начал оправдываться:

— Понимаете, тут такое дело случилось... В общем... Да я сейчас приеду, Ремберт Эльмарович, через двадцать минут буду на месте и все объясню. Жму на всю железку.

— Хорошо, до скорого...— попрощался директор и зашагал к телятникам.

Высокий, прямой, поджарый, с энергичной размашистой походкой, он неизменно одевался очень аккуратно: всегда в хорошо сидящем костюме, в свежей рубашке и обязательно при галстуке. В таком отнюдь не традиционно деревенском виде он смело заходил в коровники и телятники, шел по ним быстро,

уверенно, по-хозяйски, и казалось непостижимым, как он умудряется при этом не пачкать одежду и даже обувь.

Едва появился управляющий сухологовским отделением, Ремберт Эльмарович сразу же перешел к делу,— а делом для него в данном случае было внедрение бригадного подряда в телятниках. Обстоятельно взвешивая все «за» и «против», он обсудил со Вторушиным возможность создания безнарядного звена, составленного из скотников и механизаторов, доставляющих бычкам корма.

Потом попросил показать новый Дом животновода.

Такие дома уже давно начали строить на всех отделениях — в комплексе с молочными фермами и телятниками. В них находились бытовки для рабочих, библиотека-читальня с газетами и журналами, которую при желании можно было использовать как лекционный зал: оборудованная кинопроектором, она позволяла просматривать короткометражные фильмы по различным проблемам сельского хозяйства. Наконец, в Домах животноводов работали хорошие буфеты, туда доставляли свежий хлеб и другие продукты, чтобы доярки экономили время и прямо на работе могли бы купить все необходимое.

Порой привозили и дефицитные промышленные товары,— без очереди, без толкотни доярки могли выбрать их по размеру и примерить.

Конечно, в таких домах размещались кабинеты заведующих фермами и ветеринарных врачей. Сюда же приезжали медики — специалисты, проводившие диспансеризацию животноводов. В общем, это были подсказанные самой жизнью очень уютные и достаточно удобные «мини-гибриды» клуба, служебной конторы, торгового центра и поликлиники.

Но в Сухом Логе, где Дом животновода строили последним, учтя опыт своих предшественников, и вовсе отличились: поставили его на небольшом бугре, красиво облицевали светлой плиткой. И в дополнение к традиционным видам обслуживания оборудовали... бильярдом — с учетом того, что на откормочных фермах мужчин работает несколько больше, чем на молочных комплексах. А мужчины, как известно, не прочь в свободное время развлечься игрой на бильярде.

Пока осматривали дом, Вторушин чувствовал себя как на

угольях: предстояло рассказать директору о непрошеном госте, заявившемся на пасеку, а Владимир сам ничего толком не знал о происшедшем. Кроме того, его искренне беспокоило, что же произошло на самом деле, велики ли неприятности, каков размер ущерба. И в душе он сердился на Палосона, славившегося своей выдержкой: почему не спросит, не поинтересуется причиной экстренного возвращения с заобских лугов и спешкой?

Наконец директор попрощался и сел в свою «Волгу». Завел двигатель, опустил стекло левой передней двери и вдруг сказал Владимиру Вторушину:

— Да, кстати, насчет медведя ты особенно не беспокойся. Мне уже все рассказали. Ну разорил пару ульев, и все, беда небольшая.

И умчался.

Вообще говоря, о медведе, обитавшем в соседней Альнешовской тайге, жители Сухого Лога знали. Но хозяин здешних мест никогда пасеку не трогал — видимо, многолетний опыт сосуществования с людьми научил косолапого не тревожить двуногих и двуруких, чтобы не создавать лишних проблем себе самому. Не было сомнений в том, что нахулиганил медведь пришлый, который случайно забрел в чужие угодья к реке Кванцушке и наткнулся здесь на лакомую пасеку.

Таежный гость оказался хитрым и расчетливым. Он хватанул тяжелый улей под мышку — силища-то огромная! — и отнес его к маленькому прудику, устроенному около пасеки: перегородили лесной лог высокой земляной плотиной, вот и набралась там черно-коричневая, цвета чая, вода, никогда не подергивающаяся ряской, не зацветающая — таково свойство таежной воды. Медведь опустил улей в воду и только там снял с него крышку, разом обезопасив себя от пчелиных укусов: намокшие насекомые стали беспомощными. После этого он стал спокойно вытаскивать рамки и лакомиться любимым медом.

Второй улей он, видимо, катил к пруду, потому что крышка соскочила на берегу. Наверное, тут медведю сильно досталось от разъяренных пчел, но все же он опять добрался до воды и стал обладателем еще пяти килограммов меда.

После этого непрошеный посетитель умиротворился и отправился в тайгу отдыхать.

Два разоренных улья — действительно невелика беда. И дед Валерий Петрович Вторушин мог бы особенно не сокрушаться, если бы... если бы медведь оставил на месте происшествия письменную расписку в том, что не намерен впредь совершать подобные визиты.

Но поскольку такой гарантии он не дал, элементарная логика, здравый смысл и знание медвежьих повадок подсказывали: далеко зверь уже не уйдет, будет регулярно наведываться к ульям.

Именно это и было самым неприятным.

Деду жалко было меда. Как он и надеялся, погода во время цветения гречихи выдалась словно по заказу: раз в сто лет выпадает такое! Было тепло и влажно, над белым, будто скатерть праздничная, гречишным полем стоял ровный, неумолчный гул — это работали пчелы. Поле засеяли погуще, по шестьдесят килограммов семян на каждый гектар — почти перекрестным способом, нектара выделялось много, и, присмотревшись, можно было даже разглядеть «воздушный мост», который навели насекомые между полем и пасекой: как-никак в каждом улье до пятидесяти тысяч пчел, а ульев-то сто. Такая армада была видна и невооруженным глазом.

В общем, дед Вторушин оказался с медом белым, как липец, тягучим, очень своеобразным на вкус гречишным медом. И ему было жаль погубленного добра. О том, что пристрастившийся к лакомству медведь может натворить гораздо больших бед, Валерий Петрович поначалу даже не подумал. Но на семейном совете сообща осознали возникшую опасность и решили, что надо действовать.

И сам дед Вторушин и все его сыновья, разумеется, были охотниками — жить в тайге и не охотиться! Они исправно били утку, брали рябка, тетерева-косача, считая деликатесом его удивительно вкусное, ароматное темное мясо. Иногда участвовали в лицензионных зимних загонах на лося. Однако с большим и хищным зверем никому из них дела иметь не приходилось. Как-то Владимир повстречал в заснеженной тайге рысь, осторожно двинулся за ней, но вскоре по следам понял: происходит что-то неладное. Он выслеживал рысь, а рысь, оказывается, выслеживала человека и все время подбиралась

к нему сзади. Охотнику стало не по себе, и он заторопился в село, к людям, чтобы избежать опасности.

Короче говоря, стало ясно, что самим Вторушиным с медведем не сладить, и браться нечего. Впрочем, в Сухом Логе серьезных охотников вообще не было, и, значит, приходилось искать нужного человека на стороне. Думали-думали и вспомнили про Александра Шевченко из Васильевки, который работал слесарем на свиноферме.

Шевченко отличился на волках. Раньше волков в Чаинском районе практически не было. Обитали они в основном на заобских лугах, где много простора, где ветер очень плотно утрамбовывал снег, создавая наст, и где длинноногому хищному зверю сподручно было показывать всю свою прыть в погоне за куропаткой, зайчишкой, тетеревом-косачом. Вдоволь хватало серому еды. Но в самые последние годы боровая дичь и зайцы почему-то начали перебираться на левый берег, в тайгу, и вслед за ними форсировали Обь волки, приблизившись к человеческому жилью.

То тут, то там стали пропадать овцы, козы, куры. Рассказывали, что в каком-то поселке хищники задрали теленка. А в Чемондаевке один-единственный волк зарезал сразу восемь овец — ведь серый хищник так устроен, что глазами готов съесть целое стадо и без конца будет душить свои жертвы, пока есть силы, хотя для пропитания ему столько мяса и не нужно.

В общем, на волков объявили серьезную охоту. Выслеживали их, делали шумные коллективные облавы, обкладывая флажками волчьи стаи. А Шевченко Александр из Васильевки без особого шума, в одиночку стал ставить на хищников капканы. За свинарниками был выкопан могильник для дохлых поросят, и Шевченко обнаружил рядом с ним место, где сходились сразу две волчьи тропы — ведь в голодную зиму волк и падаль съест. Там-то охотник и устроил ловушку, причем в первую же ночь попался ему матерый волчище весом в семьдесят пять килограммов. Если учесть, что волки очень поджары, что жирку в них почти нет, то 75-килограммовый хищник — это зверь весьма и весьма солидный.

А всего за зиму Александр Шевченко взял капканами семь волков, побил все районные охотничьи рекорды.

Вот к этому-то волчатнику и решили обратиться Вторушины.

Однако, несмотря на длительные уговоры, Шевченко отказался. С хозяином тайги и ему дела иметь не приходилось.

Стали искать другого охотника, и наконец кто-то из сведущих людей подсказал: в леспромхозе «Восточный» работает водителем трелевочного трактора Леонид Финкельштейн, так вот он — завзятый медвежатник.

«Восточный» Валерий Петрович знал хорошо — именно там трудился он на лесоповале в годы своей юности. И в одно из воскресений Владимир с отцом отправились в этот леспромхоз, расположенный тоже в Чаинском районе.

Внимательно выслушав Вторушиных, Финкельштейн согласился взяться за разбойного медведя, оформил отпуск и на несколько дней приехал в Сухой Лог. Осмотрев место происшествия, охотник решил оборудовать на крыше пасечной избушки что-то вроде маленькой площадочки, на которой можно было бы примоститься и ждать гостя ночью.

Почти весь день дед Вторушин и Финкельштейн мастерили укрытие для засады, как водится, потчуя друг друга бесконечными охотничьими историями. Леонид рассказал, что в Восточной Сибири, за Иркутском, где-то на Байкале, недавно произошел поразительный случай. Там начали организовывать зимнюю охоту на медведя. Промысловики из глухих таежных деревушек разыскивали берлоги, сообщая об их местонахождении в областное охотуправление. И когда приезжал на Байкал очередной охотник, он вместе с егерями сразу же отправлялся будить медведя.

Зверя ворошили длинными баграми или шестами; растревоженный, грозный хозяин тайги вылезал из берлоги, и тут на него с остервенелым лаем накидывались собаки. А охотник в это время стрелял из карабина. Само собой, егеря стояли на подстраховке, тоже целились из ружей. В общем, настоящая медвежья охота, какую давно освоили местные медвежатники, отстреливая зверя, разумеется, по лицензиям.

Однако было несколько случаев, когда берлоги оказывались ложными: доберется экспедиция до отдаленного района, целый день осторожно обкладывают егеря опасного зверя, а в самый последний момент выясняется, что его вовсе и нету. В ре-

зультате время потеряно, расходы лишние. Поэтому в охотуправлении решили более тщательно собирать сведения от промысловиков. Пришлет какой-нибудь охотник телеграмму: в таком-то районе обнаружена медвежья берлога. А ему в ответ отстукивают: «Проверьте наличие медведя».

И вот однажды получают в охотуправлении повторную телеграмму, от которой даже бывалые охотинспектора за головы схватились, в ужас пришли. Телеграмма была такого содержания: «Проверил, медведь есть, от носа до лба прямой вершок, между ушами — косой».

Это значит, какой-то смельчак для надежности слазил в берлогу к спящему медведю и пальцами замерил его морду. Видать, зверюга был здоровенный, если от носа до лба можно было дотянуться только полностью растопыренными большим и указательным пальцами — это расстояние в народе издавна считалось прямым вершком, а от правого уха до левого — большим пальцем и мизинцем, такая мера называлась косым вершком.

После получения такой телеграммы в охотуправлении не на шутку перепугались: вдруг проснувшийся зверь кого-нибудь задерет — и больше не стали требовать от охотников-промысловиков подтверждения о «наличии медведя».

В охотничьих рассказах день на пасеке пролетел незаметно. К вечеру Валерий Петрович Вторушин и Финкельштейн вернулись в Сухой Лог. А к ночи Леонид, Владимир и Александр снова отправились на Кванцушку — деда решили с собой не брать, мало ли что может случиться. Вдруг понадобится молодая прыть, а где ее взять пожилому?

Владимир заглушил свой «Москвич» под Пасечной горой, чтобы зверь не учуял посторонних запахов. Затем они пешком осторожно подкрались к избушке и влезли на крышу.

Ночь была на редкость темная, и людям стало страшновато. Они слышали, как совсем неподалеку ломает бурелом медведь, как ходит он кругами около пасеки, очевидно принюхиваясь и прислушиваясь. Его появления можно было ожидать в любую минуту — а угадаешь ли цель в таком мраке? Владимира и Александра, как менее опытных, беспокоил даже такой дурацкий вопрос: «А вдруг косолапый на крышу полезет?» Правда,

дурацким он показался братьям потом, когда уже настало утро. А тогда, на крыше, Вторушины думали об этом всерьез: опасность угрожала нешуточная, медведь — зверь серьезный.

Но, видимо, хозяин тайги был очень опытным. Все-таки учуял людей и, хотя подходил к пасеке очень близко, все же не рискнул выйти на открытое пространство.

На рассвете, когда тайга начала просыпаться, охотники уехали в Сухой Лог.

Следующей ночью Финкельштейн дежурил на крыше избушки один. Однако и на сей раз медведь распознал человека, опять бродил кругом да около, снова трещали под его тяжелыми шагами сухие ветки в тайге. Но к ульям зверь не подошел.

Так же продолжалось и в третью ночь.

Между тем отпуск у Леонида заканчивался, и он вынужден был уехать в «Восточный». Несостоявшаяся охота внесла не очень-то веселую ясность: зверь есть, зверь ходит поблизости и, попробовав сладкого, обязательно вернется на пасеку. Рано или поздно.

Обстоятельства складывались так, что Вторушиным хочешь не хочешь, а приходилось самим вступить в схватку с медведем.

Да, в тот сезон погода действительно вела себя очень странно. Она сдвинула привычный календарь сельскохозяйственных работ недели на две. Но примерно в середине лета, когда зерновые, попавшие в поздневесеннюю засуху, казалось, были окончательно обречены на то, чтобы вырасти щуплыми, худосочными, вдруг ударили благодатные теплые дожди. Словно специально под самый налив колоса!

И на полях началось зеленое буйство.

Уже в августе стало ясно, что урожай будет не просто хорошим, а редкостным; люди повеселели, радостно потирали руки, готовясь к жатве. Во всех хозяйствах в ударном темпе заканчивали ремонт комбайнов, начали формировать механизированные отряды на период уборочной страды.

По предварительным подсчетам на некоторых полях биомасса пшеницы достигала шестидесяти центнеров на гектар! Хотя, конечно, в готовом, созревшем зерне должно было по-

массу комбайн не переварит, надо подождать, пока колосья просохнут. Но если дождит два-три дня подряд, а то и неделю?

В этом случае возникает страшный риск — можно вообще полностью потерять урожай. Потому что спелые зерна очень быстро начинают укореняться во влажной земле, валок как бы врастает в почву, и уже никакими силами его для обмолота не поднимешь. Погибнет хлеб.

Вот в каждом конкретном случае и думай, земледелец, мучительно решай, как тебе поступить: валить хлеба на землю — значит, придерживаться принципа: «Все или ничего!», а комбайнировать напрямую — потери будут больше да и сроки жатвы затянутся. А там и до снега недалеко, зябь вспахать не успеешь, под угрозу поставишь урожай следующего года... Ух, голова кругом идет от переизбытка различных факторов. Как найти самый оптимальный вариант? И никто точно подсказать не может, только опыт и интуиция выручают тут настоящего хлебороба.

В разных регионах страны по-разному действуют в таких случаях. Где посуше, где обычно осень стоит солнечная, любят раздельную уборку. А например, в Нечерноземье с его переменчивым сентябрем ее опасаются, хотя все-таки тоже применяют. И очень, очень сказываются в принимаемых решениях характеры людей: кто смелый, а кто робкий, кто осмотрительный, а кто бесшабашный.

В одном нечерноземном колхозе, который выращивал пшеницу на семена, снабжая ими весь свой район, получили как-то отличный для этого региона урожай: проба дала почти по двадцать пять центнеров с гектара. А гектаров было без малого пятьсот! И везде пшеница стояла чиста да ровнешенька, без ромашки и василька. Ну председатель и решил сыграть ва-банк: взять зерно с шиком, раздельно, удивить и качеством и количеством. Загнал на огромное поле сразу пять жаток, и они за один-единственный день свалили на землю всю пшеницу.

А наутро пошел дождь. И лил ровно пять суток. В итоге почти весь урожай погиб.

Председателя того, конечно, от работы отстранили. Да он и сам от угрызений совести чуть инфаркт не получил.

Вот ведь как бывает.

Но все чаще и чаще начинают хозяйничать на земле разумно, осмотрительно, хотя и не слишком робко. Опытные люди предпочитают теперь совмещать прямую и раздельную уборку. За один раз кладут наземь столько гектаров, сколько могут обмолотить за один день. Если погода позволит, конечно. Обмолотили — и снова готовят такую же порцию сжатых колосьев. В общем, постепенно двигаются, шаг за шагом. Риск при таком методе в худшем случае сведен к небольшой потере. Зато выигрыш при удачной погоде может оказаться весьма солидным.

Но вообще-то, как говорится, на месте виднее.

Не случайно в решениях партии и правительства по вопросам сельского хозяйства, на заседаниях Политбюро ЦК КПСС постоянно подчеркивается, что необходимо расширять самостоятельность сельских руководителей, предоставлять им право самим решать, какие приемы и методы ведения хозяйства наиболее приемлемы в их конкретных условиях. Это последовательная линия партии, и она создает основу для истинного творчества, для развития инициативы каждого, кто трудится на земле.

Вот и в Томской области, ломая головы над вопросом о сроках жатвы, решили не давать общих для всех хозяйств указаний, но предоставить каждому из них право самостоятельного решения, а также полную свободу выбора в вопросе о прямой или раздельной уборке зерновых.

Между тем северным томским совхозам раздельная уборка, за которую раньше ратовали районные сельхозуправления, никогда счастья не приносила. Поэтому хозяйства всеми силами старались на нее не соглашаться, предпочитая прямое комбайнирование. Все в райцентре были уверены: свобода выбора наверняка обернется тем, что валить хлеб наземь не станут, несмотря на риск ранней зимы, будут медленно обмолачивать напрямую.

Однако вышло наоборот: в тот год совхозы и колхозы по собственной инициативе, как никогда прежде, резко увеличили долю раздельной уборки. Везде поняли: жать зеленый, неспелый хлеб напрямую — значит остаться без семян на следующий год.

Был необходим оправданный риск, чтобы часть зерна дозрела в валках и могла стать полноценным семенным фондом.

Дед Вторушин привык к лошадям с отроческих лет. Он немало на своем веку конюшил, ездил и верхом, и в телеге, и в санях, считая конный транспорт самым надежным и безотказным. Когда возникло поветрие, будто в автомобильно-тракторный век с лошадьми будет покончено, и когда иные чересчур ретивые председатели колхозов и директора совхозов торопились сдать их на живодерню, Валерий Петрович против этого категорически протестовал и многозначительно предсказывал: «Рано петь отходную коню! Он еще пригодится, вот увидите. Настанут для лошадей и другие времена».

И они настали: повсеместно гужевой транспорт снова оказался в почете, вовсе не конкурируя с большегрузными машинами и тракторами, а выполняя свою скромную миссию и позволяя экономить немало горючего: стоит ли гонять «Кировец» за тремя флягами молока, если их сподручнее доставить с фермы на телеге?

Но глубокая привязанность деда Вторушина к лошадям объяснялась не только сугубо практическими соображениями. Он любил этих гордых и красивых животных, любил красивый, парадный выезд и даже сам смастерил особую, редкостную сбрую, которую надевал на кобылу Зорьку по праздничным дням.

Как бывший сапожник, он без особого труда переквалифицировался в шорника и сначала пошил новую сбрую из добротной сыромятной кожи. Потом раздобыл старый медный самовар, наштамповал из него множество декоративных заклепок и разукрасил ими все ремни. Дугу ярко расписал. А пуще всего гордился подвешенным под ней бубенцом: этот колокольчик, зная особое пристрастие Вторушина к лошадям, подарила ему местная учительница, и не было в жизни Валерия Петровича подарка дороже.

Зимой, на Новый год, в праздничные дни, запрягал он Зорьку. Мчался в санях из конца в конец Сухого Лога. Весело, заливисто позванивал бубенец. Целый день катал ребятишек,

парней и девчат, даже взрослых. Стал его парадный выезд неотъемлемой чертой зимнего сельского праздника.

Но вообще-то Зорька не отличалась особой быстротой, ей исполнилось уже шестнадцать лет. «Хоть сейчас замуж!» — шутил по этому поводу Валерий Петрович. Кобыла, разумеется, была совхозная, но Вторушин берег ее куда пуще собственных «Жигулей», ржавевших в гараже. На машине он ездить не любил, а вот без лошади обойтись никак не мог.

Неторопливо, успевая о многом подумать и поразмыслить, тащился он в телеге на пасеку. Там распрягал Зорьку и пускал ее вольно пастись, не стреноживая, не привязывая, а только — в недоуздке, чтобы лошадь все-таки не чувствовала полной свободы, не забралась бы куда-нибудь в лес. Поищи-ка ее потом с больными ногами!

Но после первого медвежьего визита стал дед Вторушин замечать, что Зорька ведет себя как-то очень уж пугливо. То и дело прядает ушами, к чему-то прислушивается, иногда вздрагивает, шарахается, старается далеко от пасечной избушки не отходить. Видимо, лошадь чувствовала близость опасного таежного зверя, и ее тревога невольно передавалась человеку.

Дед перестал даже рыбачить на маленьком озерце за плотиной, где водился карась в четыре пальца — вполне пригодный для сковородки. Однажды ему показалось, что на другой стороне неширокого — всего-то пятнадцать метров — озерца прячется в кустах медведь и не спускает с него глаз. Вторушин быстренько смотал удочки, в прямом и переносном смысле, и за водой потом стал ходить очень осторожно, озираясь вокруг, чутко прислушиваясь.

Короче говоря, косолапый лишил Валерия Петровича покоя, и дед торопил сыновей, в первую очередь Владимира, требуя от него принять срочные меры.

Управляющего тоже беспокоила «медвежья проблема». Но конечно, об огнестрельной охоте речи идти не могло. Зверя надо было взять хитростью.

Старожилы Сухого Лога вспоминали, что когда-то кто-то пытался поймать косолапого на удавку: с помощью приманки заставил его сунуть голову в самозатягивающуюся петлю

из крепкой веревки. Чем яростнее медведь стремился от нее освободиться, тем сильнее она перехватывала горло. Рассказывали также, что веревка была привязана к большой колоде и имела ограничитель: петля не могла затянуться слишком туго и задушить зверя. Если бы это произошло, медведь сдох бы где-нибудь в тайге — ищи его потом. А с колодой на шее он далеко уйти вроде бы не мог, его можно было бы выследить и в конце концов пристрелить.

Однако вышло иначе. Могучий зверь две недели таскал за собой здоровенную колоду, пытаясь от нее избавиться, а найти его не могли. Что он только не предпринимал! Потом в тайге видели высокие ели со сломанными с одной стороны ветвями: это медведь взбирался на их вершины и камнем падал вниз, надеясь, что проклятая колода как-нибудь соскочит с его шеи.

И все-таки освободился от ошейника! Никто не знает, каким способом, но факт, что косолапый сбросил колоду и ушел в другую тайгу.

Разумеется, этот древний и давным-давно не применяемый способ охоты был варварским, браконьерским — он сохранился лишь в рассказах, а не в самой жизни. Но принцип самозатягивающейся петли-ловушки тем не менее можно было использовать. И Вторушины начали готовиться к решающей схватке с разбойным медведем, который угрожал самому существованию совхозной пасеки, не давал спокойно на ней работать.

Однако в сухологовском отделении были и другие дела, поважнее «медвежьих». И именно этим хозяйственным делам Владимир Вторушин уделял первостепенное внимание.

На полях подходили замечательные хлеба, и становилось ясно, что старое зернохранилище не сможет вместить весь урожай. Поэтому управляющий приказал срочно строить запасной фуражный склад: сделать деревянный каркас и обтянуть его полиэтиленовой пленкой. Просто и дешево, а до сильных морозов зерно вполне в таком складе пролежит, главное, что не будет намокать в дождливую погоду. Но конечно, скармливать его надо в первую очередь.

Обычно своего фуража в Сухом Логе хватало месяца на три-четыре. Потом в основном переходили на сено и сенаж,

лишь изредка из района подбрасывали комбикорма. Но мясное стадо на одном сене поднять трудно, оттого и привесы колебались от 600 до 650 граммов в сутки. А на фуражном зерне каждый бычок за день прибавлял по семьсот граммов — это солидно! И хотя отделению разрешали снимать с откорма животных, достигших веса 350 килограммов, на колпашевский мясокомбинат обычно старались отправлять лишь четырехцентнеровых бычков, шедших первым сортом, приносивших наибольшую прибыль и совхозу и государству.

Но благодаря хорошему урожаю зерновых можно было рассчитывать, что фуража на сей раз хватит до весны. И это предвещало хорошие, стабильные привесы.

Владимир искренне и бесхитростно считал, что ему крепко повезло. На молочных отделениях, думал он, работать куда сложнее. Они вынуждены были отчитываться абсолютно каждый день, и, если надои падали по сравнению с тем же периодом предыдущего года хотя бы на сто граммов, начиналась чуть ли не истерика. На утренних селекторных совещаниях управляющим устраивал разгон Палосон. На фермы регулярно приезжали уполномоченные из района: ведь молочное стадо в гривском хозяйстве было большим — две тысячи коров, даже маленькое снижение продуктивности сразу ощущалось в Подгорном.

А на откормочном отделении, в Сухом Логе, все обстояло гораздо проще: управляющий первого числа каждого месяца заполнял так называемую 24-ю форму отчетности и отправлялся с ней к директору совхоза, докладывая о выполнении планов по производству мяса. Вот и все, никакой нервотрепки.

Однако на молочных отделениях, наоборот, считали, что повезло именно им, а Вторушину приходится работать в крайне неблагоприятных условиях. Если у нас сегодня снизились надои, рассуждали они, мы имеем возможность компенсировать этот минус завтрашним плюсом. А каково Сухому Логу? В телятниках взвешивают бычков только раз в месяц, и вдруг первого числа, когда определяют привесы, выяснится, что план не выполнен,— поди-ка потом наверстай упущенное.

Такая ситуация не была особенно типичной. Гораздо чаще руководители с завистью кивают друг на друга, утверждая, что

соседям живется куда легче. Но тот факт, что в Гривах все считали себя везучими необычайно, объяснялся весьма просто: отделения неизменно выполняли планы, отстающих здесь не было, речь шла лишь о том, кто первый среди лучших или кто лучший среди первых.

За текущими вопросами, связанными с подготовкой к надвигающейся жатве, Владимир Вторушин не вправе был забывать и о перспективных. А в то лето главной заботой управляющего сухологовским отделением было строительство жилья.

Еще год назад Вторушин твердо считал, что жилищная проблема в селе решена полностью. Не только в том дело, что очередников на улучшение не было, но даже существовал небольшой резерв квартир. Когда в Сухом Логе намечалась очередная свадьба, молодожены заранее подходили к управляющему и предупреждали о готовящемся торжестве. Это означало, что вскоре им понадобится жилье. Считалось само собой разумеющимся, что молодая семья должна жить отдельно от родителей, самостоятельно.

И этого правила строго придерживались.

Но в последнее время многое в поселке круто изменилось. В Сухой Лог приехали шефы из Томска — девчата с завода. И все холостые парни влюбились как один! Женихов и невест стало хоть отбавляй, заявления в ЗАГС подали чуть ли не все. Некоторые девчонки, конечно, пытались увезти ребят в Томск, завлекая большим городом. Однако никто не соблазнился, никто не захотел покидать свое село, свою тайгу, расставаться с тем привычным, интересным и насыщенным образом жизни, с которым сроднился с детства.

Ни один!

Что греха таить, несколько свадеб из-за этого расстроилось. Но зато многие упрямые сухологовские парни перетащили из города в деревню невест, и сразу образовалась очередь на жилье. Предстояло немедленно построить три двухквартирных дома, чтобы удовлетворить заявления, поступившие от шести молодых семей.

Несмотря на значительные нервные издержки, возникающие при строительстве хозяйственным способом, это все-таки были приятные заботы: село продолжало молодеть, расширялся круг

общения, всегда привлекающий юношей и девушек. Однако сельская жизнь, видимо, так уж устроена, что вечно будет создавать все новые и новые проблемы, одно в ней всегда цепляется за другое. И как бы хорошо ни было, неизменно возникает необходимость улучшить что-то еще.

Так произошло и в Сухом Логе.

Оказалось, что девчатам, вышедшим здесь замуж, негде было работать.

Весь штат телятников, рассчитанный на тысячу бычков, составлял только двадцать человек, включая механизаторов, развозивших корма, рабочих кормоцеха, а также подменный персонал: производство здесь непрерывное, а отдыхать-то людям надо, вот их и подменяли в выходные дни. На каждое вакантное место претендовали сразу несколько человек, а места эти освобождались крайне редко: заработки в телятниках были высокими. Разве кто на пенсию уйдет? Вот и приходилось девчонкам устраиваться уборщицами-техничками в школе, в конторе, на почте...

И возникала серьезная проблема создания в поселке какого-то женского производства — может быть, пошивочной мастерской или народных промыслов. Жизнь настойчиво подсказывала, что благодаря быстрой механизации деревня перестает быть только аграрной, для полноценного существования ей теперь требуются и какие-то городские ремесла. Владимир Вторушин не раз читал об этом в специальной сельскохозяйственной литературе, знал, что такой процесс уже идет в селах Прибалтики, Молдавии, однако никак не предполагал, что он столь быстро и внезапно докатится до удаленных сибирских поселков.

Короче говоря, забот у молодого управляющего действительно хватало, причем обидно было, что иные из них, как говорится, сваливались с неба. Точнее, их подбрасывали откуда-то сверху, с какого-то далекого и недосягаемого для Вторушина уровня, который районщики в разговорах между собой называли министерским.

Например, совершенно неожиданно и для Владимира Вторушина, и для Палосона, и вообще для всех, кто трудился в северных таежных районах Сибири, возникла проблема...

плугов. Средний контур полей здесь невелик — всего несколько гектаров, а есть и настоящие пятачки среди деревьев площадью по одному гектару, даже по три сотки. Вдобавок поля эти не прямоугольны, а извилисты; как бы перетекая друг в друга, вьются среди густой тайги поляны, их и засевают, потому что пахотных угодий на средней Оби мало. Конечно, обрабатывать такие клочки трудно, очень трудно. Тут нужна особая сноровка.

Но здешние механизаторы отлично приспособились даже самые маленькие полянки вспахивать на огромных «Кировцах» с навесными плугами. Причем первую борозду прокладывали почти вплотную к деревьям и кустам, стараясь пустить в дело каждый квадратный метр земли. Крутились на тракторах буквально волчком: когда надо было изменить направление движения, поднимали навесные плуги и разворачивались почти на одном месте.

Плуги эти назывались восьмикорпусными — они состояли из восьми обойм лемехов. А ученые и конструкторы разработали орудия еще более мощные, более широкозахватные и производительные — девятикорпусные. Но из-за большого собственного веса такие гиганты стали делать уже не навесными, а прицепными. Их очень ждали на целине, на Кубани, на Ставрополье, в Поволжье — в общем, всюду, где необъятные пахотные просторы требуют постоянного возрастания мощности сельскохозяйственных машин, механизмов, орудий.

И вот, начав выпускать столь долгожданные на целине девятикорпусные прицепные плуги, где-то на министерском уровне решили, что навесные восьмикорпусные уже безнадежно устарели и никому не нужны. В результате Томская область, как всегда заказавшая через «Сельхозтехнику» привычные и необходимые для ее таежных полей навесные орудия, получила... прицепные гиганты. «Других уже нет,— ответили удивленным и встревоженным томичам в министерстве.— Сняты с производства как устаревшие».

А длина «Кировца» с прицепным девятикорпусным плугом — двадцать метров. Как же будет разворачиваться такая махина на крохотных таежных делянках?

Это была еще одна нежданно-негаданная проблема, которую

предстояло решать Владимиру Вторушину, другим сельским руководителям северных томских районов и, конечно, каждому рядовому механизатору.

В эфире над Коломинскими Гривами становилось все теснее: явственно ощущалось быстрое приближение уборочной страды. Уже начали выходить на пробные обмолоты отряды комбайнов, снабженные рациями, на токах вовсю опробовали зерносушилки. Проводили генеральные репетиции, проверяя свою готовность, мобильные летучки ремонтных служб. И каждый либо спешил поскорее доложить о полном порядке, либо, наоборот, пожаловаться на непорядок, все зачем-то друг друга разыскивали, причем срочно, чего-то друг от друга требовали, причем немедленно, чем-то возмущались — с повышенной нервозностью и горячностью.

В общем, царило то естественное и обязательное всеобщее возбуждение, которое предшествует началу большого и ответственного дела и которое сразу проходит, успокаивается, перерастает в нормальный рабочий ритм, как только начинается сама жатва.

Шофер Палосона Владимир Безгодов, как всегда, ни на минуту не выключал рацию. Пока директор занимался решением бесчисленных вопросов на зерновых токах и полевых станах, на молочных фермах и в телятниках, Владимир непрерывно прослушивал эфир, выполняя как бы роль секретаря. И едва вызывали «первого», сразу снимал трубку радиотелефона, просил изложить проблему, чтобы потом передать суть дела Ремберту Эльмаровичу.

Неожиданно в радиотелефоне зазвучал незнакомый женский голос, настойчиво требовавший поскорее привезти сено, солому и концентраты на ферму «Извольская». Безгодов не особенно удивился, но стал вслушиваться внимательнее.

Коротковолновые радиопередатчики в Коломинских Гривах работали на определенной частоте, не совпадавшей с частотами соседей. И хотя эфир над средней Обью был буквально забит десятками тысяч переговоров, хозяйства не мешали друг другу, поскольку друг друга не слышали. Но видимо, диспетчерская

радиосвязь стала применяться на селе очень широко, собственных частот для каждого колхоза или совхоза стало не хватать. Поэтому на одних и тех же частотах стали работать в хозяйствах, разделенных тысячами километров. Поскольку радиус дальности коротковолновой связи составлял всего лишь несколько десятков километров, это не создавало помех.

Однако изредка в ионосфере что-то происходило: радиоволны начинали вдруг стихийно отражаться от нее, и случайно, незапланированно устанавливалась радиосвязь между теми, кто работал на одинаковой частоте. Обычно она длилась всего минут десять — пятнадцать, но зато была очень устойчивой, внятной.

Безгодову, например, не раз приходилось разговаривать с «Сельхозтехникой» из Кировской области — короткие волны перелетали даже Уральские горы! «Какая у вас погода?» — спрашивал он. «Хорошая,— отвечали ему.— А у вас?» Больше с «Сельхозтехникой» Безгодову беседовать было не о чем. Что они могут интересного рассказать? Поведать о том, как торгуют комбайнами или тракторами?

А вот неведомая ему ферма «Извольская» Владимира заинтересовала — как-никак проблемы знакомые. Он снял трубку радиотелефона, сам представился, спросил, откуда и кто говорит. Оказалось, это заведующая фермой из Курганской области, тоже не ближний свет. Безгодов стал сочувственно допытываться, что беспокоит далекую и невидимую собеседницу, а в ответ услышал привычное: корма!

В это время к машине подошел директор.

— Ремберт Эльмарович, хотите с Курганской областью пообщаться? — спросил Безгодов.— Пожалуйста, на связь вышла какая-то ферма «Извольская».

Палосон стал вслушиваться в переговоры далеких коллег и вдруг закричал в трубку радиотелефона:

— Какое сено? Какая солома? Какие концентраты? Сейчас скот надо зеленкой кормить, поняли? Зе-лен-кой! Свежескошенной травой. Как поняли? Отвечайте, перехожу на прием.

Но рация почему-то не отвечала, было слышно не то потрескивание, не то покашливание. Наверное, в Курганской области тоже знали, что сено-солому да концкорма лучше

приберечь для стойлового периода. Но видимо, что-то там у них не очень получалось с молоком, вот они преждевременно и начали переходить на зимний рацион.

— У них тоже коклюш открылся,— махнул рукой Палосон.— Поехали в Сухой Лог.

В Сухом Логе, по мнению директора, в целом все шло нормально. Однако перед уборочной страдой он считал своим долгом лично объехать все отделения, главным образом для того, чтобы поговорить с рядовыми механизаторами, выслушать их, настроить на ударную работу и, конечно, посоветоваться с этими людьми, которые лучше многих специалистов изучили особенности каждого поля, именно те особенности, какие из-за необычности предстоящей жатвы начинали играть важную роль. С управляющими Палосон общался каждое утро по селектору, мнения их знал и хотел проверить, совпадают ли они с точкой зрения комбайнеров.

Впервые на Ремберта Эльмаровича не «давили» по части раздельной уборки хлебов, не «спускали» ему сверху проценты, в которые надо было уложиться. И он, со своей стороны, тоже считал излишним диктовать управляющим отделениями, как им поступать. Дирекция совхоза и партком приняли такое решение: пусть на местах тщательно разбираются с каждым полем в отдельности. Но задача такова: как можно больше заложить в семенной фонд созревшего зерна. А без раздельной уборки при такой постановке вопроса обойтись было невозможно.

Трудность заключалась еще и в том, что ни в коем случае нельзя было допустить смешивание зерна спелого и зеленого. Зеленое очень быстро разогревалось в буртах, и возникала опасность порчи семян. Этот вопрос практически не беспокоит хлеборобов в других регионах страны, потому что зерновые на одном поле, как правило, поспевают равномерно. Но в необычном для томичей сезоне восемьдесят четвертого года поля были полосатыми: на пригорочках, на открытых местах колосья почти подошли, а на опушках едва начинали созревать, ведь здесь полдня держится тень от деревьев, и это сказывается на сумме эффективных температур, уменьшая ее. Но на таежных клочковатых, лоскутных полях площадь опушек в процентном отношении весьма солидна.

С учетом бесчисленных волнообразных грив и косогоров комбайнерам предстояла поистине виртуозная работа.

На период уборочной страды выходные дни в совхозе «Имени 60-летия образования СССР» отменялись полностью. Формально такой порядок вводился приказом директора, подкрепленным решением профсоюзного комитета. Однако по существу он был лишь необходимым юридическим подтверждением всеобщего и добровольного стремления людей сберечь для жатвы не только каждый день, но и каждый час. Все до единого понимали, что уборка зерновых — это венец полевых работ, она завершает многонедельный труд землепашца, подводит итог, вознаграждает за усилия, одаривая основой пропитания — хлебом.

Поэтому о субботах и воскресеньях в период страды просто-напросто забывали, считали время не днями недели, а числами месяца. Отдыхать в такую пору было некогда.

Сибиряки сполна отдыхали зимой.

Зимой наступала как бы пауза в круглогодичном цикле сельских забот. Именно в это время начинались бесконечные разъезды — поездки к родственникам, жившим за тридевять земель, туристские путешествия в далекие города и за границу. Да и дома было прекрасно — любят, очень любят в сельской Сибири снежную зиму. Все здесь для нее приспособлено наилучшим образом: теплые избы с припасенными в избытке дровами, удобные одежда и обувь, не позволяющие морозу подобраться к человеку, но и не стесняющие движения, наконец, всевозможные народные средства вроде барсучьего жира, которые врачуют и помогают легче переносить холода.

К тому же благодаря здоровому, сухому климату морозы в Сибири воспринимаются гораздо легче, нежели, например, в европейской части страны. Для Москвы минус тридцать градусов — это уже серьезно, дети в школу не ходят. А для Сибири — вполне нормальная рабочая температура, в такую погоду ясельных ребятишек закаливают: укладывают во время дневного сна на неотапливаемых застекленных верандах — лишь бы ветра не было, и все.

Зимой в Сибири — лыжи и сани. Зимой — охотничий сезон, подледная рыбалка!

В общем, зимой — настоящий, полноценный отдых.

А в жатву — работа без выходных.

Но полностью забыть о существовании суббот и воскресений сельским жителям все же не удавалось: о них напоминали горожане.

Начиная с пятницы на автомобильных дорогах в тайге открывался парад легкового транспорта. Мчались «Волги» и «Жигули», «Москвичи» и «Запорожцы». Проносились мотоциклы «Иж» с колясками и гоночными пелетонами, шли караваны «Яв». Неторопливо поглощали километры мопеды и даже инвалидные коляски. На обычно тихих и спокойных обских пристанях в такое время происходило что-то несусветное: «Метеоры», «Ракеты» и «Восходы» каждый час подвозили толпы людей с рюкзаками, палатками и другим походным снаряжением. Рейсовые автобусы были набиты битком.

Все, вместе взятое, это означало, что для горожанина наступила долгожданная и самая любимая в Сибири пора — время сбора кедровых орехов.

Кедры плодоносят по-настоящему не каждый год. Медленно, столетиями растущие на таежных болотах сибирские великаны прихотливы и капризны. Если под зиму образуются на их ветвях хорошие, тучные завязи будущих шишек, то это еще вовсе не означает, что следующей осенью обязательно будет богатый урожай орехов. Нужен добрый весенний дождь, который смыл бы с завязей обильную смолу,— вот тогда шишка начнет развиваться. А не будет сильного дождя, плотно запеленатая в липкую смолу маленькая шишечка засохнет, погибнет.

О том, каким ожидается урожай кедровых орехов, люди интересуются загодя, специально ездят в тайгу, чтобы выяснить обстановку. И если ждут обильных шишек, порой даже ежегодные отпуска приурочивают именно к ореховому сезону. Некоторые объединяются в бригады по пять-шесть человек, заключают договора с потребкооперацией и недели на три уходят в тайгу — в известные лишь им заповедные места. Бьют шишку, в специальном грохоте-барабане тут же лущат ее, а потом к ним прилетает вертолет и забирает мешки с орехами. В удачные годы до тысячи рублей зарабатывают профессиональные шишкобои.

Однако подавляющее большинство сибиряков заготавливают орехи для себя — это их любимое лакомство, деликатес. В первое время, когда орехи только-только пошли, их щелкают везде и всюду: на улице, в кино, дома, на работе. Потом страсти немного утихают, но у запасливых людей шишек хватает до нового года, а то и до весны.

Но взять кедровую шишку нелегко. Раньше многие пользовались старым дедовским способом. Насаживали тяжелую колоду на крепкую толстую рукоятку примерно двухметровой длины и делали как бы гигантский молоток, который назывался колотом. Ставили его рукояткой вниз около дерева и, поддавая плечом, принимались размеренно колотить колодой по стволу. Великан-кедр сотрясало, и шишки падали наземь. Однако этот способ наносит большие повреждения древесной коре, и сейчас он категорически запрещен, поскольку кедрачи взяты под охрану.

А потому остается лишь один весьма трудоемкий метод, требующий немалой ловкости: взбираться на крону и трясти изо всех сил каждую ветку в отдельности.

Впрочем, и тут сейчас введены очень справедливые ограничения. Кедровые орехи нельзя собирать, словно грибы,— вольготно, в любых количествах. Каждому, кто желает отправиться в кедровник, выписывают соответствующую путевку, разрешающую налущить пятьдесят килограммов орехов — такова норма на одного человека. Она позволяет регулировать сбор кедрового урожая, ставя заслон перед хищнической заготовкой для рыночной продажи, и дает возможность запастись орехами практически всем жителям.

Всем городским жителям.

Потому что большинству селян в это время не до орехов — наступает жатва.

Владимир Вторушин всегда с завистью смотрел на легионы горожан, прибывавших в Альнешовскую тайгу за орехами, при виде их ему становилось тоскливо. Хотя, конечно, как и все обитатели Сухого Лога, он без шишек на зиму не оставался. Хорошо зная здешние места, люди на часок-другой все-таки вырывались к заранее примеченным отдельным кедрам, сплошь облепленным шишками. Делали это в дождливую погоду, когда

на полях вынужденно останавливалась уборка и появлялось свободное время.

Или дожидались сильного ветра, который всегда сопровождается шишкопадом.

Если по тайге проходил ветер, туда сразу же устремлялись из поселка и стар и млад — деды, бабки, ребятишки, которым не под силу было доставать орех с дерева, но которые с легкостью могли собирать шишку, сбитую наземь. Делать это надо было немедленно, в тот же день, потому что к утру под деревьями вместо шишек оставалась одна чешуя: это работали запасливые юркие, полосатые и щекастые свистуны-бурундуки — хвост трубой! Они сперва прятали орехи за щеку, набивая ими полный рот, а потом уносили в свои норы.

Но так или иначе, а в каждом сельском доме, конечно же, имелся запас шишек. И после окончания уборочной страды приступали к их обработке.

О, это целое таинство! Сырой орех не может храниться долго — плесневеет. И его прокаливали на огне. Различных способов знали много. Например, рыли в земле небольшое углубление, разводили в нем костер, а сверху клали мелкую сетку и бросали на нее лущеные орехи, постоянно перемешивая их лопатой.

Но Владимир Вторушин поступал иначе. Он основательно истапливал русскую печь, затем аккуратно и дочиста выгребал из топки угли, а вместо них заталкивал шишки и плотно закрывал заслонку. Жар в печи был очень сильный — орех аж трещал. Но загореться не мог — углей-то нет, только горячие кирпичи. К утру шишки были готовы, Владимир насыпал их в мешок и подвешивал его на чердаке своего дома, цепляя веревку за конек крыши. Такая хорошо просушенная шишка с каленым орехом могла сохраняться в течение пяти лет, и ни одна мышь не в силах была подобраться к висящему мешку.

Но все это потом, потом — после жатвы!

А жатва уже полностью вступила в свои права. Погода стояла как на заказ — двадцать градусов тепла, безоблачно. И люди отчаянно спешили взять в эти погожие деньки как можно больше хлеба.

Управляющий сухологовским отделением совхоза Владимир

Вторушин целыми днями мотался по разбросанным среди тайги полям на грузовой «техничке» — разумеется, сам за рулем. Вообще говоря, на этой машине обычно ездил его брат Александр — мастер-наладчик. Но поскольку каждый человек теперь был на учете, Александра решили пересадить на комбайн. А управляющий принялся, как говорится, убивать сразу двух зайцев. В «техничке» оборудовано пять емкостей для различных видов машинного масла, для воды. И Вторушин, используя ее для поездок, заодно снабжал механизаторов, трудившихся на комбайнах, смазочными материалами, водой для радиаторов.

На полях работали с азартом. Если позволяла погода, подбирали валки до десяти, даже до одиннадцати часов вечера—лимитировала не длина светового дня, а выпадавшая к вечеру роса. По влажным хлебам комбайны не шли, колосья сразу наматывались на приемный шнек, который все запросто называли бревном. По этой же причине нельзя было начинать уборку рано утром. Это была особенность лесных мест, где ветер слабо продувает поля: роса лежала здесь иногда до полудня. Все с завистью вспоминали про уборку силоса — вот где можно приступать хоть в семь, хоть в шесть утра, там роса не страшна — знай себе жми!

А с хлебом все намного сложнее. То роса, то дождичек брызнет — и все это помехи. Один раз целый день пришлось простоять без дела, начали только в шесть вечера. И конечно, работали, что называется, до упора, пока снова не помешала роса.

И все-таки зерно шло прекрасно! Хлебная масса была настолько густой, что даже при уборке напрямую бункер наполнялся за двадцать пять минут — засекали. А в бункере, считай, полторы тонны. Если же по валкам, то комбайны обмолачивали еще быстрее — набирали бункер за пятнадцать минут, некоторые и за десять. Такого в Сухом Логе никогда не видывали. Люди даже слегка ошалели от небывало богатого урожая, механизаторы забывали про обед, шофера, отвозившие зерно на ток осторожно, чтобы не расплескать на ухабах, обратно к комбайнам, порожняком, гнали с сумасшедшей скоростью, пренебрегая дорожными рытвинами.

По предварительным прикидкам средняя урожайность по сухологовскому отделению составляла двадцать шесть центнеров с гектара, а на отдельных полях достигала даже сорока центнеров!

Особенно удались овсы. Новый сорт местной селекции, символически названный «Таежником», не только дал высокую урожайность, но и показал себя очень стойким против полегания. Сильные летние ветры, врываясь на лесные поляны и ища из них выхода, завихрялись, бешено метались, стесненные тайгой. Сделали свое дело и частые проливные дожди. В результате стихия во многих местах не только положила хлеб, но и перекрутила, спутала колосья, повалила их беспорядочно, смяла,— казалось, будто по ниве промчалось огромное стадо каких-то диких животных, оставив после себя жуткий хаос, даже смотреть на такие поля было неприятно, до слез обидно. Ведь «нормально», в одну сторону полеглые хлеба можно поднять специальными приспособлениями, облегчающими косовицу. А вот перепутанные, перекрученные колосья...

Зато на овсах сердца людей радовались: «Таежник» выстоял против ветров почти ураганной силы.

Комбайнеры, получив приказ укладывать колосья в валки, выискивали на таежных нивах участки пожелтее и вмиг скашивали их. Зелень на опушках оставляли — глядишь, к концу уборки и она поспеет. Это была работа на совесть.

Кроме того, раздельная уборка позволяла получать семена чище и лучше. Например, при прямом комбайнировании тяжелые зерна недозревшего овса неизбежно попадали в семенной фонд: отделить их было трудно. А подсохнув в валках, они становились легче и отсеивались на первой же сортировке: спелое-то зерно, в отличие от зеленого, при сушке веса не теряет, на то оно и спелое.

И семена шли великолепные, классные, в неожиданно больших количествах по сравнению с прошлыми сезонами. Поэтому хозяйство начало по своей инициативе продавать их государству, хотя обычно этого не делало — плана-то по зерну мясомолочному совхозу не спускали.

Возникла даже совершенно неожиданная для Чаинского

района проблема. Хлебоприемный пункт в Подгорном по выходным дням, как правило, не работал, поскольку в обычные годы необходимости в этом не было. Но на сей раз, когда в Коломинских Гривах на полную мощность раскрутился маховик уборочного конвейера и зерно пошло мощным потоком, создалась нелепая ситуация. Не ведая субботы и воскресенья, отделения одну за одной гнали в райцентр тяжело груженные машины с зерном. Но, к полнейшей неожиданности спешивших в обратные рейсы шоферов, в первую же страдную субботу обнаружили, что склады под замками.

Возмущению не было предела. Вопрос немедленно решили в райкоме партии, и заготовители тут же перешли на непрерывный график работы.

На бункерах некоторых комбайнов уже начали появляться пятиконечные звезды. Такую звезду рисовали в том случае, если механизатор в период жатвы намолачивал по тысяче центнеров зерна. Прошлогодний рекорд по совхозу принадлежал двадцатишестилетнему Владимиру Парамошкину — технику-радисту васильевского отделения, который сумел взять 5100 центнеров, удостоившись пяти звезд. Однако новая жатва обещала превзойти это достижение — только началась, а у многих комбайнеров был уже приличный намолот.

В Сухом Логе две звезды нарисовали Виктору Вторушину. Он работал под Пасечной горой, как раз в том месте, где когда-то в детстве братья Вторушины зимой катались на лотках. Здесь стояла сильная озимая рожь, ветры пощадили ее, и урожай собрали сполна.

Однако самым многозвездным был в этом отряде комбайн Валерия Мекшеева.

Парня все называли — «орденоносец».

Мекшеев совсем недавно вернулся с воинской службы и работал на комбайне лишь первый сезон. Машину ему дали хотя и полностью исправную, но, как говорится, не первой молодости — она уже выдержала несколько уборочных кампаний. В предыдущем году на ней жал и молотил сам Анатолий Григорьевич Постоев, совхозный инженер по сельхозмашинам. Уж он-то содержал свой комбайн в идеальном порядке, причем сумел взять на нем ровно пять тысяч центнеров. Но прошлогодние

звезды смыть забыли, и Валера Мекшеев числился в отряде главным героем — как же, уже рекордный намолот есть!

Но «орденоносцем» его окрестили по другой причине — в Сухом Логе всех молодых комбайнеров в шутку называли именно так. Дело в том, что в одном из южных районов Томской области — Кожевниковском, который считали главной здешней житницей, трудился знаменитый комбайнер Ходаренко, награжденный многими орденами и медалями. И новичков в шутку, но подбадривающе называли «орденоносец Ходаренко».

Шофера, опорожнявшие бункер, кричали им: «Во, Ходаренко жмет! Давай, давай, трудись, орденоносец!»

Парни рдели, словно красны девицы, от незаслуженных комплиментов и еще старательнее работали штурвалами комбайнов.

Отряд, куда входили Александр и Виктор Вторушины, заодно мимоходом смахнул и небольшое семигектарное гречишное поле. По предварительным подсчетам урожайность там получилась не слишком высокая, однако вполне приличная для этой культуры — по семь центнеров с гектара в бункерном весе. Конечно, зерно еще провеется на току, будут и отходы. Но было ясно, что уж четыре-то тонны с лишним наверняка выйдет. А на посев потратили четыреста с хвостиком килограммов — значит, приварок десятикратный!

Когда убирали гречишное поле, к Пасечной горе как раз подъехал директор Палосон. Посмотрел внимательно, потом пошутил: «Я думал, вы тут серьезным делом занимаетесь, а вы, оказывается, кашу убираете...»

Гречиху, посеянную на свой страх и риск, сухологовское отделение не только не сдавало заготовителям, но даже не отчитывалось за нее перед дирекцией совхоза. Это был как бы премиальный фонд за проявленную инициативу, и Владимир Вторушин решил распорядиться им по-хозяйски. Разумеется, часть зерна оставили на семена под урожай будущего года. А остальное управляющий рассчитывал выменять на гранулы концентратов для скота. Наверняка другие отделения, вдохновленные успехами Сухого Лога, тоже захотят в следующем сезоне посеять гречиху. А где достать семян? Вторушин и скажет: вот, пожалуйста, берите у меня, только в обмен дайте

соответствующее количество концентрированных кормов для моих бычков. Как говорится, я — тебе, ты — мне, ради общего совхозного блага.

Страда шла полным ходом. Со стороны могло показаться, что на жатве здесь вообще не существует проблем: уборочный конвейер работал мощно, в четком ритме, без сбоев и чрезвычайных происшествий. А между тем если бы приехал в Коломинские Гривы какой-нибудь целинный хлебороб, привыкший к километровым гонам, его бы оторопь взяла: как люди работают, как умудряются крутиться на малюсеньких таежных полях, вдобавок изрезанных бесконечными косогорами? Ведь на этих странных, волнообразных и крутых гривах ненароком можно и опрокинуть комбайн.

Работать здесь действительно было нелегко: требовалась особая сноровка, которую вырабатывали годами. Однако опыт, приходивший со временем, позволял комбайнерам и шоферам абсолютно не обращать на гривы внимания, ездить по ним, словно по асфальту, как будто других полей просто-напросто не бывает. С косогорами свыклись, не считали их за трудности.

Но когда по телевизору показывали необъятные целинные просторы и рассказывали о передовиках жатвы, все коломинско-гривские комбайнеры обязательно усмехались и говорили: «Мы тут у себя на косогорах не отстаем, а выпустили бы нас в чистое поле, уж мы там бы класс показали!»

И в этих словах была немалая доля истины.

К волнообразным гривам так привыкли, что в совхозе не могли упомнить случая, чтобы перевернулся хотя бы один комбайн. По кривым полям двигались словно по морским просторам — поперек волны, а не вдоль нее: известно, если лодка подставит сильной волне свой борт, то перевернется, а если будет резать ее носом, останется на плаву. Так же поступали и комбайнеры, шофера. Они не искали пологих путей вверх, не лезли на гриву наискосок, а шли на нее прямо в лоб, и это уберегало от опрокидываний.

Хотя, безусловно, требовало от водителей особой сноровки. Например, во время посевной, когда почва была рыхлой, слабой, грузовики с семенами порой просто не могли одолеть крутые косогоры, буксовали. В этих случаях коломинскогривские

шофера поступали просто: разворачивались и подъезжали к сеялкам на самой мощной задней передаче.

За многие годы в Сухом Логе перевернулась только одна машина, да и то за рулем сидел приезжий шофер — из города. Он отвозил с полей кукурузный силос, нарастил борта, чтобы вместилось побольше, да еще нагрузился с верхом. И поехал не поперек косогора, как ему советовали местные водители, а вдоль. На какой-то кочке грузовик слегка качнуло, центр тяжести сильно сместился, и машина мягко упала на бок. Ничего, подняли, успокоили растерявшегося водителя, а он после того случая сразу освоил новую науку вождения по бесчисленным коломинскогривским пригоркам.

Гораздо большую опасность во время уборки представляли препятствия невидимые — ведь весной поляны опахивали вплотную к деревьям и кустам, а нередко и к обрывистым сухим логам. И когда косили на силос кукурузу или подсолнух, их высокие заросли не позволяли загодя разглядеть край поля, за которым начиналась крутизна. Вот тут надо было держать ухо востро и нужен был глаз-ватерпас, чтобы невзначай не кувырнуться куда-то вниз.

А маховик жатвы раскручивался все сильней и сильней. По-прежнему стояла хорошая погода, и к вечеру люди покидали поля нехотя. Жены сердились и негодовали, потому что мужья забросили все домашние дела,— ведь уже подошло время копать на огородах картошку. Дед Вторушин превратился в «мирового судью»: все четыре снохи чуть ли не ревели, опасаясь, что картошка пропадет, а сыновья возвращались с жатвы затемно. Вот и приходилось мирить, успокаивать. Кончилось дело тем, что бабка запрягла лошадь и поехала понемножку помогать невесткам, хотя копать картошку, конечно, не бабье дело.

«Хорошо хоть с сеном вовремя управились»,— думал Валерий Петрович. Почти все его дети держали коров, и им выделяли наделы для заготовки сена. На покосы они отправлялись каждый в отдельности и копнили тоже порознь. А вот скирдовать собирались вместе, да еще с зятем Владимиром Килиным. Пять парней плюс опытный дед — это сила! За день успевали метать по три скирдушки. Валили на лесной опушке

небольшую березку — или две-три маленьких — и начинали накладывать хорошо просушенное сено на ее крону. На самом верху скирдоправом обычно стоял Владимир, умевший особенно хорошо утаптывать и завершать стога. Ведь если сделать просто блин, его промочит дождем. Скирду надо прикрыть сеном, словно избу крышей, чтобы вода по ней стекала, а не просачивалась внутрь. А береза нужна вот для чего: когда приходит время перевозить корма к хлевам, трактор просто цепляет тросом за комель дерева, и большая скирда, совсем не лохматясь, не теряя по пути сено, преспокойненько, гладко едет на ветвях кроны хоть по снегу, хоть по земле.

«Да, с сеном-то быстро разделались,— частенько продолжал свои размышления дед Вторушин.— Вот бы и с картошкой так же, сообща». Однако по опыту прошлых лет знал, что это лишь благие мечты. Огороды, как правило, оставляли на потом, убирали свою картошку в самую последнюю очередь, после завершения жатвы.

Во время таких массовых полевых кампаний, как посевная или уборочная, механизаторы особенно глубоко ощущали умиротворяющую, придающую уверенность, спокойствие и силы радость напряженного труда. Когда из-за долгой росы или небольшого дождичка возникали перерывы в работе, парни разводили огонь, бросали в него кедровые шишки, потом, валяя их в ладонях, словно печеную, горячую картошку, грызли каленые орехи и неторопливо, степенно, достойно, как какие-нибудь восточные аксакалы, говорили о жизни, о делах. О том, что шишка в нынешнем году уродилась крупная и зимняя охота, по всему видать, будет богатая. О планах перестроить свой дом или поехать куда-нибудь отдохнуть. Обсуждали и совхозные проблемы, кого-то из начальства скупо похваливали, других незлобно поругивали.

А потом снова шли к своим комбайнам и опять азартно принимались за дело.

Но иногда бывали случаи, когда азарт перерастал в ажиотаж. И тут уж управляющий отделением был начеку.

Владимир Вторушин сам много лет работал на комбайне, прекрасно знал всю специфику зерновой жатвы, на глаз определял скорость уборки и качество обмолота. Он очень любил

комбайны и порой минут на двадцать даже выгонял из-за штурвала Александра или Виктора, по-мальчишески говорил: «Дай я прокачусь!» Садился на их место и снова ощущал то непередаваемое удовлетворение, которое возникало в нем, когда он видел, как в бункер сильной, нескончаемой струей — толщиной в руку! — льется поток обмолоченного янтарного зерна.

И, непрерывно объезжая поля на своей «техничке», Вторушин сразу замечал тех, кто чрезмерно торопился, желая поскорее набить бункер. Полеглые хлеба надо было убирать на пониженных скоростях, чтобы свести к минимуму потери. А если гнать на второй повышенной скорости, то немало зерна останется на скошенной ниве.

Особенно досаждал управляющему Михаил Самарин, любивший, как говорится, снимать с полей сливки, и Вторушин регулярно за ним приглядывал, объяснял: «Миша, да пойми ты, не нужны мне твои гектары, понял? Нам зерно нужно, а ты за гектарами гонишься.— И в ответ на оправдания говорил: — Вот чудак, если бы я сам на комбайне не работал, ты мог бы мне мозги запудрить. Но я же вижу. Дай-ка сяду за штурвал...»

Садился сам, шел на пониженной скорости и показывал Самарину две соседние полосы: его и свою. Мишин брак сразу становился явным: на самаринской полоске оставалось больше неубранных зерен, попадались даже плохо обмолоченные колоски. А на вторушинской было почти чисто.

Валерий Петрович радовался тому, что старший сын с каждым годом, несмотря на молодость, становится настоящим руководителем сухологовского отделения. Его дед, Федор Андреевич Вторушин, славившийся на всю округу своим бондарным мастерством, был организатором и первым председателем колхоза в Максимовке, неподалеку от Коломинских Грив. Свой большой дом, в котором жили двенадцать детей, столько же внуков и еще невестки, Федор Андреевич после коллективизации разобрал, перевез с хутора в поселок и отдал под сельскую школу. Именно в этой начальной школе и заканчивал четыре класса Валерий Петрович — в своем родном доме.

Так уж распорядилась судьба, что ни его отцу, ни ему

самому из-за войны не удалось по-настоящему проявить себя. И вот сын Владимир пошел по стопам прадеда. Значит, есть все-таки в их роду какая-то организаторская жилка.

Невольно вовлеченный в общий, почти не утихавший трудовой ритм жатвы, Валерий Петрович даже меньше стал думать о непрошеном таежном госте, который угрожал его пасеке. Две собаки, посаженные им на цепь у пасечной избушки,— маленькая голосистая шавка и басистый кобель-дворняга — между тем «звонили» почти не переставая, и их лай несколько отпугивал медведя. Однако до бесконечности такое положение, конечно, продолжаться не могло. На пасеке наступала пора осенних приготовлений: нужно было засыпать пчелам сахар для зимней подкормки, дополнительно утеплить омшаник и сами улья.

Вдобавок прогноз ориентировал на то, что с двадцатых чисел сентября начнутся дожди. И жатва — жатвой, а у пасечника были свои служебные обязанности, которым мог помешать пристрастившийся к лакомству медведь.

Конечно, налетевшая непогода резко снизила темпы уборки. Однако настроения особенно не испортила. Во-первых, зерна уже было заготовлено небывало много. А во-вторых, дождей ждали и своевременно прекратили раздельную уборку. Это означало, что хлеб не погиб, его можно было потихоньку убирать напрямую. И вообще от сознания того, что все сделано правильно, безошибочно, что принятые решения оказались верными и позволили использовать максимум возможностей, предоставленных природой, люди чувствовали себя именинниками.

Владимир Вторушин снова начал уделять больше внимания животноводству: по утрам отправлялся уже не в поля, а в телятники. Пора было всерьез думать о переходе на бригадный подряд, готовиться к предстоящей зимовке скота. Да и вообще, такая отрасль, как мясное животноводство, можно сказать, целиком соткана из решения самых разнообразных текущих и перспективных вопросов — начиная с приготовления кормов и кончая регулярной профилактикой всей технической

оснастки на фермах. А эта проблема уже прямо упирается в стыковку с «Сельхозтехникой» и тянет за собой целый шлейф новых дел, забот, треволнений.

Иногда, как говорится, не дорабатывала и ветеринарная служба: хотя изредка, но случались отдельные случаи падежа — как правило, с бычками месячного возраста, еще не окрепшими. Например, в сентябре сдох один теленок, причем так и не удалось точно установить причину его гибели: совершенно ясно было лишь то, что болезнь не заразная. Возможно, просто сказалась плохая наследственность: аппетит у него был никудышный, и он постепенно угас.

Дохлого теленка хотели, как это принято, выбросить в специальный могильник для падали. Но в последнюю минуту у Владимира Вторушина вдруг мелькнула странная мысль: а не подбросить ли его медведю?

И как ни странно, именно этот павший теленок решил медвежью судьбу.

Вторушины бросили его в неглубоком таежном ложке метрах в двухстах от пасеки, со всех сторон завалили валежником и оставили среди колючих сухих ветвей узкий лаз, а сверху опустили в него удавку из стального троса, крепко привязав его к соседней сосне. Падаль уже начала разлагаться, от нее исходил сильный запах, бродивший вокруг пасеки медведь не мог миновать ее.

И на сей раз люди не ошиблись: к утру дело было сделано.

Когда возбужденный Валерий Петрович Вторушин, непревычно сильно нахлестывая Зорьку, прикатил на телеге в Сухой Лог, управляющий отделением, увидевший его из окна конторы, не дожидаясь объяснений, сразу понял, что медведь попался. Вместе с братьями Владимир отправился в тайгу, и вечером с немалыми трудами выволокли медвежью тушу к пасеке.

Зверь оказался не слишком громадным, но все-таки больше средних размеров, значительно выше человеческого роста: когда Владимир лег рядом с ним на траву, вытянул руки и ноги, то едва дотянулся кончиками пальцев до звериной морды.

Дед Валерий Петрович Вторушин чувствовал себя главным героем дня. Он снова уселся в телегу и опять погнал в село.

А примерно через полчаса на Пасечную гору, тарахтя и «кашляя» вполз старенький автобус, битком набитый сухологовскими бабками и дедами, ребятишками всех возрастов. Пасечник чуть ли не пританцовывал вокруг медведя, не переставая объяснял:

— Видели! Вот это зверюга! Он мне тут чуть все ульи не разворотил. Выхожу как-то на пруд, смотрю, а он — на той стороне... Я в него палкой, кыш, говорю, пошел вон... Ух, зверюга! Попался, попался...

Народ изумленно ахал, охал, дивился дедовой отваге, и авторитет Вторушина Валерия Петровича еще больше возрос. Конечно, только пасечник мог сладить с таким опасным и крупным зверем.

Но в этот радостный и торжественный для Вторушина момент толпу вдруг растолкал какой-то невысокий худощавый человек. Он смело подошел к медвежьей туше, нагнулся над ней, опытной рукой откинул морду, внимательно осмотрел зверя. Зрители разом притихли: это был охотинспектор Кузьмин, он иногда бывал в Сухом Логе, как и в других селах Чаинского района, поэтому его знали в лицо.

По какой странной, непостижимой случайности он наведался в Сухой Лог именно в тот день, никто объяснить не мог, это была какая-то немыслимая, дьявольская загадка. Но факт оставался фактом: охотинспектор Кузьмин стоял над тушей мертвого медведя, и толпа настороженно замерла в ожидании дальнейших событий.

А Кузьмин не торопился. Он молча продолжал осматривать медведя, как опытный актер, выдерживая долгую паузу. И когда, наконец, у Валерия Петровича Вторушина от напряженного ожидания пот выступил на лбу, повернулся к нему и спросил:

— А лицензия на отстрел зверя есть?

— Какая лицензия! — взорвался пасечник.— Да этот зверюга у меня чуть все ульи не поломал, еле-еле от него избавились, все лето мучил.

— Насчет ульев — это меня не касается,— спокойно, прокурорским тоном ответил охотинспектор.— Я спрашиваю, лицензия есть?

— Нам директор совхоза Палосон разрешил,— заверещал, отбиваясь, Вторушин.

— Палосон мне не указ, мы люди государственные, не совхозные,— все так же спокойно и методично продолжал напирать охотинспектор.— Так лицензия есть или нет?.. Значит, нет? Ну что ж, придется платить штраф.

Дед Вторушин аж подпрыгнул на месте:

— Какой штраф! Да он тут столько убытков нанес, и так не расхлебать. А если бы всю пасеку изничтожил? Да ты знаешь ли, сколько она стоит? Многие тысячи, понял? Одна пчелиная семья по сто рублей идет, а тут сто ульев. А оборудование? А омшаник? Да ты знаешь, сколько мы совхозу денег сэкономили?

Но Кузьмин словно и не слышал вторушинских слов. Он повернулся к нему и, загибая пальцы, начал говорить:

— Значит, охота на медведя без лицензии — это раз. Использование запрещенных способов лова — это два... Что ж, составим акт о правонарушении.

И, на ходу вынимая из своей походной сумки какие-то бумаги, направился к пасечной избушке.

Толпа тихо, без единого слова начала рассасываться. Суховские деды и бабки испуганно, быстренько стали взбираться на высокие подножки автобуса, словно за присутствие при убитом незаконно медведе на них тоже могли составить акт.

А Валерий Петрович Вторушин, с которого разом слетел весь геройский лоск, обреченно поплелся к своей избушке вслед за охотинспектором Кузьминым.

Через несколько дней в коломинскогривский совхоз пришло постановление административной комиссии райисполкома, по которому с Валерия Петровича Вторушина за безлицензионную и незаконную охоту на медведя взыскивалось шестьсот восемьдесят два рубля.

Шестьсот тридцать два рубля выплатил совхоз. Но пятьдесят рублей все же выпало на долю деда-пасечника.

Зато потом он с гордостью повесил медвежью шкуру в своей пасечной избушке, и она напоминала ему о трудной схватке с опасным таежным зверем, которую он все-таки выиграл.

ВЫСОКИЙ ПАВОДОК

Из армии Саня Воскобойников возвращался в приподнятом, но в то же время несколько тревожном настроении.

В самолете его соседом оказался плотный, солидный мужчина средних лет с пышной, начинающей седеть шевелюрой. Он с трудом втиснулся в свое кресло «12-б», опытным взглядом окинул Саню, примостившегося у иллюминатора, и сразу спросил:

— Ну что, сынок, домой летишь? Все, кончилась служба?

— Домой,— кивнул Воскобойников.— Кончилась.

— Эх, счастливые у тебя грядут денечки! — весело и понимающе воскликнул сосед.— Сын из армии вернулся! Радость-то какая! Родители заждались,— подмигнув, добавил: — И наверное, не только родители...

Саня опять согласно кивнул, промычал что-то невразумительное и отвернулся к иллюминатору, чтобы прервать этот беспечный разговор. Он поначалу даже разозлился на «па-

пашу» из кресла «12-б» за непрошеную попытку вторгнуться в его, Воскобойникова, личную жизнь, однако тут же подумал: да ведь этот случайный попутчик совершенно прав! Какие еще чувства, кроме радостного ожидания встречи с родным домом, может испытывать демобилизованный солдат? Все верно: грядут счастливые денечки.

Позади целый этап жизни. Непростой и не очень легкий, но обязательный. Прошел этот этап нормально, без каких-то особых взлетов, без подвигов, но зато и без нареканий. Служил Воскобойников исправно, долг солдатский выполнял честно и вот теперь с чистой совестью возвращался домой, в родную Петровку.

Радуйся, пляши! Верно говорит «папаша», за что же на него обижаться?

Но приподнятость настроения, предвкушение приятных встреч, тот звучащий еще в ушах и вызывавший невольную улыбку солдатский юмор, каким вчера — да, да, только вчера! — провожали Воскобойникова товарищи по службе — все это было лишь внешним, поверхностным слоем его душевного состояния. Он испытывал странные и противоречивые чувства: предстоящая радость возвращения как бы принадлежала уже вчерашнему дню, она была наградой за прошлые заслуги и ничего не гарантировала на завтра. Поэтому где-то внутри, в глубине сознания, подспудно, но неотступно тревожной морзянкой выбивало свои позывные смутное беспокойство.

Беспокойство за будущее.

Это было для него совершенно новым, неизведанным чувством.

В школе, не выучив урок, он волновался, вызовет его учитель к доске или не вызовет. Он привык тревожиться за исход полугодия, за то, какие оценки ему выведут по итогам года Наконец, он откровенно боялся выпускных экзаменов. И даже после окончания школы, когда все кругом только и говорили, что теперь наступает настоящая, самостоятельная жизнь, Саня Воскобойников не испытал каких-то разительных перемен в своем душевном самочувствии. Он не раздумывая пошел трудиться в колхоз, потому что это была работа временная, всего на год — до армии.

Отработал и ушел служить. Все это было предрешено заранее, от самого Сани совершенно ничего не зависело, а потому никакая тревожная морзянка в его душе не звучала.

И в армии Воскобойников тоже не ощущал ни малейшего беспокойства за свою судьбу. Служба шла размеренно, предначертанно, и волнения, как в школе, возникали только тогда, когда проводились учебные ракетные стрельбы: тоже экзамен!

Короче говоря, все те тревоги и душевные смятения, какие приходилось Воскобойникову переживать в прошлом, никак не походили на беспокойство по поводу своего будущего.

Но именно это беспокойство, как очень быстро понял Саня, было самым неприятным и неудобным. Такое беспокойство требовало принятия каких-то очень ответственных, вот уж по-настоящему самостоятельных решений и способно было даже отчасти поубавить радость возвращения домой.

Впервые Воскобойников начал основательно, всерьез задумываться о смысле собственной жизни несколько месяцев назад, когда в его воинской части начали готовить солдат к очередной демобилизации. Командир взвода и замполит спрашивали о планах на будущее, сами предлагали различные варианты на гражданке. Можно было, например, отправиться на какую-нибудь ударную комсомольскую стройку — в Сибирь или на Урал, в Среднюю Азию. Можно было уехать в столицу и служить в московской милиции: туда как раз набирали демобилизованных солдат — взамен милиционеров, уволившихся в запас по выслуге лет.

Но ни один из этих вариантов Воскобойникова не привлекал.

— Решил вернуться в свое село,— дал он окончательный ответ замполиту старшему лейтенанту Водолажскому.

— Что ж, молодец! — похвалил замполит.— Селу нашему сейчас очень нужны крепкие, работящие парни. Будешь претворять в жизнь Продовольственную программу. Почетно!

Воскобойников поблагодарил за похвалу, однако в душе его особой радости не возникло. Ведь он не был искренним и поведал замполиту не все, что думал. На самом-то деле Саня должен был бы сказать следующее: «Решил вернуться в свое село, а там видно будет...»

И это «там видно будет» в корне меняло дело, свидетель-

ствовало о том, что Саня Воскобойников в очередной раз отодвинул на более поздний срок принятие самостоятельного решения о выборе профессии, более того — судьбы.

С того момента в глубине его сознания и поселилась смутная тревога, которая не позволяла всем сердцем радоваться возвращению в родную Петровку. И по мере того, как он приближался к знакомым с детства вологодским краям, перед ним все чаще и чаще начинал вставать этот мучительный вопрос. «А что дальше?»

Если от Вологды плыть вниз по реке Сухоне, то первой крупной пристанью будет Тотьма — городок небольшой, но древний, со славной историей, вписанной в русские летописи.

Именно по Сухоне когда-то пожаловал в Тотьму Петр Первый, и это путешествие от Вологды, как гласят предания, отняло у царя свыше недели, потому что путь был не близким. Тотьма, расположенная среди нескончаемых северных лесов и болот, спряталась за ними, словно за неприступными стенами. Край монастырей и схимников, она издревле славилась своими лесными богатствами, но была бедна пашнями и лугами. Монастырские крестьяне с превеликим трудом отвоевывали у болотистых колков и кустарников пахотную землю, изводили деревья па́лами, потом корчевали коренья и на этих клочковатых угодьях сеяли хлеб. Однако проходило несколько лет, пашня начинала зарастать, убывать, и снова приходилось крестьянам с тяжкими трудами расчищать ее.

Так из века в век длилась упорная борьба между человеком и наступавшим на пахотные земли кустарником. Борьба, шедшая с переменным успехом: в спокойные, мирные годы люди успевали расширить площадь обрабатываемых угодий, а наступало лихолетье с войнами, смутами, чумными морами — и пашня быстро сужалась.

Далекая, труднодоступная Тотьма, казалось, оправдывала свое древнее название. Ведь поговаривают, будто кто-то сказал про нее: «О! Там леса дремучие, болота зыбучие, то — тьма!»

Правда, был в здешних местах один неожиданный источник дохода: солеварение. Люди рыли очень глубокие колодцы-

скважины и бадьями доставали оттуда соленую воду, потом выпаривали ее — в общем, варили соль. Летопись утверждает, что Петр Первый тоже одну бадью поднял и потребовал ему за это заплатить.

Сейчас от Вологды до Тотьмы пролегла более чем двухсоткилометровая лента асфальтового шоссе, которое сократило время поездки всего лишь до трех часов. Впрочем, истинные вологжане по-прежнему меряют это расстояние не километрами, а волоками. Говорят: пять волоков до Тотьмы — пять больших конных перегонов, на каждый из которых в былые бездорожные времена уходило ровно по световому дню.

На последнем волоке почтовые тройки, не останавливаясь, пролетали мимо небольшой, ничем не приметной Петровки, прижавшейся к берегу неширокой речушки Царевы, которая впадала в Сухону. Деревня как деревня, все те же двухэтажные вологодские рубленые дома: на первом этаже окон мало и они очень маленькие, на втором окон побольше, они пошире, посветлее. Такую архитектуру северянам завещали далекие предки: зимой люди жили на первом этаже, старались получше сохранить тепло в доме, а летом перебирались в светлицу, в горницу — на второй этаж, распахивали настежь широкие окна.

Воскобойников вырос именно в таком доме — с большим подворьем и вместительным сеновалом, которые были построены под одной крышей с жилыми комнатами, чтобы студеными зимами можно было задать корм скотине, не выходя на мороз. Родители всегда держали корову, и Саня был с детства приучен ухаживать за ней. Доить — не доил, в семье это считалось делом женским. Однако регулярно выгребал навоз, чистил Ночку скребком, подбрасывал сена.

Хорошо знал он и огородную работу, особенно картофельную, где требовалась мужская сила. Да и вообще Воскобойников с полным основанием считал себя типичным сельским жителем, который умеет делать абсолютно все, что требуется по хозяйству.

Только вот не привлекала его перспектива, подобно родителям, всю жизнь хлопотать в Петровке, практически не выезжая за ее пределы, и довольствоваться изучением мира с

помощью телевизионного Клуба путешественников. Хотелось Сане масштаба, движения, и все бы хорошо — помчался бы куда-нибудь! — если бы не понимал он умом и сердцем, что нигде, кроме родных мест, счастлив он не будет. Поэтому и вернулся сюда, не подался ни в Сибирь, ни в столицу, что скучал и тосковал по неброским вологодским краям — во сне видел морошку, клюкву, которую в Петровке называли не иначе как северным виноградом. А при воспоминании о богатейшей рыбалке, о непревзойденной, хотя и редкой удаче присухонского рыбака,— нельме непроизвольно даже слюну сглатывал.

И как совместить эти две любви — к родному краю и к масштабу, к движению,— Саня Воскобойников не знал. Именно это незнание и скрывалось за туманной недоговоренной фразой «А там видно будет...».

Но мелькали дни, они складывались в недели, а Воскобойникову по-прежнему ничего не было видно. Саня достаточно твердо знал, чего он не хочет, однако его мысли и слова сразу же становились расплывчатыми, неопределенными, как только речь заходила о том, что же ему все-таки по душе.

Воскобойников маялся.

Высокий, сильный, умевший выполнять любую физическую работу, в том числе и тяжелую, с той сноровкой, которая создает впечатление легкости, он без дела чувствовал себя неприкаянно, одиноко. И даже излюбленная рыбалка перестала приносить ему удовлетворение.

Стоял июнь. Закончилась посевная, и в крестьянском календаре Нечерноземья наступило так называемое междупарье — та короткая, примерно в три недели, передышка от полевых работ, когда земледелец хлопочет в основном на машинных дворах, в мастерских, оживленно готовясь к сенокосу, и с тревогой поглядывает на барометр, особенно внимательно вслушиваясь в сводки долгосрочных прогнозов.

Управлять трактором Саня научился еще в школе. А перед армией закончил военкоматовские курсы по вождению автомобиля. Поэтому никаких проблем с устройством на работу у него не возникало: в колхозе ему предлагали на выбор либо

«Беларусь», либо бортовой грузовик ГАЗ-53. Сулили даже дать машину или трактор прямо из капремонта — никакой возни, лезь в кабину, включай зажигание и жми. Но Воскобойников сперва отделывался неопределенными обещаниями подумать, а потом, когда завгар Новиков прижал поосновательнее, потребовав четкого и ясного ответа, вынужден был сказать категорическое «нет».

Поэтому в ремонтных мастерских, куда он частенько заглядывал, к нему всякий интерес потеряли. Ранившее самолюбие Сани равнодушие, безразличие ощущались буквально за каждым словом. Лишь уважение к былым заслугам — все знали Воскобойникова как парня серьезного, работящего — удерживало острых на язык механизаторов от язвительных шуточек в его адрес.

Но уважение никому не выдается бессрочно. Уважение считается «товаром» невыгодным: приобретается с трудом, а портится быстро. Уважение надо постоянно поддерживать своими делами.

Между тем Воскобойников как раз и слонялся без дела: ситуация, которая не могла длиться бесконечно долго, точнее, дольше одного месяца.

И когда минул этот положенный демобилизованному солдату месяц отдыха, когда необходимость выбора профессии, работы стала неотвратимой, Саня, совсем сникнув, потеряв свою привычную самоуверенность, пришел к выводу, что одной ногой уже ступил в болото, которое засасывает неудачников. Но поскольку выхода не было, то надумал все-таки пойти на поклон к Новикову, сопроводив это решение все той же успокоительной мыслью: «А там видно будет...»

Правда, как бы в наказание самому себе за неспособность сразу определиться в жизни четко и ясно Воскобойников предпочел попроситься не на «Беларусь» или грузовик, а на гусеничный дизель — самый тяжелый, самый медленный и самый нелюбимый молодыми механизаторами трактор. Впрочем, и в данном случае он как бы схитрил. Понимал, что машину из капремонта ему уже ни в коем случае не дадут, наоборот, в отместку за первоначальную измену сунут какую-нибудь развалину, с которой надо основательно повозиться, придется унизительно выпраши-

вать у друзей запчасти. Так уж лучше сесть на гусеничный трактор и показать на нем настоящий класс.

Сначала Саня сообщил о своем решении Ильюхе Головину, своему однокашнику и напарнику по работе в первый послешкольный год. Тот ехидно усмехнулся, даже ухмыльнулся:

— Смирил, значит, гордыню? А я-то уж думал, ты не такой, как все мы, особенный.

— Дурак ты, Илюха,— беззлобно ответил Саня.— Это ты у нас особенный... Ухорез.

Ухорезом ребята прозвали Головина неспроста. Закончив десять классов в районной школе-интернате, четверо петровских выпускников вернулись в свой колхоз, стали работать механизаторами. У всех дела сразу пошли неплохо, но особенно рвался показать себя Ильюха. Очень быстро обнаружилось его стремление хватануть побольше да урвать что-нибудь получше. В ту первую для петровских выпускников жатву хлеба уродились тучными, но были полеглыми, убирать их надо было осторожно, чтобы уменьшить потери,— так учили старшие. Но Ильюха жал вовсю, первым рапортовал о полном бункере.

А когда Воскобойникову вместе с Головиным пришлось прессовать сено, дело и вовсе чуть не дошло до драки.

Вологодские поля, зажатые лесами и болотцами, размером невелики. Поэтому после косовицы трав валки сена здесь получаются разными: тот, что лежит у самой опушки, всегда толще — около леса, в тени, травы вытягиваются лучше. А на толстом валке работать выгоднее — выше выработка, пресс выбрасывает больше тюков. И механизаторы обычно соблюдали очередь, вдоль опушки шли попеременно, все по справедливости.

Но в паре с Головиным так не получалось. Только Воскобойников намеревался зайти пресс-подборщиком на толстый валок, как видел, что навстречу по этому же валку уже вовсю шпарит Ильюха. Саня поначалу в спор не вступал, старался умением компенсировать отставание на тонком валке. Но потом обозлился на Головина за постоянное стремление снимать пенки и однажды даже пообещал повернуть Ильюхе голову так, что он без всякого зеркала сможет увидеть собственную спину.

Вот за ухарство, за желание урвать для себя, Ильюху и прозвали в Петровке странным прозвищем Ухорез, которое трудно было расшифровать, но которое очень точно выражало суть этого парня и было для всех понятным.

В армию Головина пока не взяли — дали отсрочку по семейным обстоятельствам. И он считался уже опытным механизатором. Однако привычек своих не изменил — видимо, в крови у него было это эгоистическое, купеческое ухарство, а потому прозвище Ухорез к нему пристало прочно и, наверное, окончательно.

Хорошо зная Ильюху, Воскобойников и предпочел в первую очередь именно ему сказать о своем решении пойти на гусеничный трактор — меньше будет насмешек. И, облегчив душу, даже немного успокоился: в конце концов, жизнь не кончилась, а только началась.

Однако родные края все же не зря манили его. Интуитивно Саня чувствовал, что именно здесь он рано или поздно обретет себя в настоящем, любимом деле. И утром того самого дня, когда Воскобойников намеревался отправиться к завгару Новикову, произошло событие, которое все разом перевернуло, изменило его судьбу и навсегда покончило с неопределенностью, скрывавшейся за фразой «А там видно будет...».

Впрочем, события, собственно говоря, никакого не произошло. В то утро Саня, как обычно, сидел на крепко сколоченной скамейке около своего дома и, мысленно настраиваясь на предстоящий серьезный разговор, дрессировал Джека — годовалого беспородного щенка, взятого у соседей. У Джека был чудовищный рахит: мощные передние лапы вывернуты внутрь чуть ли не под углом в сорок пять градусов. Но щенок оказался очень смышленым, и Саня не сомневался, что, когда начнет ходить с ним на охоту, когда пес вдоволь набегается по опустевшим осенним полям, косолапость сразу выправится, уйдет и собака получится хорошая.

Дом Воскобойниковых стоял чуть в стороне от асфальтового большака, на высоком крутом берегу Царевы, и был крайним в деревне.

Мимо него вел пыльный проселок, ответвившийся от шоссе, и сюда иногда заворачивали транзитные машины:

водители и пассажиры, которым предстоял дальний путь, любили несколько минут отдохнуть у прохладной реки.

Вот и в то утро с шоссейной магистрали свернул какой-то «газик», остановился у дома Воскобойниковых. Шофер приоткрыл дверцу, с облегчением встряхнул головой, словно вылез из парной, и спросил:

— Уф, жарко! Холодным молоком не угостишь?

— Это можно,— степенно ответил Саня и пошел в дом за крынкой.

Вологодские края испокон веку были на Руси не из самых богатых, трудно доставался здесь людям хлеб насущный. Может быть, поэтому славятся они особым гостеприимством. Двери в деревенских домах не знают здесь замков и запоров, незнакомого человека сперва усадят за стол, напоят чаем, а уж только потом приступят к беседе. Мягкий и душевный живет в этих местах народ. Но прямодушный, открытый — камень за пазухой никто носить не станет, в глаза правду скажут. И как в стародавние времена, усталый автодорожный путник напьется здесь молока в любом доме — нигде не откажут, за честь сочтут.

Когда Воскобойников вернулся, на скамейке сидели двое — шофер и пассажир «газика», мужчина лет пятидесяти, невысокий, чуть лысоватый, средней комплекции. Он первым попробовал молоко и, отдышавшись после нескольких больших глотков, сказал:

— Спасибо! После такой заправки можно и дальше ехать. А то в машине, понимаешь, жарко, душно.

Голос у него оказался негромким, даже тихим. И вообще этот человек, казалось, излучал спокойствие, мягкость, неторопливость. «Коренной вологжанин,— подумал про него Саня.— И говор наш, сильно окающий».

Пока из крынки пил шофер, мужчина поинтересовался:

— Хвораешь?

— Как — хвораю? — удивился вопросу Саня, который с детства ничем не болел.— Здоров как бык, разве не видно?

— Видно, видно,— улыбнулся незнакомец и пояснил: — Я почему спрашиваю-то? Ведь в такую летнюю пору здорового

человека днем дома не застанешь, все на работе. А ты на завалинке сидишь, как пенсионер.

— Недавно демобилизовался,— сказал Воскобойников.

— А-а,— сразу все понял мужчина и, быстро кинув взгляд на Саню, вдруг спросил: — А что делать-то умеешь?

— Все, что надо.

— Механизатор? — вопрос прозвучал с явным, пока непонятным для Воскобойникова умыслом.

— Ну? — ответил он полуутвердительно-полувопросительно, ожидая дальнейших расспросов.

Но вопросов больше не было. Мужчина спокойно и дружелюбно посоветовал:

— Я бы, парень, на твоем месте пошел к нам работать. Честно скажу, нам такие, как ты, позарез нужны.— И, повернувшись к шоферу, рассмеялся: — А где они сейчас не нужны, а?

Саня выглядел растерянным. Он понятия не имел, кто этот мужчина, однако хорошо понимал: не председатель колхоза и не директор совхоза. Председатели и директора вели себя иначе, более напористо, что ли. Вдобавок, они не стали бы зазывать к себе незнакомого парня, которого, ясное дело, в первую очередь надо обеспечить жильем. Если у них жилье есть, то и людей в избытке, а если нет, то какой же дурак уедет из своего колхоза, из своего дома, чтобы поселиться у соседей в общежитии? Зачем менять шило на мыло? Да и некогда председателям и директорам останавливаться, чтобы молока напиться, в такую пору они далеко не ездят, в основном крутятся в пределах района. А этот, по всему видать, не здешний...

Однако Воскобойников сразу понял и то, что мужчина этот явно имел отношение к сельскому хозяйству,— по запыленной обуви, а главное, по видавшему виды «газику»: городская машина, предназначенная для асфальта, должна иметь более шикарный вид. И вообще, бывалого сельхозника видно, что называется, за версту, по каким-то трудно уловимым признакам, скорее всего по тому спокойствию и уверенности, с какими он разговаривает на деревенские темы. Горожанин так достойно себя не ведет, он пытается выдать себя за своего, проявить

осведомленность в сельских делах, а это сразу чувствуется. Впрочем, наверное, так же поступает, оказавшись в городе, и деревенский житель.

Пока Саня растерянно прикидывал, что к чему, и занимался дедукцией по методу Шерлока Холмса, мужчина спросил снова:

— Ну что молчишь? Пойдешь в мелиораторы?

В мелиораторы! Только тут Воскобойников разом все понял и даже удивился, как это ему раньше не пришла в голову очень простая мысль: ведь на селе, помимо совхозов и колхозов, существуют еще и другие организации, связанные с аграрным производством,— «Сельхозтехника», «Сельхозхимия», мелиоративные ПМК...

— А... А жить где? — И этот чисто практический вопрос выдал Саню с головой: в один миг он все уже решил.

— Жить? А это твой дом?

— Родителей,— ответил Саня. Такой ответ уже не был случайным, дежурным. Начинался серьезный разговор, и ему хотелось выяснить возможности, какими обладают мелиораторы. Интуитивно Воскобойников почувствовал, что речь идет о выборе профессии на всю жизнь, как раз той профессии, которая способна примирить, совместить оба его желания — остаться на родной вологодской земле, но в то же время получить свободу передвижения.

Вот так и бывает: мается, мается человек, то одно прикидывает, то другое, а потом решает неожиданно, сразу и бесповоротно,— это как любовь с первого взгляда. Правда, мгновенность решения тут только кажущаяся, потому что оно обусловлено отвергнутыми вариантами и той долгой подготовительной работой, которая шла где-то в недрах души.

Мужчина стал объяснять:

— Понимаешь, работаем-то мы, считай, повсюду, с места на место переезжаем. Поэтому, если хочешь, живи здесь, но будешь мотаться по командировкам,— это тебя устроит? А если сработаемся, если покажешь себя, мы тебе квартиру быстренько дадим, у нас свои поселки есть, строимся широко. Мы людей своими автобусами возим на работу. В общем, обмозгуй мое предложение, а надумаешь — приезжай в Со-

сновку, разыщи мелиоративную ПМК-7 и спроси начальника. Фамилия моя Коновалов.

Мужчина говорил все это тихим, ровным, спокойным голосом, в своей неторопливой, задумчивой манере. Потом встал, подошел к машине и в последний раз окинул взглядом ширь, открывавшуюся с береговой кручи Царевы. Сказал:

— Хорошее здесь место, красивое...

Юрий Иванович Коновалов действительно был коренным вологжанином. Он родился в северном Нечерноземье и познал здесь трудную сиротскую юность — его отец погиб на фронте. Но несмотря на суровые тяготы первых послевоенных лет, сумел окончить десятилетку и поступить в Молочный институт. Это единственное в своем роде высшее учебное заведение было основано свыше ста лет назад в поселке Молочном, расположенном в пятнадцати километрах от Вологды, и славилось не только тем, что именно здесь был изобретен когда-то рецепт знаменитого вологодского масла, но и своими очень основательно подготовленными выпускниками.

Институт Юрий Иванович закончил по специальности инженер-механик и в 1958 году был направлен в Сосновку, тоже под Вологдой. Работал в МТС — машинно-тракторной станции. Но вскоре начался период бесконечных реорганизаций. МТС расформировали и создали РТС — ремонтно-тракторные станции. А в 1960 году на базе РТС организовали лугомелиоративную станцию.

Именно тогда Юрий Иванович и стал мелиоратором, связав всю свою жизнь с заботой о земле, о ее улучшении.

Правда, впоследствии ему еще не раз приходилось «менять вывеску»: трудился в «Бурводстрое» — рыл колодцы на воду и занимался осушением, потом в ММС — в машинно-мелиоративной станции. И наконец в 1966 году стал начальником ПМК — передвижной механизированной колонны.

А в семьдесят четвертом Коновалова повысили — назначили управляющим Вологодского мелиоративного треста, предлагали перебраться в областной центр. Однако Юрий Иванович словно чувствовал, что новая работа придется ему не по душе,

а потому уезжать из Сосновки отказался. И действительно, через два года, окончательно уяснив себе, что не создан для конторской службы, что хочет трудиться непосредственно на земле, на производстве, Юрий Иванович попросил высокое начальство отпустить его назад, в ПМК.

За четверть века работы с землей Коновалов хорошо познал ее. В Вологодской области девяносто пять процентов территории занимают леса и болота, а значит, пашня здесь бесценна, забота о ней — первейший долг человека. Но эти полезные угодья очень переувлажнены — такой уж здесь климат. Впрочем, если заглянуть в энциклопедию, то нетрудно выяснить, что за год на Вологодчине выпадает всего лишь до шестисот миллиметров осадков — не так уж и много, столько же, сколько, например, в западных областях Украины. Казалось бы, в чем проблема? Но проблема — и очень серьезная — заключается в том, что в северо-восточном Нечерноземье нет того тепла, как на юге, вода плохо испаряется, остается в почве. Поэтому по кадастру земель — так называется перечень всех обрабатываемых угодий с оценкой их качества — сорок процентов пашни, лугов и пастбищ в Вологодской области сильно переувлажнены.

А бывают годы и вовсе тяжелые — таким был, например, 1978-й. В то лето дождей выпало столько, что метеорологи, фиксирующие состояние почвы, не смогли подобрать для некоторых районов одно из обычных определений: слабое увлажнение, среднее, сильное — и дали невиданную сводку, написав: «Состояние почвы текучее».

Вообще пахотные земли наши почти повсеместно требуют улучшения — так уж распорядилась природа, и поэтому профессия мелиоратора на селе всюду считается одной из самых почетных, уважаемых. Поэтому столь огромное внимание уделяется в нашей стране мелиорации, и проблемам ее развития был даже специально посвящен один из Пленумов Центрального Комитета КПСС.

Конечно, на огромной территории СССР есть немало благодатных равнин. Как гласит народная пословица, из посаженной оглобли там вырастает фаэтон. Но слишком уж часто проносятся над ними суховеи, что требует вести большую работу по орошению земель. Если же взять необъятный по своей

суммарной площади пахотный клин Нечерноземья и Сибири, то здесь земледельца подстерегают другие опасности: переувлажненность, мелкоконтурность пашни, которая затрудняет использование современной техники. Ведь есть у нас такие области, где в начале семидесятых годов средний размер полей составлял всего лишь два гектара. Лоскутки, неудобья!

Но немало неприятностей доставляют и мелкие изъяны. Например, знаменитые, диаметром в несколько сот метров, карстовые воронки Брянщины, которые весной наполняются талыми водами, с вертолета выглядят прекрасными голубыми глазами на лике земли. Однако эти естественные озерца очень долго не просыхают, подпускают к себе технику с большим запозданием, и если лететь над Брянщиной не в мае, а, скажем, в июле, то вместо радостных «голубых глаз» можно увидеть мрачноватые темно-зеленые пятна, резко выделяющиеся среди начинающей золотиться нивы. Это так называемые «блюдца», которые засеяли со второго захода, когда в воронках стало сухо. Но второй заход очень невыгоден экономически, а кроме того, неравномерность созревания нивы тоже сказывается отрицательно.

Однако немало на наших полях — особенно в западных областях Нечерноземья, в Белоруссии — и воронок другого рода: от снарядов и авиабомб. Это как бы шрамы на прекрасном лике земли, напоминающие о суровых сражениях за свободу Родины. Сразу после окончания Великой Отечественной войны устранить эти изъяны пашни не успели — не было ни сил, ни техники. В них скапливалась влага, и в каждой воронке, словно памятник погибшим, выросла березка. А где появилось одно деревце, через пять-шесть лет обязательно поднимется целая рощица, в ее тени заводится кустарник.

В результате на пути тракторов появляется множество препятствий, их приходится опахивать, это отнимает дополнительное время, уменьшает площадь пашни и ухудшает качество обработки почвы.

Сколько еще таких ждущих улучшения полей разбросано на наших просторах!

Одна из древнейших сельскохозяйственных профессий — мелиорация у нас в стране начала по-серьезному развиваться

сравнительно недавно: поколение Юрия Ивановича Коновалова было пионерами этого важнейшего дела. Но первые двадцать лет ушли в основном на то, чтобы создать мощную индустриальную базу мелиорации, оснастить ее самой разнообразной техникой. И только сейчас эта отрасль аграрного производства заработала, как четкий конвейер.

Но Коновалов, подобно тысячам своих коллег по профессии, не был просто производственником.

Хлебороб работает на земле.

Мелиоратор работает с землей.

И это едва заметное на слух стилистическое различие отражает те особые человеческие качества, какими наделены врачеватели земли. Мелиоратор обязан любить землю. Но любовь эта — не такая, как у хлебороба, согретого красотой спелой нивы. Перед мелиоратором пашня предстает Золушкой, неухоженной и неприбранной, подчас растерзанной. И вот эту бедующую землю он, врачеватель, должен облагородить, поднять из прозябания к процветанию, сделать благодатной. Без особой преданности своей работе, без души здесь никак нельзя — вот почему трудно встретить среди кадровых мелиораторов людей равнодушных, черствых.

Это отпечаток профессии.

Потому что наряду с трудностями, которые выпадают на долю первопроходцев добротной пашни, им дается и огромная радость: увидеть, как на бывших бросовых землях зреет отменный урожай. Начальники мелиоративных ПМК даже специально возят своих парней к особо тучным нивам, чтобы воспитать в них гордость своей профессией врачевателя земли, чтобы воочию увидели они плоды своих трудов.

Коновалов немало поездил по Вологодской области. Его люди в основном занимались осушением — прокладывали на полях закрытый дренаж для стока почвенных вод, и культуртехникой — убирали небольшие березово-осинные колки и заросли кустарников, очищали пашню от камней.

Но в самом начале восьмидесятых годов появилось новшество — польдерные системы. Суть их заключалась в том, что заболоченные берега рек и озер отрезали от проточной воды дамбами и превращали их в пахотные угодья. В мелиорации

стали применять элементы гидростроения. Это требовало от руководителей новых инженерных знаний, а от рядовых механизаторов — более высокого уровня мастерства.

Особенно сложной задачей оказалось освоение поймы Кубенского озера. Этот огромный водоем, протянувшийся на шестьдесят километров, был истоком одной из самых крупных рек европейского севера — Сухоны. Однако озеро славилось особым секретом: две весенних недели, когда оно все еще было покрыто льдом, Сухона уже вскрывалась. Своенравная река начинала течь вспять — в Кубенское. Переполняла его сверх меры, озеро необозримо разливалось, затапливало десятки тысяч гектаров земли, и вода стояла там почти до августа. Разумеется, ни о каком хозяйственном использовании поймы при таком водном режиме и речи идти не могло: сошедший паводок оставлял после себя заболоченные угодья, густо поросшие кустарником, угрюмые, безлюдные, потому что люди издавна избегали селиться в этих комариных местах. Только охотникам было здесь раздолье — весной и осенью они в избытке били здесь водоплавающую птицу. Да еще знали тут окрестные жители несколько верховых болот, где росла клюква,— вот и все.

Секрет Кубенского озера и текущей вспять Сухоны объяснялся тем, что местность в этой части Вологодской области равнинная, именно здесь проходит знаменитый водораздел между реками, текущими на север, к Ледовитому океану, и на юг.

Передвижной механизированной колонне поставили задачу: отрезать от затопляемой поймы Кубенского озера три тысячи гектаров и превратить их в пахотные угодья. А для этого предстояло построить гигантскую бетонную дамбу высотой восемь метров и длиной почти двенадцать километров — работа на многие годы, пожалуй, лет на десять. Зато на осушенных и введенных в оборот новых землях раскинется огромный совхоз «Кубенский», который будет снабжать картофелем и овощами всю Вологду.

Этому хозяйству придавалось столь большое значение, что одновременно с осушением поймы развертывалось строительство нового современного поселка с полным набором бытовых

удобств, производственной базой, дорогами. Короче говоря, речь шла о комплексном подходе к освоению новых земель.

Однако десять лет — срок немалый. И мелиораторы решили сократить его без малого в пять-шесть раз. А для этого задумали одновременно с бетонной дамбой строить промежуточные земляные. Такими насыпями можно было отрезать от поймы по пятьсот — шестьсот гектаров и сразу же вводить их в оборот. Это сулило огромную экономическую выгоду.

Именно земляные дамбы, которым предстояло несколько лет, до введения в строй основного бетонного сооружения, сдерживать напор паводковых вод, были для Юрия Ивановича Коновалова главной заботой. Чтобы быстро возвести их, требовалось подобрать толковых, смышленых людей, способных быстро осваивать новые виды сложных гидротехнических работ. И начальник ПМК-7 не упускал случая, если предоставлялась возможность заполучить хорошего механизатора. Хотя коллектив передвижной колонны был не маленьким — свыше шестисот человек, Юрий Иванович знал каждого мелиоратора по имени и фамилии, потому что принимал людей на работу лично. И делал он это неспроста.

Во-первых, Коновалов огромное внимание уделял сплоченности своего коллектива и не хотел, чтобы в нем завелась какая-нибудь паршивая овца; он был твердо убежден в том, что профессия мелиоратора — занятие очень почетное и приобщаться к нему должны лишь достойные люди. А во-вторых, мехколонна предоставляла своим работникам различные блага — в первую очередь комфортабельное жилье, детский садик, хорошее снабжение. И желающих трудиться в ПМК-7 было немало. А это позволяло вести отбор и не принимать кого попало.

Между тем высокий плечистый малый, который на берегу Царевы однажды напоил Коновалова прохладным молоком, понравился Юрию Ивановичу с первого взгляда. Было что-то серьезное, основательное в его неторопливых движениях, во всем его облике и даже в упрямой короткой прическе. А нос с небольшой горбинкой придавал открытому худощавому лицу парня волевое выражение. Коновалов любил таких ребят, верил в их способность работать по-настоящему, по-мужски. Двад-

цатипятилетний опыт руководителя научил его разбираться в людях. Конечно, дар чтения в чужой душе дается немногим, и эти немногие тоже ошибаются. Но все-таки, но все-таки...

Коновалов вспомнил короткий разговор с парнем: «Что делать-то умеешь?» — «Все, что надо». И непроизвольно повторил вслух:

— Все, что надо... Хорошо, хорошо, толково.

— Вы о чем, Юрий Иванович? — повернулся к нему шофер. Царева уже осталась далеко позади, и он давно позабыл о случайной встрече.

— Да вот все парня того вспоминаю, с молоком. Как думаешь, объявится он или нет?

Воскобойников угодил именно на гусеничный трактор — ему дали потрепанную, не первой молодости «сотку», как запросто называли мелиораторы стосильный трактор Т-100. Но машина была на ходу, и это устраивало Саню: ему не хотелось начинать работу в новом коллективе с ремонта, это сразу поставило бы его в зависимое положение, потому что пришлось бы ко всем обращаться за помощью.

«Сотка» парню понравилась, и он даже подумал: «Откуда в колхозах и совхозах у ребят такая нелюбовь к гусеничным тракторам?» Конечно, в сравнении с «Беларусью» или «Владимирцем», не говоря уж о могучих ленинградских колесных тракторах, они сильно проигрывали в скорости. Но зато это были настоящие вездеходы, которые не боялись полного бездорожья и заболоченных грунтов. На гусеницах Воскобойников чувствовал себя очень уверенно, всепобеждающе, словно мощная машина умножала его собственные физические силы.

И хотя «сотка» считалась у мелиораторов отнюдь не самой престижной машиной — были у них трактора и помощней, в сто тридцать лошадиных сил, да вдобавок в специальном широкогусеничном болотном исполнении,— Саня считал, что ему повезло: сразу доверили технику. А ведь могли бы послать на стажировку в ремонтные мастерские, чтобы для начала узнать, что он собой представляет.

Однако по части работы ему, как говорится, «не улыбнулось».

Дожидаясь Коновалова, который был на каком-то совещании в Вологде, Воскобойников почти полдня слонялся по Сосновке, познакомился с несколькими местными жителями и довольно быстро выяснил, что передовая линия ПМК-7 проходит в пойме Кубенского озера, где сооружают какие-то очень ответственные дамбы. А потому, отдавая Коновалову заявление о приеме на работу, конечно же, попросился именно на эти дамбы. Однако Юрий Иванович, встретивший Воскобойникова приветливо, как показалось Сане, даже с радостью, в просьбе категорически отказал.

И вместо Кубенского озера молодого механизатора направили сравнительно недалеко от его собственного дома. Здесь ему предстояло заняться классической, так сказать, обязательной программой вологодского мелиоратора — осушением и культуртехникой.

Центральная усадьба «Тотемского» размещалась практически в самой Тотьме, хотя формально считалось, что она находится в Варнице,— в той самой Варнице, которая повела свое название от солеварения и где заработал целый гривенник Петр Первый. Деревня вплотную примыкала к райцентру, а дирекция совхоза размещалась в самом крайнем доме. И только почтальоны да коммунальщики знали, что здание дирекции совхоза «Тотемский» находится в деревне, а соседняя изба справа, на той же улице,— уже в городе.

Вокруг Тотьмы глухой стеной стояли почти непроходимые леса, а на пространствах, свободных от хвойных деревьев, буйствовал ольховник. Под кустами то и дело встречались вымочки, не просыхавшие до середины лета, и когда весной на лоскутных полях начинались работы, тяжелые трактора с обычной сцепкой из восьми борон не могли форсировать эти вымочки, утопали в них. Поэтому приходилось пускать сюда легкие «Беларуси» со сцепкой из трех жалких боронок, а это резко снижало производительность, затягивало сроки сева и в конечном итоге отзывалось серьезным падением урожайности.

Воскобойников с детства знал об этих тотемских бедах, с

которыми все смирились и которые воспринимали как нечто неизбежное. И когда по узким улочкам Тотьмы добрался до дирекции совхоза, когда вошел в здание и через окно увидел варницкие просторы, был потрясен, ошарашен: перед ним открылось огромное, широкое поле с верхушками елей по горизонту. Потом он услышал, как директор совхоза Борис Владимирович Жданов с гордостью объяснял кому-то:

— Тристó гектаров в одном массиве. Тристó!

Для здешних мест это было невиданным, казалось неправдоподобным. Но поле — вот оно! — лежало перед взором Воскобойникова и самим фактом своего существования переворачивало его представления о хлеборобных возможностях любимой вологодской земли.

Это была Мелиорация с большой буквы. Это она превратила мозаику болотистых западин, осиновых колков и поросших ольховым кустарником тотемских взгорий в вольные просторы, на которые прямо-таки просились могучие степные тракторы «Кировцы». Это Мелиорация совершила здесь поистине чудо, и если бы по сказочным законам проснулся кто-нибудь из монастырских крестьян восемнадцатого века, корчевавших здесь свои мучительные десятины, да увидел бы это раздолье, то счел бы его чудом взаправдашним, сверхъестественным.

Но чуда, конечно, не было — была трудная, упорная работа с землей, которая принесла двойную выгоду: и хозяйству и природе. Широкие поля лучше продуваются ветрами, они просыхают гораздо быстрее, позволяют раньше выпускать на них трактора. Техника работает здесь беспрепятственно, что обеспечивает строгое соблюдение агротехнических правил и приемов. И все это, вместе взятое, служит основой хороших урожаев.

Лучше стало и людям: уменьшилась влажность, заболоченность, поубавилось комаров «холмогорской породы» — так в шутку называли этих кусачих насекомых, сравнивая их с крупными холмогорскими коровами.

Но прекрасное поле, которое открылось взгляду из окон тотемской конторы, было в совхозе уже не единственным. Такие же крутые преобразования произошли и в Нелюбине, на том месте, где стояла когда-то небольшая деревушка Хороброво. Ее

окружали мелкоконтурные поля, отвоеванные людьми у лесов и болот, размер каждого из них колебался от двух до пяти гектаров. Обрабатывать их было сложно, а потому урожайность зерновых никогда не поднималась здесь выше, чем 15 центнеров с гектара, причем потолка достигали только в самые удачные годы, а в среднем брали лишь по 12 центнеров.

Но на этом неприятности не кончались. Из-за короткого северного лета в Вологодской области в основном применяли зерновые культуры ранних сроков сева, и запоздание с весенними работами оборачивалось тем, что жатва сдвигалась на период осенних дождей. И тут уж на полях разворачивались настоящие баталии. До того дело доходило, что на комбайны порой надевали гусеничные хода. Страшно даже подумать — комбайны на гусеницах! Но что поделаешь, если ни один колесный механизм, ни один грузовик не мог въехать на раскисшее донельзя поле.

А когда на участке Хороброво провели мелиоративные работы, когда раскорчевали колки, осушили болотца и создали единый массив, все волшебно, неузнаваемо переменилось. Урожаи зерновых подскочили до 45 центнеров с гектара!

Однако для полного учета той колоссальной выгоды, какую принесла мелиорация, необходимы более сложные вычисления. Впрочем, и с ними способен справиться любой школьник.

Дело в том, что до осушения в Хороброво насчитывалось всего лишь 150 гектаров пашни, состоявшей из множества лоскутных, клочковатых полей. А когда убрали колки и болотца, то за счет них пашня расширилась до 260 гектаров — иными словами, 110 га припахали. А для северной стороны это весьма и весьма солидные площади. И вот задачка: до осушения и культуртехники здесь со 150 гектаров снимали по 12 центнеров зерновых, а после проведения этих работ на 260 гектарах стали выращивать по 45 центнеров. Взяв в руки карандаш, нетрудно получить окончательный результат, подсчитать, что благодаря мелиорации земля в Хороброво стала родить в шесть с лишним раз обильнее!

Это тоже была Мелиорация с большой буквы.

Воскобойников, который раньше знал о проблемах улучшения земель лишь понаслышке и даже отдаленно не пред-

ставлял себе, какой грандиозный экономический эффект дают осушение и культуртехника, испытывал чувство человека, сделавшего очень приятное открытие. Буквально с первых недель работы он стал гордиться своей новой профессией врачевателя пашни и по выходным дням ехал в Петровку с отличным настроением.

Саня не сомневался в том, что Головин попытается высмеять его.

В прошлом среди деревенской молодежи бытовало твердое убеждение, что все толковые парни и девчата должны обязательно подаваться в город и пристраиваться именно там. А в селе, мол, оставались только самые-самые бесталанные, бестолковые.

Но постепенно жизнь менялась, сельские профессии становились все более притягательными, особым престижем начали пользоваться механизаторы и шофера, считалось очень почетным работать семейными экипажами — вместе с отцами. И как-то само собой получилось, что общественное мнение деревни, которое стихийно формируется на завалинках, но оказывает сильнейшее влияние на умонастроения молодежи, пришло к единодушному выводу: у выпускников школы есть только одна достойная альтернатива жизненного пути — или поступать в институт, или оставаться в родном селе. Уезжать в города стали в основном для продолжения учебы, а те, кто считал, что вправе ограничиться средним образованием, все отчетливее понимали: в родной деревне они добьются куда больше, нежели в незнакомом городе.

Начал по-новому срабатывать старый и, видимо, вечный принцип деревенского самосознания, который для полного душевного спокойствия требует жить не хуже соседей и умещается в одной знаменитой и часто повторяемой фразе: «У нас все, как у людей!»

За этой короткой фразой скрывается длинный, разнообразный список неравнозначных достоинств, например: дом справный и ковры на стенах висят, родители пользуются в колхозе уважением... Кажется, совсем недавно в этом же ряду стояло устройство сына или дочери в городе — разве они хуже других? А теперь все перевернулось, стало чуть ли не наоборот:

в принцип «Все, как у людей!» необходимой составной частью вошла преемственность сельских профессий, нормальным и достойным считается, когда дети остаются в родном селе.

Если же не в институт и не в свой колхоз, а в какие-то там мелиораторы... Нет, от хорошей жизни так не поступают — ясное дело, неудачник.

Но Ильюха Головин оказался куда более изобретательным, чем предполагал Саня. Встретив Воскобойникова, он широко улыбнулся и медовым голосом пропел:

— А-а, мелиоратор! Молодец, давай мели, оратор! Мели, мели, чего молчишь-то?

Саня сперва даже опешил от смешного каламбура, но потом рассмеялся и добродушно стал рассказывать Ильюхе про свои открытия в совхозе «Тотемский».

Головин поначалу слушал с недоверием. Но как сельский житель и уже опытный механизатор, прекрасно понимавший все трудности работы на лоскутных, мелкоконтурных полях, сумел не только по достоинству оценить рассказ Сани, но даже увлекся им и вдруг очень заинтересованно и озабоченно закричал:

— А камни? С камнями-то как?

— С какими камнями? — не понял сперва Воскобойников.

— Так ведь камни же мешают, еще как мешают. Ты что, не помнишь? Их-то куда девают?

На угодьях совхоза «Тотемский» камней было сравнительно немного, особой проблемы они не представляли, а потому Саня как-то совсем упустил их из виду. Но после горячего восклицания Ильюхи вспомнил, что вокруг Петровки камней действительно хватало, и они затрудняли пахоту и уборку хлебов.

— Камни? — переспросил Саня, начав прикидывать, как же поступают с камнями.— Ну их, наверное, тоже убирают, не оставлять же в поле...

И вместе с Ильюхой они принялись «изобретать велосипед»: рассуждать, каким же все-таки способом лучше всего избавиться от каменного засорения полей.

Но ничего путного не придумали, потому что Саня, как начинающий, совсем еще зеленый мелиоратор, не знал, что на

вооружении у его новых коллег есть специальные камнеуборочные машины. Однако у этой неожиданной и непривычной дискуссии, не похожей на все прежние споры с Ильюхой Головиным, оказался вполне конкретный результат: сверстники снова зауважали Воскобойникова, придя к выводу, что он все-таки парень с головой и выбрал для себя неплохую профессию, в чем-то даже и завидную.

Но после первого радостного возбуждения, вызванного приятными открытиями в мелиорации, Воскобойников стал испытывать своего рода разочарование. Так бывает всегда, когда человек начинает по-настоящему углубляться в суть дела и познавать его не только поверхностно.

Разочарование было связано не с самой работой, а с тем, как использовали осушенные земли. Увлеченный великими возможностями мелиорации, Саня жаждал, чтобы они давали немедленную и весомую отдачу. Но на деле получалось так, что осушенные угодья поначалу не «работали» на урожай, а наоборот, их плодородие даже несколько снижалось.

И это было чертовски обидно!

Воскобойников и раньше видел поля, на которых трудились мелиораторы,— из окна автобуса. И запомнились они ему своей коричнево-черной зебристостью: вдоль полей, сверху вниз — с пригорков к низинам, тянулись коричневые или красно-черные полосы. Но что они собой представляли и почему появлялись, Саня не знал да и не задумывался над этим. А когда сам стал мелиоратором, то вмиг все понял: дренажные трубки, по которым уходит из почвы избыточная влага, закладывают на глубину девяносто сантиметров, для этого роют экскаватором траншеи. Вот и приходится выворачивать наружу глину, которая толстым слоем хоронит под собой самую плодородную часть земли — гумус.

А толщина гумуса в вологодских краях составляет всего лишь чуть больше двадцати сантиметров,— дальше идет сплошная глина. Когда бульдозеры засыпают канавы и разравнивают поля, именно она остается на поверхности. А ведь траншеи прокладывают через каждые двадцать метров. Вот и получается, что на пашне образуются глинистые коридоры.

А на глине ничего, кроме сорняка, не растет! Коричнево-

красные полосы вдоль засыпанных траншей называют мертвыми зонами.

Поэтому после прокладки дренажа мелиораторы обязаны провести так называемое первичное окультуривание почвы — иными словами, вывезти на поля тысячи тонн торфяной крошки и органических удобрений, чтобы заново создать испорченный плодородный слой. Такова технология осушения. Однако на практике это делали далеко не всегда, не успевали: в лучшем случае удавалось только слегка припорошить глину торфом, и все.

Председатели колхозов и директора совхозов крепко поругивали за это мелиораторов, требуя от них неукоснительного соблюдения технологии. Но самый неприятный парадокс заключался в том, что даже при нормально проведенном первичном окультуривании земля все равно далеко не всегда давала желанную отдачу.

И тут уж были виноваты сами хозяйства.

Из разговора с совхозными механизаторами и специалистами Саня быстро понял, что некоторые из них считают мелиорированные земли чем-то вроде сданного «под ключ» дома со всеми удобствами: въезжай и живи припеваючи, без всяких забот до косметического ремонта, который надо делать лет через десять. Но осушенная пашня никак не походила на такой комфортабельный дом. Наоборот, она прибавляла хозяйствам хлопот, потому что мелиорированная земля становится более капризной, требовательной. Она нуждается в особом уходе, и только тогда вознаграждает сторицей, отзываясь на заботу резкой прибавкой урожайности.

Сколько ни вывози на переувлажненные поля органических удобрений, толку все равно не будет. Наоборот, весенняя пашня будет становиться все более и более раскисшей, дойдет до сплошной хляби, до состояния текучести. Как говорится, не в коня корм. И совсем иное дело — подкормка осушенных пахотных угодий. Здесь научно обоснованные дозы органики способны творить чудеса: если вносить их постоянно, из года в год, то плодородие земли будет неуклонно повышаться.

До каких пределов?

До черноземных.

Именно так произошло в знаменитом вологодском колхозе «Родина», где на мелиорированных землях стали собирать невиданный для здешних мест урожай зерновых — до шестидесяти центнеров с гектара. Северная трудная земля стала давать столько же, сколько плодородные ставропольско-кубанские степи. И на базе таких необычайно высоких результатов, конечно же, резко пошло вверх животноводство: по пять тысяч литров молока от каждой коровы надаивали в «Родине».

А сумели добиться рекордной отдачи с каждого гектара только потому, что неотступно ухаживали за осушенной пашней, очень отзывчивой на заботу земледельца. И разумеется, вносили не только органические, но и минеральные удобрения. Потому что первый из восьми знаменитых агрономических законов, называемый «законом равнозначности», гласит, что избыток одного не может компенсировать недостаток другого. Земле все дай, что положено, без ущерба.

Постепенно познавая эти премудрости мелиорации, Саня Воскобойников с каждым месяцем сильнее и сильнее втягивался в новое для него дело. И на смену временному разочарованию приходило уже осознанное увлечение: он не просто выполнял ежемесячную норму, корчуя на своей «сотке» кустарник, но и всерьез, по-взрослому начал интересоваться работой с землей, за повседневными чисто производственными заботами стал различать общий смысл своей деятельности и чувствовал себя первопроходцем.

Это был настоящий масштаб — независимо от размеров поля, на котором мелиораторам приходилось тянуть дрены. Масштаб самой профессии, потому что она поистине носила характер преобразования, переустройства природы. Ведь именно мелиораторам в семидесятых годах удалось впервые остановить ползучее наступление кустарников,— на переувлажненных почвах ивняк тянется вверх со скоростью один метр за сезон, и десятилетиями вологодская пашня постепенно убывала, сокращаясь, словно шагреневая кожа. А теперь, наоборот, стала наконец прибывать!

Да, это был настоящий масштаб. И еще — движение, работа

в разных местах, которая создавала разнообразие, предоставляла возможность знакомиться со многими людьми, а это всегда интересно. Но в то же время Воскобойников с некоторым удивлением обнаружил, что перестал скучать в одиночестве, чего с ним раньше не бывало,— вечно маялся без друзей. А теперь он иногда даже предпочитал побыть наедине с самим собой, и это означало, что в нем идет какая-то внутренняя работа. Саня не спешил домой, подолгу задерживаясь в Тотьме, бродил по этому старинному уютному городку, который, казалось, корнями своими врос в высокий берег Сухоны. И особенно любил набережную Кускова, откуда открывался чудесный вид на реку и лесные заречные дали.

Здесь на него как бы нисходило философское настроение. Он поражался запутанной пряже человеческих судеб. Маленькая, с десятитысячным населением Тотьма, затерянная среди глухих вологодских лесов, Тотьма, о которой подавляющее большинство людей просто-напросто никогда не слышали,— эта самая Тотьма подарила России незаурядного человека, увековечившего имя своей Родины в истории географических открытий.

Именно гражданин Тотьмы Иван Александрович Кусков в конце восемнадцатого века отправился в далекое путешествие к Северной Америке, высадился на ее побережье, основал и стал первым комендантом знаменитого форта Росс,— того форта Росс, который и сейчас, подобно исторической зарубке, значится на карте Соединенных Штатов Америки, напоминая о своем российском происхождении.

И вот, спустя века, он, Воскобойников, шагает по набережной, носящей имя Кускова, идет мимо его дома в Чкаловском переулке, где сейчас живут какие-то незнакомые люди... В маленькой, тихой Тотьме связь времен ощущалась гораздо сильнее, чем в суете больших городов. Мысль о знаменитых земляках рождала чувство ответственности перед ними, заставляла задавать самому себе вопрос: «А сможешь ли ты быть достойным их? Сумеешь ли пройти по жизни так, чтобы тоже оставить свой след на земле и чтобы следующие поколения, потомки, помнили бы также и о тебе?»

Саня, конечно, не мог четко и ясно ответить на эти вопросы,

они уводили его в область расплывчатых и нереальных мечтаний о подвигах. А между тем он находился уже на пороге настоящего подвига, который вместе с другими мелиораторами, вместе с Юрием Ивановичем Коноваловым ему предстояло совершить на дамбе у Кубенского озера.

Но сначала его перебросили из Тотьмы в совхоз «Новленский», под Вологдой.

Кубенское озеро на двадцать два километра протянулось по его угодьям, однако работа мелиораторов здесь никакого отношения к дамбам не имела. Они занимались все тем же — осушением и культуртехникой. И еще — уборкой камня.

Вот здесь-то Воскобойников и понял по-настоящему, какую серьезную опасность для земледелия представляет засоренность полей камнями. На угодьях «Новленского» их было видимо-невидимо. Отступавший к северу ледник наследил здесь особенно, приволок откуда-то с южных возвышенностей громадные глыбы, по дороге закруглил их, огладил, превратив в крутобокие, без острых граней валуны. Некоторые сохранил в первоначальных глыбистых размерах, другие раздробил на части различной величины — от автомобиля «Запорожец» до арбуза и теннисного мяча. И все это беспорядочно, вот уж действительно как при спешном отступлении, побросал на вологодских равнинах.

Крестьяне здешние издавна пытались бороться с каменной засоренностью, сильно мешавшей обрабатывать землю. Небольшие по весу валуны стаскивали в кучи на межах,— по сей день сохранились кое-где эти гранитные межники, напоминающие собой причудливые стены, сложенные без раствора. Убрать их и сегодня не так-то просто — сотни тысяч, миллионы камней! А те неподъемные валуны, которые невозможно было перенести в другое место, хоронили: рыли рядом глубокую яму и сталкивали в нее камни. Конечно, самые большие глыбы, к которым вообще было не подступиться, не трогали совсем.

Однако крестьянские труды по уборке камня были каплей в море и практически не убавили засоренность угодий. В резуль-

тате каждая пахота в «Новленском» превращалась в целое сражение с валунами. Трактористы ежедневно брали с собой в поле по сорок — пятьдесят запасных лемехов к плугам: со звоном летели эти крепчайшие, из особой стали лемехи, напарываясь на спрятавшиеся в земле камни. Их расход по совхозу составлял пятьсот — шестьсот штук в день — чуть ли не все областные фонды съедали, в «Сельхозтехнике» за голову хватались.

До того усложнилась ситуация, что приходилось новенькие, с иголочки, заводские лемехи сразу же отжигать в кузнице, чтобы они не ломались при ударе о камень, а только гнулись — гнутые-то можно выправить. Но такие отожженные, ухудшенные лемехи, конечно, делали обработку почвы менее качественной.

Новленцы сами стали бороться с камнем: закупили специальные камнеуборочные машины, которые крановым захватом брали валуны и укладывали их к себе же в кузов, а потом отвозили к обочинам дорог, где гранитные груды уже никому не мешали. Однако парадокс заключался в том, что эта трудоемкая работа оказалась напрасной: например, очистят за лето паровое поле от камней — ну ни одного нет, хоть с микроскопом ищи — а следующей весной лемехи вновь летят, полным-полно на пашне валунов.

Камни ежегодно росли, словно грибы.

Но на самом-то деле они, конечно, не росли, а просто вылазили из глубин почвы на поверхность. Ведь земля постоянно дышит, замерзает и оттаивает, увлажняется и пучится, а в результате валуны, находящиеся в верхнем, метровом слое почвы, непрестанно шевелятся, хотя это совершенно незаметно для глаз. И вместо убранных все время появляются новые.

Конечно, запасы камней, принесенных ледником, не беспредельны. Но приходилось по четыре-пять лет подряд тщательно очищать поля от ледникового засорения, чтобы трактористы наконец начали ощущать некоторое облегчение: возвращаясь с пахоты, стали привозить неизрасходованный запас лемехов.

Особенно крупные глыбы ледник оставил вблизи Кубенского озера. Наверное, когда рыл он это громадное углубление, то обессилел в трудах и в первую очередь побросал самую

тяжелую ношу: чем ближе к берегу Кубенского, тем габаритнее становятся камни, достигая трех метров в диаметре. Конечно, такие великаны, весом тонн по десять каждый, невозможно было транспортировать с полей, а мешали они очень сильно. И в «Новленском» прибегли к старому крестьянскому способу: тоже стали хоронить валуны. Рыли экскаватором огромную яму, потом опутывали камень тросами, впрягали в них несколько мощных тракторов и сбрасывали глыбу на глубину полутора-двух метров — уж оттуда она не поднимется. Да и вообще такие гиганты в почве не шевелятся, их надо только закопать поглубже, чтобы потом не мешали мелиораторам прокладывать траншеи для дренажных трубок.

А чем дальше от озера, тем мельче становились камни. Однако и они чрезвычайно затрудняли полевые работы: вместе с колосьями гранитные «теннисные мячи» попадали в деки зерновых комбайнов и сокрушали там все подряд, словно в чреве шаровых камнедробилок. А убирать мелочь было еще труднее. Ручной труд, разумеется, не годился. Кое-кто пытался даже приспособить для этой цели картофелеуборочные комбайны.

Вообще близость Кубенского озера создавала для совхоза «Новленский» немало дополнительных проблем. Весенний паводок поднимал уровень грунтовых вод в ближней и дальней округе, а потому на всей территории хозяйства до июля нельзя было копнуть глубже, чем на штык лопаты,— сразу же появлялась обильная влага. И еще: открытая поверхность большого водоема, видимо, создавала какие-то восходящие потоки воздуха и в редкие засушливые периоды как бы отталкивала, отгоняла от Кубенского озера тучи и облака. Получалось, что совхоз «Новленский» вечно попадал в самый эпицентр засухи, особенно ощутимо испытывал ее последствия. Бывали годы, когда за первую половину летнего сезона — до середины июля — здесь не выпадало ни единого дождя, ни капли.

Так уж по-северному умеренно была устроена тут природа, что крайности всегда оказывались вредными для сельского хозяйства: тяжелые красноглинистые почвы при обилии влаги превращались в непролазную грязь, а при избытке солнца

твердели, словно камень, и губили посевы трав, зерновых, овощей и картофеля.

Это означало, что мелиораторам необходимо строить так называемые системы двойного регулирования: в переувлажненные сезоны такие системы осушали почву, а в периоды засухи, наоборот, орошали поля. Был своеобразно использован принцип кондиционера, способного согревать в холода и освежать при жаре. Это тоже оказалось под силу врачевателям земли, и Воскобойников не переставал удивляться необычайно широким возможностям мелиорации.

Она могла преобразовать, улучшить, превратить в добротные пашни и луга практически любые угодья. Причем создавала и благотворный побочный эффект: для орошения приходилось рыть множество искусственных прудов, собиравших талые воды. Они, во-первых, украшали ландшафт, а во-вторых, некоторые из них, устроенные в естественных углублениях — в перегороженных дамбами глубоких оврагах у кромки полей, зимой не промерзали до дна, в них запускали мальков, и там в изобилии водилась рыба.

Однако, как и в «Тотемском», мелиораторов нередко поругивали за то, что они выполняют лишь такую работу, которая им выгодна, гонятся за так называемыми объемами и не уделяют настоящего внимания мелочам — культуртехнике.

Саня Воскобойников не раз слышал подобные разговоры еще до воинской службы, в ту пору, когда работал механизатором в родной Петровке. И по-своему, по-колхозному, недолюбливал за это мелиораторов. Ведь создание хорошего, полностью осушенного поля площадью в двести — триста гектаров отнимало несколько лет, да вдобавок еще требовалось время, чтобы нарастить потенциал плодородия пашни. А культуртехника была делом быстрым, можно сказать, стремительным. Между тем, как колхозный механизатор, Воскобойников по собственному опыту отлично знал, что расчистка от кустарников и камней тоже приносит огромную и немедленную пользу: увеличивает размеры полей, устраняет преграды на пути тракторов, позволяет резко повысить производительность труда.

Да и суше становится вокруг. Потому что под кустами снег порой держался чуть ли не до мая месяца, тут-то и образовывались вымочки. А убери кусты, глядишь, и влаги поубавится, ветер и солнце быстрее просушат почву.

И подобно многим колхозно-совхозным трактористам, Саня недоумевал: как это мелиораторы не в состоянии понять очевидную выгоду культуртехники? Почему мало занимаются ею?

Но когда сам стал мелиоратором, то сразу во всем разобрался.

Суть дела оказалась простой. За один осушенный гектар передвижной мехколонне зачисляли в план почти полторы тысячи рублей. А так называемая «сухая» культуртехника, то есть культуртехника без дренажных работ — просто расчистка полей от кустов, межников, уборка камней,— хотя и доставляла уймищу хлопот, оценивалась только рублей в двести. Разница громадная, и повсеместно мелиоративные ПМК для выполнения плана стремились в первую очередь заниматься именно осушением, пренебрегая культуртехникой.

В голове у Сани что-то раздваивалось: он как бы вел мысленный диалог с самим собой.

— Как же так? — спрашивал Воскобойников-мелиоратор.— Ведь план выполнять надо?

И отвечал сам себе:

— Да, надо. Обязательно!

— Но ведь нам ваш план не нужен, нам поскорее нужны расчищенные земли, на которых мы соберем высокий урожай,— говорил, в свою очередь, Воскобойников — колхозный тракторист.— А вы тянете с культуртехникой...

— Значит, вы соберете высокий урожай, а мы останемся без плана и, выходит, без премиальных? Будем отстающими? Какая же нам тут выгода? — пожимал плечами Воскобойников-мелиоратор.

— Да зерно-то ведь не нам нужно, а стране! — возмущался колхозный тракторист.— Хлебушек-то вы наш едите, сами-то его не производите. Вот и считайте, что важнее: ваш план или наш урожай.

В голове Сани все начинало путаться, привычные понятия

смещались, искажались, и мелиоратор постепенно сдавал свои позиции:

— Конечно, хлеб — всему основа... Но нам-то, нам как быть? Ладно, обойдемся без премий. Но перестанет выполнять план наша ПМК, еще одна, третья, десятая... Если мелиораторы вообще перестанут выполнять планы — что же это такое будет?

Но тракторист неотразимым аргументом добивал окончательно:

— Планы, планы... А совесть-то у тебя есть? Стране хлеб нужен, понимаешь? Хлеб! И не потом, а сегодня. И поэтому пренебрегать культуртехникой ты не вправе. Она быстро дает отдачу, окупается, это я тебе говорю как колхозный тракторист, который уж что-что, а здешнюю пашню знает.

Оба «спорщика» были по-своему совершенно правы, и Саня никак не мог выпутаться из этого явного противоречия. В ту пору он еще не знал, что интересы партнеров по агропромышленному комплексу — колхозов, совхозов, с одной стороны, и мелиораторов, «Сельхозтехники», «Сельхозхимии» с другой — зачастую не совпадали. Все организации, которые обслуживали аграрное производство, прежде всего искали собственную выгоду, мало беспокоясь о том, сколько зерна, молока или мяса произведут на полях и фермах. К этому их подталкивало несовершенство самой структуры управления сельским хозяйством.

Но когда все и повсюду заговорили о соединении интересов «агро» и «прома», когда в жизнь стремительно ворвалось новое словечко «РАПО» — Районное агропромышленное объединение, вот тут Саня и начал наконец осознавать основу того, казалось, неразрешимого противоречия, которое поначалу мучило его, терзало совесть. РАПО как раз и должно было устранить неравенство партнеров, впрячь их в одну упряжку, крепко привязать обслуживающий комплекс к конечным результатам, получаемым в колхозах и совхозах.

После создания РАПО мысли у партнеров пришли в движение: как наладить настоящее сотрудничество ради обоюдной пользы?

Действительно, главное — это конечные результаты: зерно, молоко, мясо, картошка. Но ведь мелиораторы тоже были

в чем-то правы: «сухая» культуртехника — дело временное, рано или поздно на эти поля все равно должны придти дреноукладчики, чтобы окончательно осушить пашню.

Так какую же избрать стратегию?

Ослабить внимание к «капитальному ремонту» полей и основные силы переключить с осушения на культуртехнику? Конечно, это даст заметный прирост производства зерна, однако решение главной задачи отодвинется на неопределенный срок. А задача эта для мелиораторов состоит в таком преобразовании земель, чтобы они ежегодно при любых погодных условиях давали гарантированные, стабильные урожаи. Но одна лишь культуртехника таких гарантий дать, разумеется, не может.

Значит, все-таки взят верный курс, и шкала приоритетов выбрана правильно?

Раньше, до создания РАПО, над таким вопросом особенно не задумывались, потому что у каждого из партнеров по агропромышленному комплексу были свои заботы и проблемы. Руководители хозяйств говорили мелиораторам на всех совещаниях:

— Дайте, что положено! Делайте культуртехнику, вы обязаны ею заниматься!

А когда мелиораторы начинали ссылаться на трудности, на нехватку техники и людей, им отвечали:

— А нам-то какое дело? Ведь вы наши трудности понять не желаете.

Каждый из партнеров по агропромышленному комплексу говорил: «Я, мое, не могу, не в силах...»

Но когда в сельском хозяйстве перешли на новую структуру управления и создали РАПО, наконец-то послышались на районных совещаниях другие, желанные слова: «Мы, наше, сможем, сделаем...» Партнеры начали понимать трудности друг друга и старались найти общий язык.

В сфере мелиорации этот процесс был особенно заметным.

Директором совхоза «Новленский» работал Анатолий Анатольевич Гусев, отличный хозяин, глубоко понимавший сущ-

ность перестройки. Биография этого человека была необычной. Сын офицера-фронтовика, коренной костромич, он после окончания десятилетки поступил на философский факультет Ленинградского государственного университета. И одновременно всерьез увлекся спортом — академической греблей. Выступал за сборную команду Ленинграда, которая в пятидесятых годах была сильнейшей в стране, тренировался вместе со знаменитым Юрием Тюкаловым, который впоследствиии стал нашим первым олимпийским чемпионом по гребле.

Спортивные занятия проходили на Неве, у выхода в Финский залив, на стрелке около Центрального парка культуры и отдыха. И однажды, осенним вечером, лодка, в которой сидел Гусев, перевернулась — такое нередко бывает с гребцами, страшного в этом ничего нет, ведь все они умеют плавать. Гусев, конечно, добрался до берега, но то осеннее купание обернулось для него сильной простудой.

Однако парень он был очень крепкий, выносливый и по молодости считал, что в состоянии перебороть любую болезнь. Поэтому не прекратил тренировок. К тому же в Москве вскоре должны были состояться отборочные соревнования перед первенством Европы и Универсиадой, а Гусев по своим спортивным результатам вполне мог рассчитывать на зачисление в сборную страны. И он, превозмогая недомогание, продолжал тренировки в нарастающем темпе.

И все-таки поехал на соревнования в Москву.

На первой же гонке Гусев, как говорят спортсмены, полностью выложился и... уже не помнил, что было дальше: потерял сознание. Прямо с соревнований его отвезли в больницу, где врачи пришли в ужас. У парня оказалось сильнейшее очаговое воспаление легких...

Потом одна операция, вторая. Разумеется, спорт пришлось бросить. Более того, врачи сказали, что единственным надежным способом излечения — полного излечения! — может быть только жизнь в лесистой местности. В городских условиях могут угрожать рецидивы.

И Гусев, закончив три курса философского факультета ЛГУ, переквалифицировался в сельхозинженера. А когда получил диплом, уехал по распределению в один из самых отдаленных

и лесистых районов Вологодской области — Рослятинский, это еще на сто двадцать километров восточнее Тотьмы, совсем глухомань, особенно в те времена.

Отработав положенный срок инженером в МТС, он в 1958 году решил поступать в ленинградскую аспирантуру. Однако в райкоме партии ему поставили условие: сначала надо достроить новое здание машинно-тракторной станции, а потом ехать учиться. Короче говоря, Анатолий Анатольевич так и не продолжил учебу, а вместо нее четырнадцать лет «пахал» директором крупного совхоза «Рослятинский».

Однако на этом его странствия не кончились. Гусев все-таки перебрался в Ленинград, работал заместителем директора одного из сельскохозяйственных институтов. Но через пять лет понял, что уже не сможет по-настоящему прижиться в большом городе, возвратился в ставшую родной Вологодскую область и принял совхоз «Новленский».

Вот так непросто шел по жизни Анатолий Анатольевич Гусев — не искал для себя легких путей. И в «Новленском» ему тоже приходилось тяжко из-за тех дополнительных сложностей, которые возникали в связи с близостью Кубенского озера.

Директор хорошо осознавал, что у мелиораторов не скоро дойдут руки по-настоящему взяться за культуртехнику, связанную с уборкой камней и корчевкой ивняковых зарослей. Поэтому вместо бесконечных споров и пререканий решил встать на путь сотрудничества с ними. И когда организовали РАПО, предложил создать в своем хозяйстве отряд плодородия, которому надлежало заниматься «сухой» культуртехникой вместо мелиораторов. Выделил для этой цели людей — опытных трактористов, бульдозеристов, и дело осталось совсем за малым: оснастить их специальной техникой.

Вот за техникой-то Гусев и обратился к Юрию Ивановичу Коновалову. Ведь совхоз сам не мог купить «сотки» и Т-130, не положено. Они поступают только в мелиоративные ПМК, чтобы эти дорогостоящие специализированные машины использовали исключительно по их прямому назначению. Совхоз имел право лишь арендовать их у мелиораторов.

Но — по какой цене?

Сельские руководители в последние годы научились считать

копейку, стали тщательно взвешивать на весах экономики каждую «сделку», заключенную с партнерами. Между тем Коновалов вполне мог бы «заломить» приличную цену, потому что ПМК-7 фактически лишалась тех тракторов, которые сдавала в аренду: естественно, их, что называется, доведут до ручки, добьют на засоренных камнями новленских землях, никакой капремонт не восстановит.

И действительно, в прошлом, до создания РАПО, Юрий Иванович запросил бы такую арендную плату, которая полностью покрыла бы стоимость техники. За каждый новенький специализированный трактор Т-130 надо выложить двенадцать тысяч рублей, и у мелиораторов, которые использовали машины очень интенсивно, он окупал себя за три года. Из этого следовало, что Коновалов имел полное право назначить аренду из расчета четырех тысяч рублей в год, что было бы, конечно, дороговато для совхоза.

Но теперь, когда партнеры встали на путь сотрудничества, многое сразу переменилось. Культуртехника, выполняемая силами самих хозяйств, стала выгодной и для мелиораторов. Во-первых, они «экономили» своих механизаторов, используя их на других работах. Во-вторых, в будущем, когда дреноукладчики придут осушать уже расчищенные от кустарника и камней поля, дело у них двинется несравненно быстрее. И наконец самое главное: от роста урожайности в совхозе «Новленский» и вообще во всех хозяйствах, при новой структуре управления, стали зависеть сами мелиораторы, ведь их «привязали» к конечным результатам, получаемым в работе на земле.

Короче говоря, отряды плодородия были выгодными, как на них ни смотри, со всех сторон. И начальник ПМК-7 тоже сделал ответный дружественный шаг: вообще не стал брать с совхоза арендную плату за трактора, попросив хозяйство лишь гасить амортизационные расходы, которые набегали за использование этой техники.

В результате площадь пашни в «Новленском» стала быстро увеличиваться: прибывала за год на четыреста гектаров, причем сто двадцать из них были припаханными — создавались заново, за счет ликвидации западин, межников и ольховых куртин.

Великолепно выглядела и экономика, ведь все дополнительные затраты хозяйства окупались за первый же год.

Расчеты здесь были не сложные. С каждого гектара пашни в «Новленском» получали продукции ежегодно на 612 рублей. И поскольку благодаря культуртехнике начали «работать» сто двадцать новых гектаров, то прибыль от них, как нетрудно подсчитать, составляла за сезон 73 тысячи рублей. А расходы на содержание отряда плодородия, включая амортизационные отчисления, стоимость горючего и зарплату четырем механизаторам, исчислялись только двадцатью тысячами рублей. За один год получали более чем трехкратную чистую прибыль! Причем не считая весомой прибавки урожайности, которую давали 280 улучшенных старопахотных гектаров.

Это и означало хозяйствовать рационально, по-современному. Такая кооперация совхоза с мелиораторами очень наглядно демонстрировала новые возможности, открывшиеся перед аграрным производством благодаря созданию агропромышленных объединений.

Но для Воскобойникова все эти важнейшие, принципиальные перемены, происходившие на его глазах в аграрном производстве, имели еще один, незначительный, но зато сугубо личный аспект: его «сотку» тоже передали совхозным механизаторам. Конечно, она уже повидала виды, однако ухаживал за ней Саня бережно, по графику проводил техуходы и отдал трактор в новые руки с чистой совестью: еще послужит не один год.

А сам пересел на мощный Т-130 в болотном варианте — с широкими гусеницами, которые позволяли трактору передвигаться даже по топям. Эта могучая челябинская машина привела парня в восторг, казалось, перед «болотником» не может возникнуть непреодолимых препятствий. И Воскобойников, что называется, «вкалывал» от души.

Вокруг «Новленского» места тоже были интересные — как под Тотьмой. Совсем неподалеку, по дороге на Вологду, находилось Молочное со своими знаменитыми институтами — учебным и научно-исследовательским. А с восточной стороны к землям «Новленского» примыкали угодья совхоза имени С. В. Ильюшина. Именно здесь родился прославленный со-

ветский авиаконструктор Сергей Владимирович Ильюшин, под руководством которого были созданы и знаменитые фронтовые штурмовики времен Великой Отечественной войны и целое семейство гражданских пассажирских лайнеров «ИЛов». Родом из неприметной вологодской деревни, Ильюшин поднялся высоко, очень высоко. Над всеми континентами летают самолеты с начальными буквами его фамилии на фюзеляже. И благодарные вологжане поставили своему земляку — выдающемуся советскому авиаконструктору памятник в областном центре.

Но особенно привлекало Саню Кубенское озеро, которое казалось ему окутанным тайной.

Мелководное, очень богатое рыбой, оно, конечно, разжигало в нем рыбацкие страсти. Однако Воскобойников прекрасно понимал, что главный интерес к озеру заключается отнюдь не в желании посидеть на берегу с удочкой. И тот факт, что огромный водоем очень сильно влиял на климат во всей округе, тоже был хотя и любопытным, но второстепенным. Несколько раз съездив к Кубенскому, Саня ничего необычного в нем не обнаружил. И наконец пришел к выводу, что манит его не само озеро, а какая-то загадочная дамба, которая пересекала пойму и о которой так много говорили мелиораторы.

И в один из выходных дней Воскобойников на рейсовом автобусе отправился к этой пойме, туда, где на мелиорированных землях создавался комплекс овощеводческого совхоза «Кубенский».

При въезде в новый поселок ему бросилась в глаза высокая кирпичная труба котельни с крупной надписью по окружности: «Тбилиси». Несомненно, этот автограф оставили грузинские строители, ведь по программе развития Нечерноземья в годы одиннадцатой пятилетки сюда приехали посланцы всех союзных республик.

Десятилетиями центральные области Российской Федерации давали добровольцев великим стройкам, разворачивавшимся по всей стране. Парни и девчата из Вологды и Рязани, Калуги и Ярославля, из Перми и Смоленска — из двадцати девяти нечерноземных областей ехали осваивать целину, мчались на

помощь пострадавшему от землетрясения Ташкенту, строили Нурекскую гидроэлектростанцию в Таджикистане, Ингури-ГЭС в Грузии, прокладывали Байкало-Амурскую магистраль. И вот теперь по закону братства вся страна пришла на подмогу Нечерноземью. По автографам, оставленным на новых зданиях школ и клубов, на жилых домах и производственных строениях можно было изучать географию СССР.

Впрочем, не все автографы были видны. Например, в совхозе «Новленский» вместе с механизаторами седьмой передвижной мехколонны работали мелиораторы из Львова. За пятилетку они очень сильно помогли хозяйству, сдав в эксплуатацию сотни гектаров улучшенных полей. Их мастерской росчерк остался в земле, он выложен дренажными трубками осушительных систем. Зато напоминать о шефской бескорыстной помощи львовян будет добрая нива, поднявшаяся на хороших землях.

Видимо, в поселке Кубенском работали не только строители из Грузии, но и из других республик — размах стройки здесь был солидный. Мелиораторы выступали только в качестве генерального подрядчика: создавали основу совхоза — пашню, а специализированные подразделения строителей возводили различные объекты.

Поселок уже на два этажа вылез из земли и прочно, красиво встал вдоль автомобильной трассы, которая шла по высокому откосу. Именно здесь оканчивалась пойма Кубенского озера, хотя непосредственно до воды оставались еще многие километры — ее не было видно.

Правда, не сразу разглядел Саня и саму пойму, ту изначальную, дикую и безлюдную пойму, о которой ему рассказывали. Внизу, под откосом, по которому вилось шоссе, ровными квадратами лежали ухоженные поля: раскинулась махровая зеленая скатерть капусты, шелковистая ботва моркови, ровные окученные грядки картофеля. А чуть в стороне волнами перекатывалось начинавшее бронзоветь ржаное поле, самая радость для глаз.

И лишь очень пристально всмотревшись в даль, разглядел Воскобойников какую-то темную, неряшливую полосу вдоль горизонта. Именно там, за дамбой, удерживавшей напор па-

водковой весенней воды, лежало болотистое, казалось, безжизненное пространство.

К нему вела слегка разбитая дорога, построенная на высокой земляной насыпи. И Саня спустился на нее.

В воскресенье мелиораторы не работали, а потому кругом было очень тихо и пустынно: пока Воскобойников неторопливо и задумчиво шагал среди полей, он не встретил ни единого человека. Наконец Саня приблизился к дамбе: она шла перпендикулярно дорожной насыпи и отрезала от поймы тот большой, площадью примерно в тысячу гектаров кус земли, который уже был полностью очищен от растительности, осушен, обильно удобрен и превращен в плодородную пашню,— любо-дорого смотреть!

А где-то далеко-далеко с левой стороны, у самой кромки полей, белела основная, бетонная дамба. Она должна была описать гигантскую дугу, точнее, полукруг, и вонзиться в откос где-то справа. Саня мысленно представил себе циферблат часов — обычных, классических, со стрелками, а не электронных со световой индикацией. Бетонной дамбе предстояло пройти путь от цифры «9» до цифры «3», но пока она остановилась примерно лишь на цифре «11», и нетрудно было понять, какая огромная работа еще ждет мелиораторов впереди. Если бы не временная земляная дамба, по кратчайшей прямой соединившая цифры «10» и «2», не скоро дождались бы здесь урожаев.

Наконец Саня дошагал до конца дороги, внезапно оборвавшейся, когда насыпь уперлась в дамбу, и замер от странного чувства, которое охватило его.

У его ног лежало угрюмое и дикое пространство, какая-то неведомая земля Санникова. Вода уже начала сходить, оставив после себя болотистые кочки, из которых колюче торчали во все стороны жесткая осока и куртины ивняка, ольховника. Нигде не проглядывалось ни единой полянки, ни живой травинки — только неряшливые, неопрятные высокие заросли, куда и ступить-то было страшно. Сто сорок дней в году эта земля находилась под водой, не считая зимнего времени,— что же тут могло быть еще, кроме сплошных болот?

Воскобойников оглянулся назад, на ровные квадраты полей,

и даже головой встряхнул: не сон ли это? По разные стороны дамбы лежали два различных мира — дикий, неприбранный, бесплодный и культурный, ухоженный, плодоносящий. Дамба узкой полоской делила пространство на «раньше» и «теперь», на «до» и «после». Никогда в жизни Саня еще не видел столь наглядно великую, преобразующую землю деятельность человека.

И его снова, как в первые дни работы с землей, наполнило чувство гордости за свою профессию: ведь земля дикая — это до мелиораторов, а земля культурная, ухоженная — это после них.

Вдруг в зарослях осоки показался какой-то пожилой человек в болотных сапогах, стареньком бязевом пиджачке и кепке со сдвинутым набок козырьком. Чертыхаясь, он стал карабкаться на дамбу.

— Понастроили тут...— донеслось его громкое ворчание.— Всю пойму испохабили.

У Сани даже глаза полезли на лоб от таких слов. Промолчать он, конечно, не мог, тем более что незнакомец явно адресовал свое неудовольствие именно Воскобойникову: ни одной другой живой души ближе чем за две версты не было.

— Что вы, папаша,— сказал он.— Да вы посмотрите, какие теперь тут поля!

— Поля, поля...— отдувался тот, взобравшись, наконец, на дамбу.— Что мне твои поля-то? У меня в огороде своя капуста растет. А пойму вот кубенскую губят. Здесь такая была охота, такая охота!

Он даже задохнулся, видимо, от нахлынувших на него приятных воспоминаний. Потом продолжал:

— Все только и говорят: берегите природу, берегите природу. В газетах об этом пишут, по телевизору тоже. А где ж ее берегут? Изводят пойму, прямо на глазах изводят, смотреть больно. Ведь здесь такой чирок водится, такой чирок!

И снова зло чертыхнулся.

Воскобойников стоял обомлевший и не перебивал. Вот оно как бывает! Чирок, которого этот человек бил здесь на лету и, наверное, сверх всяких охотничьих лицензий, для него

дороже, чем целый совхоз «Кубенский», который будет снабжать овощами всю Вологду. Вот это да-а... Саня был потрясен вдруг открывшейся ему бездной человеческого эгоизма, никогда прежде он ничего подобного не слышал. И главное, этот браконьер — конечно, браконьер, разве может честный человек так рассуждать! — прикрывается святым делом охраны природы. Ну и чу-у...

Саня не знал, как поступают в таких случаях. Если бы это говорил, допустим, Ильюха Головин, то все было бы ясно: без лишних дискуссий двинул бы ему как следует, чтобы мозги вправить, и все. Но тут пожилой человек, в отцы годится, и несет такую чушь. А сказать ему, что он чушь городит, нельзя, неудобно — все-таки старший. Это удерживало Саню от резкости.

А «папаша», почувствовав замешательство парня и, видимо, решив, что уже обращает его в свою веру, продолжал и продолжал разглагольствовать по поводу гибнущей природы, ненужной капусты, которой на рынке полно, и великолепной охоты, какой славились эти места.

Саня слушал его вполуха, а больше думал о том, как ответить. Хуже всего иметь дело с незнакомым человеком. Выведать бы, кто он такой, и стало бы понятно, почему он так рассуждает. А если этот мужчина сам на рынке капусту втридорога продает и потому противится созданию овощного совхоза?

И вдруг Воскобойникова осенило: ведь мужчина тоже не знает, с кем он имеет дело, кого пытается «обработать» своими сомнительными рассуждениями. И вместо того чтобы спорить, доказывать, убеждать — такого все равно уже не перевоспитаешь,— надо прежде всего представиться. Пусть он поймет, что лезет не в тот вагон, что не найдет сочувствия и поддержки, пусть ему стыдно станет за его эгоизм.

Спокойно, вежливо Саня сказал:

— А вы знаете, ведь я по профессии мелиоратор.— И неожиданно для себя самого добавил: — Как раз я и строил эту дамбу, чтобы были здесь совхозные поля.

Теперь несколько ошеломленным выглядел мужчина, который никак не ожидал такого поворота событий. Раз этот парень

не только не стесняется своей причастности к строительству дамбы, а, наоборот, гордится этим, значит, все слова о ненужной капусте и прочем отскакивали от него, словно горох от стенки. Расчет Сани оказался верным: незнакомец, безусловно, начал испытывать неловкость, создалось впечатление, что он просто-напросто в лужу сел со своими откровениями. И Воскобойников сразу ощутил свое моральное превосходство.

— Ну ладно, времени у меня нету с тобой тут лясы точить,— после небольшой паузы сказал мужчина, наверняка осознав всю нелепость путаных и пространных рассуждений перед этим парнем, который, видимо, хорошо знал свое дело. Поправил кепку, повернув ее козырьком вперед, и быстро пошел по насыпи к шоссейной дороге.

Саня никогда так и не узнал, кем был тот случайный встречный-поперечный. Но странный разговор запомнился крепко. Оказывается, на одни и те же, казалось бы, совершенно ясные и очевидные вещи люди могут смотреть по-разному. И надо быть твердым в отстаивании своей точки зрения. А уверенность, твердость приходят тогда, когда человек начинает ощущать себя мастером своего дела, когда он знает и умеет по-настоящему. Именно профессиональное мастерство помогает стереть возрастные различия и заставляет старших прислушиваться к мнению молодых, делает это мнение авторитетным.

И все-таки, как ни странно, в разговоре на дамбе промелькнуло нечто такое, что не прошло для Сани совсем бесследно. Конечно, по части «изведенной поймы» тот мужчина был не прав, наоборот, ее земля, топкая, гиблая, заросшая бесполезным кустарником, бесхозная, несомненно нуждалась в улучшении — ведь это же не заливные луга, распашка которых нежелательна. Но в целом к преобразованию природы надо относиться очень осторожно, чтобы не навредить ей.

Между тем мелиораторов нередко упрекали за то, что они «лечат и калечат» одновременно. Такие упреки чаще всего диктовались либо полным непониманием существа их землеустроительной деятельности, либо чисто личными, местными

интересами — вроде того охотника, который ради своего увлечения требовал оставить кубенскую пойму в первозданном состоянии.

Воскобойников сталкивался с таким отношением и в совхозе «Новленский». Пожилые бабуси из деревни Еремеево чуть ли не палками гоняли мелиораторов за то, что по соседству они корчевали кустарник и осушали вымочки. Среди кустов росла трава, на которой издавна паслись деревенские козы,— коровам, конечно, этого жалкого корма не хватало. А главное, именно под кустиками в очень больших количествах гнездились и летние и осенние грибы. В дальний лес ходить было незачем, полные лукошки набирали совсем рядом с домом, за полчаса. И когда мелиораторы принялись за расчистку этого места, чтобы превратить его в пашню, бабуси яростно запротестовали, опять-таки вполне по-современному подняв крик о «загубленной природе». Даже письма слали в редакции газет, требуя прекратить осушение.

Но разумеется, в этом случае природе не только не наносили ущерба, а, наоборот, улучшали здешний климат, делая его суше, здоровее. Что же до грибов, то ничего тут не поделаешь,— еремеевские грибы действительно исчезли. Но ведь зато вместо них сколько стали производить зерна! Разве можно сравнить? В конце концов, пусть любители-грибники отправляются в леса, ведь лесные массивы не трогают, не корчуют.

Однако бывали все же случаи, когда упреки в адрес мелиораторов оказывались справедливыми: то зарегулируют сток какой-нибудь маленькой речушки, из-за чего исчезает в ней рыба, то залезут в верховое клюквенное болотце с пушистым мхом и неразложившимся торфом, где в изобилии растет «северный виноград». Потом начинали разбираться, и никто не мог толком объяснить, как это получилось. Но всегда выходило, что допущена оплошность. И хотя за такие ошибки в проектировании кому-то здорово доставалось, утешением служило то, что это все-таки только ошибки, а не система.

В конце концов, не ошибается лишь тот, кто не работает.

А система заключалась в том, что каждый мелиоративный

проект проходил соответствующую экспертизу и согласовывался с Обществом охраны природы.

Обо всем этом тоже можно было бы и не задумываться, вкалывать, делать план, и все. Пусть где-то наверху разбираются, кто прав, а кто виноват, простой механизатор выполняет указания прораба, с него взятки гладки. Но в таком случае работа теряет смысл и интерес, превращается всего лишь в заработок денег. И зачем же тогда, размышлял Саня, он метался, искал дело по душе? Остался бы в Петровке и колымил бы так же, как Ухорез Ильюха Головин.

Правда, непосредственно от самого Воскобойникова практически ничего не зависело по части проектных решений. Но он старался во все вникнуть, разобраться в каждой мелочи, пытался понять причины и следствия тех разнообразных и многочисленных природных явлений, которые то и дело возникали при работе с землей.

Это было интересно, очень интересно, но не всегда понятно. И поэтому он не сомневался, что рано или поздно пойдет учиться в сельхозинститут.

Конечно, Саня не пробовал, например, предугадать, как мелиорация, проведенная на одном поле, может аукнуться на соседнем. А иногда она понижает общий уровень грунтовых вод, и это ведет к излишнему пересыханию почвы. Такие тонкости не всегда в состоянии учесть даже инженеры. Но зато были и такие вопросы, над которыми Саня всерьез ломал голову, стремясь что-то улучшить.

К ним, конечно же, относились «мертвые зоны», остававшиеся на полях после прокладки дренажных трубок. Они были явным дефектом технологии осушения и мешали сразу же получать высокие урожаи. Вдобавок восстановление испорченного слоя гумуса обходилось очень дорого, влекло за собой огромные транспортные издержки.

Неужели нельзя так прокладывать дренаж, чтобы не выворачивать наружу кубометры глины? Этим вопросом, который пытались решить многие поколения мелиораторов, задался и Саня Воскобойников. Он прикидывал различные варианты, но вскоре узнал, что «изобретает велосипед». Оказывается, в Эстонии уже начали выпускать принципиально новый тип

экскаватора-дреноукладчика: он не роет траншеи, а специальным ножом раздвигает землю, делает в ней глубокий надрез, укладывает в него полиэтиленовый шланг, сходящий с большого барабана, как толстый кабель. Нож движется дальше, и земля за ним тут же сходится, надрез затягивается.

Примерно по такому же принципу в деревнях шпигуют чесноком сало.

Когда Воскобойников впервые услышал о существовании удивительного дренажного экскаватора, сохраняющего в неприкосновенности гумус, его первым, инстинктивным желанием было мчаться к Коновалову и сурово спросить с начальника ПМК, почему же у них в колонне не применяется это чудо техники. Однако более опытные мелиораторы тут же объяснили Сане, что, к сожалению, этот экскаватор пока несовершенен и не может работать на всех почвах. Тяжелые вологодские глины он не берет, да и полиэтиленовый шланг в таких грунтах слабо фильтрует воду.

И перед Саней Воскобойниковым впервые за его двадцать с небольшим лет встала настолько важная и интересная задача, на решение которой ему не жаль было потратить всю свою жизнь: сделать бестраншейный экскаватор-дренажник универсальным!

Само собой, он понимал, что на это потребуются многие годы учебы и труда. Но парадокс заключался в том, что, оказывается, уже само стремление к благородной и высокой цели делает человека другим — более серьезным, взрослым. И это сразу замечают окружающие люди.

А потому в жизни Воскобойникова произошла одна, казалось бы, незначительная, однако на самом деле весьма и весьма существенная перемена. Дело в том, что и в школе, и в армии, и в мелиоративной ПМК его раньше всегда называли либо по фамилии, либо Саней. Только Саней, и никак иначе. Так обращались к нему родители и друзья, так он называл себя сам, знакомясь с девчонками. Это имя было как бы деревенской кличкой, отличавшей Воскобойникова от сверстников-тезок. Например, в Петровке было еще два Александра — Терентьев и Кулаков. Одного из их называли Сашкой, а другого Санькой. И получалось все очень хорошо: если говорили про Сашку, все

понимали, что речь идет о Терентьеве, если про Саньку — значит, имели в виду Кулакова. А если про Саню, то, выходит, разговор шел про Воскобойникова.

И вдруг какое-то новое, непривычное имя резануло слух Сани — поначалу казалось, что товарищи по прорабскому участку обращаются не к нему, а к кому-то другому, он даже не сразу реагировал на оклик.

Его стали называть Александром.

Это было удивительно, странно и... очень приятно. Саня — мальчик, а Александр — взрослый человек. Ильюха Головин, если не переменится, то, возможно, на всю жизнь, до седых волос так и останется Ильюхой, думал Воскобойников, а он, Саня, уже стал Александром.

Он чувствовал, что вступает в новую, прекрасную пору своей жизни, и со снисходительной улыбкой вспоминал те времена, когда ему приходилось прятаться за спасительным «А там видно будет...».

Теперь Александр Воскобойников не испытывал ни малейшего беспокойства за свое будущее.

В пойму Кубенского озера Александра перевели в феврале 1983 года — по личному указанию Коновалова. Юрий Иванович, видимо, запомнил просьбу, высказанную Воскобойниковым в день поступления на работу, однако решил для начала основательно «обстрелять» парня в более спокойных делах. И наконец пришел к выводу, что испытательный срок кончился.

Пользуясь холодами, мелиораторы широким фронтом сооружали следующую земляную дамбу: она должна была «отхватить» от затопляемой поймы еще один солидный кусок земли — примерно пятьсот-шестьсот гектаров, участок, который назывался Долгая Курья,— текла здесь такая речушка. Люди спешили, к весне предстояло окончательно изолировать эту площадь от паводковых вод, и тогда можно было бы спокойно приступить к ее расчистке от кустарника и осушению.

Впрочем, для полного спокойствия требовалось соорудить еще и временную насосную станцию, чтобы перекачать талые воды из огражденного дамбой участка в озеро. Собственно

говоря, именно по такому же принципу действуют и строители гидроэлектростанций: подготавливая для сооружения плотины сухой котлован, временно меняют русла рек.

Весна по долгосрочным прогнозам ожидалась быстрая и теплая, с бурным таянием снегов, а значит, и с высоким, мощным разливом. Настроение у Коновалова и других руководителей ПМК-7 было тревожным, ведь раньше мелиораторам никогда не приходилось строить такие сложные земляные сооружения, настоящего опыта они еще не накопили.

Правда, за основную, бетонную, дамбу никто не волновался — уж она-то выдержит наверняка, на века строится. И это не было просто красивым сравнением. Официально, по проектной документации, постоянная дамба именовалась «однопроцентной». Иными словами, перехлестнуть через нее вода могла только один раз в сто лет — именно с такой периодичностью, по данным метеорологических наблюдений, на Кубенское озеро приходит небывало высокий, катастрофический паводок, способный полностью нарушить привычный баланс.

Так что за бетонное сооружение головы не болели. Но всех волновал вопрос: как поведут себя дамбы земляные?

Между тем в первой декаде апреля стало ясно, что синоптики не ошиблись. Сухона вскрылась раньше обычного и понесла свои воды в озеро, еще покрытое льдом. Кубенское вышло из берегов, стало разливаться быстро, напористо, необозримо.

Было решено на всех дамбах установить круглосуточные посты наблюдения.

А на осушенных, защищенных первой пятикилометровой земляной насыпью полях уже началась подготовка к весенним работам: земля просыхала здесь быстро. Лишь перебравшись в пойму Кубенского, Воскобойников узнал, что осушенный участок носит очень красивое, хотя и непонятно откуда здесь взявшееся название — Кологорье. Никаких гор в округе не было и в помине. Может быть, это стародавнее название происходило от слова «горе»? Оно было бы более уместно, края тут испокон веку считались бедственными, горемычными. А

потом кто-то смягчил слово мягким знаком, и оно приобрело совсем иной смысловой оттенок.

Снег сходил быстро, и вскоре стало видно, что часть кологорьевских угодий засеяно озимой рожью. Она отлично перезимовала под пышными сугробами и радовала глаз малахитовой зеленью — сплошной шелковистый ковер площадью в триста гектаров, расстилавшийся в длину на два километра, а в ширину на полтора.

Еще при первом посещении кубенской поймы Александр обратил внимание на большие штабеля металлических труб, лежавшие вдоль полей. В тот раз он так и не понял их предназначения, но теперь знал, что все новопахотные земли создаются в совхозе с двойным регулированием — их не только осушают, но и приспосабливают для орошения, благо вода-то под боком, в озере. А овощам, известно, нужна избыточная влага, даже при нормальном, отнюдь не засушливом лете их необходимо поливать.

И уже ранней весной на овощных плантациях начался монтаж огромных «Фрегатов», этих самодвижущихся труб на колесах, которые за один проход способны оросить полосу пашни шириной без малого восемьсот метров. Колоссальная производительность!

В наступившей распутице работать мелиораторам было необычайно трудно. Даже мощные трактора порой вязли в текучей глинистой почве, а люди, разумеется, не вылезали из высоких болотных сапог. Именно здесь, в угрюмой, нежилой, посещаемой только охотниками — да и то в основном весной, на лодках,— пойме с особой силой ощущалось, что мелиораторы действительно являются Первопроходцами — в самом буквальном, высоком и благородном смысле этого понятия.

На их долю выпадали особые трудности, порою вполне сопоставимые с героизмом тех, кто прокладывал Байкало-Амурскую магистраль. И отнюдь не случайно большинство парней и девчат, которые в составе Всесоюзного ударного комсомольского отряда ежегодно отправлялись претворять в жизнь программу развития Нечерноземья, приходили именно в мелиоративные ПМК, где работа, пожалуй, самая романтичная, хотя и наиболее трудная.

Да и сам смысл профессии мелиоратора — улучшать землю! — оказался настолько привлекательным, что Александр Воскобойников в который раз благодарил судьбу за ту случайную встречу с Юрием Ивановичем Коноваловым, которая, как становилось все яснее, определила его дальнейший путь. Ведь он всегда мечтал быть первопроходцем и просто не знал, что это желание, прочно связанное в сознании с далекими, неизведанными и нехожеными краями, вполне совместимо с жизнью в знакомой, родной вологодской стороне.

А теперь перед Воскобойниковым открывались хорошие перспективы: и отдаленные, как, например, учеба в институте, и близкие. Став отличным трактористом и бульдозеристом, Александр хотел поскорее овладеть еще одной привлекавшей его специальностью — он искренне завидовал машинисту ковшового экскаватора Сергею Митину, который виртуозно управлял большим, с виду неповоротливым механизмом и, казалось, мог зачерпнуть им даже щепотку соли, не повредив при этом солонку.

Митин был лишь несколькими годами старше Воскобойникова — собирался отпраздновать свое тридцатилетие. И вообще судьбы у них оказались очень схожи: Сергей тоже родился в вологодской глубинке, неподалеку от Кубенского озера, всего пять лет назад случайно, для пробы, пришел в мелиоративную ПМК, но увлекся интереснейшим делом и вскоре стал одним из лучших экскаваторщиков седьмой мехколонны. Он работал не только качественно и высокопроизводительно — этими словами его характеризовало начальство,— но так же и ловко, как-то очень лихо, с огоньком. Пожалуй, именно это более всего привлекало Воскобойникова.

В общем, Митин действительно был из племени первопроходцев, и Александр мысленно равнялся на него.

Однако судьба первопроходцев тем и примечательна, что на их долю порой выпадают особые испытания.

Тот, кто идет впереди, обязан всегда быть готовым к подвигу.

Земляную дамбу прорвало в два часа ночи 30 апреля 1983 года.

В три часа ночи Юрий Иванович Коновалов уже был на месте происшествия.

Его разбудили телефонным звонком. Одеваясь на ходу, начальник ПМК бросился в дежурную машину и на предельной скорости помчался из Сосновки к Кубенскому озеру.

Пойма лежала в кромешной тьме, но издавала какой-то неясный, грозный шум, по которому можно было сделать вывод, что прорвавшаяся вода хлестала с неимоверной силой. Замеры, сделанные 29 апреля, показывали: до верха дамбы остался только один метр, и, значит, перепад между уровнем паводка и засеянными полями составлял никак не меньше двух метров. Коновалов без труда представил себе падающий с этой высоты водопад.

Дамбу прорвало на седьмом пикете, примерно в полукилометре от того места, где она стыковалась с насыпью автомобильной дороги. Однако добираться к прорану пришлось кружным путем — через основную, бетонную дамбу. И когда Юрий Иванович наконец приблизился к нужному пикету, когда при свете автомобильных фар впервые взглянул на то, что произошло, ему стало не по себе.

Мощный, бурлящий поток, пенясь, стремительно низвергался на осушенные поля Кологорья. Он не только размыл и снес дамбу на восемь метров по фронту, но успел уничтожить и ее основание, вырыв канал глубиной пять метров.

Это была неудержимая, неукротимая весенняя горная река. Высокий паводок, разлившийся поистине необозримо — ведь непосредственно до Кубенского озера оставалось еще четыре километра,— напирал так мощно, что казалось, в мире не найдется сил, способных остановить этот бешеный поток.

Вскоре появились начальники всех инженерных служб ПМК-7. Срочно прибыл к месту происшествия и начальник вологодского объединения мелиорации Георгий Георгиевич Гулюк. Тут же создали штаб по борьбе с прорвавшимся паводком, стали коллективно разрабатывать различные варианты ликвидации прорана. Это была первая и главная задача, потому что буквально с каждой минутой дамбу размывало все сильнее. Конечно, никто и в мыслях не допускал, что ее может вообще

снести, однако мелиораторы понимали, что от быстроты и решительности их действий будет зависеть спасение трехсот гектаров озимой ржи. Если поля успеет полностью затопить, урожай погибнет.

К утру уже была сформирована аварийная команда из лучших, самых опытных механизаторов, которая немедленно предприняла попытку закрыть проран.

В нее включили и Александра Воскобойникова.

Прежде всего необходимо было подтянуть к прорану тяжелую землеройную технику. Но сделать это оказалось не так-то просто, потому что плавсредствами мелиораторы не располагали, а единственной ниткой, связывавшей седьмой пикет с шоссейной дорогой, была узкая дамба. Вдобавок забетонирована она была еще не полностью, часть сооружения пока оставалась просто насыпной — кучей земли, и ее пришлось срочно разравнивать.

И все же первую атаку на разбушевавшийся паводок успели предпринять в тот же день — 30 апреля. Подталкивая груды земли бульдозерами, пытались понемногу засыпать, сузить проран. Однако не тут-то было. Бурный поток немедленно смывал сыпучую почву, бульдозеристы как бы балансировали на лезвии ножа, в любую минуту грунт под тяжелыми машинами мог поплыть, и существовала реальная опасность кувырнуться вниз, в воду.

Становилось ясно, что укротить поток можно только очень трудоемким классическим способом заделывания проранов — тяжелыми мешками с песком. Поток не сможет сдвинуть их с места, они создадут первую преграду на пути воды, утихомирят ее, а потом уже можно будет прочно засыпать поврежденное место, полностью восстановить дамбу.

Но не существует машин, которые набивали бы мешки песком и укладывали бы их на дно прорана, это приходилось делать исключительно вручную.

Битва на дамбе кипела двое суток подряд безостановочно. Утром, днем, вечером и ночью при свете фар, прожекторов люди упорно копошились в вязком глинистом месиве, сражаясь со стихией. Часами по колено стояли в студеной весенней воде, если поток начинал размывать поднимавшуюся стену, своими

телами закрывали брешь, давая возможность товарищам быстро подтащить новые мешки. Перерывов на обед, конечно, не было. Питание на машинах привозили прямо к прорану, и ели по очереди, второпях, чтобы работа не останавливалась ни на минуту.

Никого не приходилось понукать, просить. Это был истинный аврал, когда приказы начальников заменяются чувством локтя товарища, когда главным контролером для каждого становится собственная совесть, когда все сплочены в едином порыве.

Для мелиораторов это был час испытаний. Ибо в этих особых, экстремальных условиях проходили истинную проверку и каждый из них в отдельности, и коллектив в целом.

И в то же самое время это был их звездный час, время наивысшего духовного взлета, рожденного общим энтузиазмом.

Юрий Иванович Коновалов находился на дамбе неотлучно, полностью разделял все тяготы со своими парнями. Он видел их самоотверженность и в глубине души гордился такими славными, бесстрашными, горячими в работе людьми. Но сам, будучи человеком беспредельно скромным, считал, что ничего особенного вроде бы и не происходит,— ну, трудятся ребята хорошо, на совесть, а как же иначе?

Между тем это был настоящий героизм.

Однако силы человеческие имеют предел, к тому же мелиораторов было слишком мало для борьбы с таким мощным паводком. В какой-то момент Юрий Иванович стал замечать, что работа как бы забуксовала. Воде закрывали путь в одном месте, но она прорывалась в другом. Бросались с мешками туда, а поток быстро размывал еще одну щель. Чувствовалось, что срочно нужна помощь — десятки крепких молодых рук, которые набивали бы землей в два, в три раза больше мешков и укладывали бы их в проран.

И по просьбе мелиораторов, как всегда бывает при стихийных бедствиях, на подмогу пришли воины Советской Армии. Они включались в работу сразу, с ходу, едва спрыгнув с грузовиков, словно шли в атаку. Это был мощный, неудержимый штурм. И лица у всех, кто находился на дамбе, посветлели. Хотя вода еще продолжала быстро заходить на кологорьевские

угодья, чувствовалось, что вот-вот натиск ее ослабнет, поток иссякнет, потому что проран начал быстро сужаться.

Вот где особенно пригодилось мастерство Сергея Митина, который черпал грунт для набивки сотен мешков из запасных «карманов», заранее и специально припасенных как раз на такой экстренный случай. А то — где же взять сухую землю для заделки прорана? С одной стороны — сплошная вода, с другой — вязкая, начинающая болотисто набухать пашня, куда тоже невозможно спустить технику, она тут же намертво завязнет, с места не сдвинется.

Наконец поток был полностью остановлен. В дело уже снова вступили бульдозеры и экскаваторы, которые не мешками, а глыбами сбрасывали в проран землю. Вода пыталась еще сочиться кое-где слабенькими ручейками, но очередной ковш грунта сразу сваливался на опасное место и надежно закрывал щель. Накал работы начал спадать, люди почувствовали усталость. И вдруг именно в эти минуты, когда первый этап сражения с паводком заканчивался, кто-то громко и радостно крикнул:

— Братцы! Да ведь сегодня Первое мая!

Да, было Первое мая, большой и любимый праздник труда, который мелиораторы и встретили в труде — необычном, сверхнапряженном, героическом.

Но закрытие прорана было не концом, а только началом авральной работы на дамбе. Предстояло экстренно смонтировать пять насосных станций и с их помощью откачать с полей прорвавшуюся воду. Триста гектаров — слишком большая площадь, и хотя поток в проране бушевал почти двое суток, он не сумел затопить посевы, а лишь избыточно напитал влагой почву.

Выходные отменили полностью, как было сказано в приказе начальника ПМК, их можно было либо присоединить к отпуску, либо использовать в качестве отгулов. Впрочем, никто из мелиораторов и не думал о том, чтобы хоть на день отлучиться с дамбы: укрощение паводка продолжалось, хотя, конечно, необходимость в круглосуточной работе уже отпала. Слесари-монтажники быстро собирали мощные насосные станции, перекидывая трубы от них через дамбу в затопленную часть

поймы, а трактористы, бульдозеристы, экскаваторщики продолжали укреплять насыпь, создавали новые «карманы» с запасным грунтом на случай любых неожиданностей — таковы требования технологии сооружения земляных дамб.

Но крайняя степень напряжения, которую испытывали люди в дни перекрытия прорана, ушла. Во время обеденных перерывов, когда все собирались вместе, ребята с явным удовольствием, с шутками и смехом вспоминали горячие денечки, и чувствовалось, все они испытывали огромное удовлетворение оттого, что участвовали в двухсуточной битве на дамбе и сумели укротить поток. Таких эпизодов в жизни каждого бывает не так уж много, они становятся как бы зарубками, вехами, памятными узелками судьбы.

Александр Воскобойников все время работал на дамбе, а поэтому хорошо видел, как постепенно уходила вода из Кологорья, как прямо на глазах подсыхала почва и на майском тепле выпрямлялись, тянулись вверх ржаные посевы. Никогда ни одно поле не вызывало в нем таких трогательных чувств, как это — наверное, потому, что он участвовал в его спасении.

А жизнь быстро входила в нормальную колею. Авральная команда постепенно сокращалась. Снова начались работы на бетонной дамбе, на участке Долгая Курья — там насыпь не пострадала от паводка, и речь шла только об откачке талых вод. Мелиораторы все активнее переключались на повседневные дела, суть которых все же никак нельзя было считать будничной.

Они улучшали землю!

Но Воскобойников оставался в авральной команде до самого последнего дня ее существования, пока не удалось ликвидировать все последствия того неприятного сюрприза, какой накануне Первого мая преподнесло мелиораторам Кубенское озеро.

А закончили они все работы 9 Мая, в День Победы.

Этот великий, всенародный праздник, как и Первое мая, мелиораторы ПМК-7 тоже встречали на дамбе. Но обстановка была уже совсем иная, аврал подошел к концу, и все гордились тем, что в такой знаменательный день завершают трудную, напряженную, необычную работу.

Снова на седьмом пикете собрались почти все, кто трудился в пойме Кубенского озера. Конечно, приехал Юрий Иванович Коновалов — разве мог он остаться дома без своих парней в такой момент? Вместе несли круглосуточную вахту, вместе переживали, волновались — значит, и радость на всех одна.

И когда, наконец, экскаваторщик Сергей Митин по праву лучшего поставил последнюю точку, мелиораторы прямо на дамбе отметили праздник.

Они отмечали великий День Победы.

И одновременно скромный, но запомнившийся каждому на всю жизнь день своей победы.

ДОМ МАТРЕНЫ БЕКЕТОВОЙ

Заклятой лес тянется километров на пятнадцать, и есть в нем такие дебри, что даже местные жители опасаются забредать в них. Сумрачно и мшисто в Заклятом лесу. Санитарные рубки в нем никогда не проводили, валежник не убирали десятилетиями, и ногу на поваленный ствол надо ставить осторожно — чтобы не провалиться: внутри гниль, труха. Редкая, небольшими полянками трава здесь темно-зеленого, а то и голубоватого неестественного цвета, дорогу часто преграждают овраги с медленными ручьями, которые иногда застаиваются и образуют топи.

В это дремучее, буреломное чернолесье люди не ходят за грибами и ягодами: земляники здесь нет вообще, а из благородных грибов попадаются в основном лишь подосиновики да подберезовики, но немного. Только осенью, если созревает хороший урожай орехов, отправляются в Заклятой лес ватаги по шесть-семь человек, не меньше. Шумом, криками и песнями, горланя на все лады, подбадривая себя, разгоняя зловещую тишину и не позволяя никому заблудиться, люди занимаются

трудным делом: одной рукой гнут к земле упрямые пятиметровые стволы орешника, а другой хватают усыпавшие их гроздья фундука. Зато возвращаются домой с богатой добычей, измеряемой мешками, рюкзаками.

Конечно, охота в Заклятом лесу прекрасная. Но даже с ружьем сюда в одиночку отправляются редко. Одно название чего стоит!

В годы Великой Отечественной войны здесь шли упорные бои с фашистами: до сих пор опушки Заклятого леса изрезаны полузаросшими окопами, траншеями и ходами сообщения. Даже в дебрях нередко встречаются глубокие воронки с черной затхлой водой, которая стоит в них с весны до осени. Солнечные лучи сюда почти не проникают. На полях — звенящий июльский зной, а в Заклятом лесу — прохлада и сырость.

И хотя уже сорок лет минуло со времени окончания войны, Заклятой лес остался таким же таинственным, нехоженым, буреломным, как раньше. Народнохозяйственного значения он не имеет — древесина здесь малоценная, поэтому леспромхоз не прокладывает там просеки. А люди по-прежнему стараются обходить чащобу стороной.

Вот такие здесь места.

А между тем, если взглянуть на географическую карту, то нетрудно выяснить прелюбопытнейшее обстоятельство: до Москвы — даже не до кольцевой автодороги, а до самого центра столицы, откуда официально начинается отсчет дорожных расстояний,— от Заклятого леса совсем недалеко. Если мерить по прямой, то, наверное, и ста километров не будет, на вертолете лететь минут пятнадцать — двадцать. Если же колесным транспортом, то ехать часа два, ну от силы два с половиной.

И такие «таежные» дебри!

Находится Заклятой лес в Тарусском районе Калужской области — на самой границе с Московской. И самим своим существованием как бы напоминает о том, какие непроходимые чащобы окружали в далеком прошлом первые поселения Московского княжества. Ведь возраст у Тарусы весьма почтенный, она лишь чуть-чуть моложе Москвы, в 1987 году справит свое восьмисотлетие. И хотя по нынешним меркам Таруса со своими

пятью тысячами жителей не потянула бы даже на поселок городского типа, во всех административных справочниках и на географических картах этот небольшой приокский райцентр гордо числится городом. А в обиходе — просто небольшим городком, который издавна привлекает своей особой среднерусской красотой художников и поэтов.

И есть в Тарусском районе, совсем неподалеку от Заклятого леса, деревня Селиверстово. Деревня как деревня, с тем, пожалуй, единственным отличием от многих других, что петухи здесь кричат сразу на две области: и в Калужской их слышно, и в Московской.

Когда-то давным-давно через Селиверстово вел шумный тракт, по которому из столицы мчались тройки в Калугу: на территории Тарусского района он пролегал через Болтоногово, Полукнязево, Борятино. Однако новые автомобильные дороги прошли стороной — через Серпухов, и стало Селиверстово, как и многие другие тарусские деревеньки, бездорожным, со всеми вытекающими из этого не очень-то веселыми обстоятельствами и последствиями. Особенно в ту весеннюю пору, когда проселки превращались почти в непроезжее месиво.

Однако это не испугало Матрену Васильевну и Ивана Кузьмича Бекетовых, которые перед самой Великой Отечественной войной решили переселиться в Селиверстово из Липецкой области,— они привыкли к бездорожью, по тамошним черноземам весной тоже нельзя было проехать. Почему Матрену Васильевну и Ивана Кузьмича, а не наоборот? Да потому, что обычно принято сперва называть главу семьи, у Бекетовых же главой, безусловно, была мать, все вертелось вокруг нее. Иван Кузьмич добровольно, с полным доверием отдал ей семейное первенство, и жили они душа в душу.

Приехали Бекетовы с двумя маленькими детьми — со старшей дочерью Ниной и младшим сыном Алексеем. Еле-еле, в голоде и лишениях перебедствовали войну: три месяца шли у Заклятого леса и у деревни Льгово бои, это совсем рядом с Селиверстовом. А когда кончилось лихолетье и жизнь постепенно вошла в мирную колею, у Матрены Васильевны и Ивана Кузьмича родились еще двое сыновей — Владимир и Сергей. Дом Бекетовых в Селиверстове был полон жизни

и служил как бы барометром быстрого послевоенного возрождения русской деревни.

Селиверстово находилось на территории тарусского колхоза «Большевик», центральная усадьба которого располагалась в селе Некрасово. Матрена Васильевна поступила дояркой на молочную ферму, а Иван Кузьмич летом пастушил, зимой трудился скотником на той же селиверстовской ферме. Бекетовы работали с огоньком, и семья у них была дружная, крепкая, чему очень радовалась мать.

Благодаря своей особой духовной силе и стойкому, закаленному в борьбе с трудностями характеру Матрена Васильевна сплачивала вокруг себя семью и надеялась, что впереди ее ждет желанная награда за все крестьянские тяготы, выпавшие на долю ее поколения,— хорошая, спокойная жизнь среди детей и внуков в родном доме.

Однако радовалась Матрена Васильевна недолго.

За рекой Протвой — только перейди пешеходный мосток! — уже на территории Московской области, с которой граничат земли колхоза «Большевик», начали строить новый город науки Протвино — уютный, современный, красиво раскинувшийся в сосновом бору. И этот очень комфортабельный спутник Серпухова, который впоследствии прославился своими гигантскими синхрофазотронами, окончательно подкосил Селиверстово, Некрасово, Исканское и десятки других окрестных деревень: их жители, в первую очередь молодежь, дружно двинулись из села в новый, растущий город, которому позарез требовались рабочие руки.

Процесс этот был закономерным и в пятидесятые — шестидесятые годы охватил всю страну. Сразу после войны, по данным справочников ЦСУ, в СССР свыше шестидесяти процентов населения проживало в сельской местности. А сейчас — меньше одной трети. И такое резкое сокращение численности сельских жителей отражало бурный рост индустриальных центров, которые, словно магнитом, притягивали к себе молодежь из глубинки, но зато с каждым годом направляли в деревню все более мощную и разнообразную технику, компенсируя этим убыль людей.

Однако Матрена Васильевна смотрела на эту проблему

совершенно иначе. Она переживала глубокую личную драму: ее дом постепенно начал пустеть.

Первой подалась в Протвино Нина. Устроилась там секретарем-машинисткой в какое-то учреждение, потом вышла замуж, получила квартиру да так и осталась в городе.

Затем, взяв пример с сестры, из Селиверстова уехал Алексей. После восьмилетки он отправился в Боровск — тоже Калужской области,— закончил там ФЗУ по специальности плотник-маляр, а потом ушел служить в армию. Мать всей душой надеялась, что демобилизованный солдат вернется в родное село — ведь строители очень нужны были и в колхозе. Однако Алексей снова предпочел Боровск. Видимо, неспроста присох к нему, потому что вскоре женился на боровчанке, поступил красильщиком на Ермолинскую ткацкую фабрику, построил хороший дом и, подобно Нине, тоже стал горожанином.

Казалось бы, не так уж далеко от родного гнезда обосновались старшие дети, чуть ли не каждый месяц наведывались в гости. Однако Матрена Васильевна измеряла свои радости и печали не расстояниями и даже не частотой встреч. Все человеческие занятия для нее, потомственной крестьянки, делились на те, что неразрывно связаны с землей, и на другие, которые от земли отделены, оторваны. И, поскольку Нина и Алексей ушли в город, мать горестно считала, что находятся они где-то бесконечно далеко — в иной, совершенно незнакомой ей жизни.

Но хуже всего было то, что отъезд старших детей не был ни случайным, ни исключительным. У Матрены Васильевны сердце ныло не только за свой начинавший пустеть дом, но и за все Селиверстово, которое постарело как-то вдруг, сразу, неожиданно быстро, буквально за несколько лет.

А еще Матрена Бекетова чувствовала, что такое стремительное, не по возрасту, не по срокам старение — удел не одного лишь Селиверстова. И верно, повсюду в Нечерноземье заметно поубавилось молодежи, поутих этот голосистый, песенный край, реже стал гомонить гармонями и частушками до рассвета. Все чаще начали попадаться в здешних селах хаты с закрытыми и наглухо, крест-накрест заколоченными ставнями. Куда там,— целые селения становились необитаемыми.

С печалью узнавала Матрена об увядании окрестных та-

русских деревушек, и казалось ей, что начала мелеть здесь река жизни.

А в 1963 году внезапно умер Иван Кузьмич, и с новой, особой цепкостью стала хвататься мать за двоих сыновей, все еще остававшихся под родным кровом.

Средний, Владимир, отправляясь на воинскую службу, дал матери твердое слово обязательно вернуться в Селиверстово. Правда, направили его куда-то неведомо далеко — в Среднюю Азию, письма сын присылал редко, и Матрена опасалась, что он отвыкнет от дома. Но к ее превеликой радости через три года — в ту пору таким был срок армейской службы — Владимир объявился в родных местах и сказал матери, что намерен сдержать свое обещание: навсегда останется в Селиверстове.

А вот самого младшего, Сергея, Матрена Васильевна опять не уберегла.

В самостоятельную жизнь он входил в конце шестидесятых годов, когда стремление деревенской молодежи перебраться в город достигло, кажется, наивысшей силы, пика. Поэтому, окончив некрасовскую школу-восьмилетку, Сергей сразу же уехал к старшему брату в Боровск — никакие советы и уговоры остаться в родном селе на него не подействовали. В город, только в город!

Там пошел Сергей учиться в девятый класс ермолинской школы, а одновременно помогал Алексею строить дом — хороший, большой, шлакоблочный, в котором планировалось место и для него самого. Однако скоро Боровск Сергею разонравился, и он перебрался к сестре в Протвино: стал учеником токаря, считал, что приобретает хорошую городскую профессию.

А потом военкомат послал его учиться на курсы шоферов, и вскоре после их окончания Сергея Бекетова призвали в армию.

Матрена Васильевна пыталась и с младшего сына взять обещание, что он вернется в Селиверстово, но парень, который, по мнению матери, был уже избалован городской жизнью, не желал на эту тему даже разговаривать. Наоборот, считал воинскую службу как бы трамплином, с которого можно прыгнуть куда-нибудь далеко и высоко — подальше от деревни Селиверстово.

И верно, через два года по комсомольской путевке отправился совсем уж далеко, за тридевять земель — в высокие северные широты, в заполярный город Норильск.

Поехал не один, а вместе с армейским другом Николаем Сдобновым, который был родом из подмосковного городка Железнодорожный. Два демобилизованных солдата, крепкие, сильные парни — ростом Сергей под сто восемьдесят сантиметров, а весом под девяносто килограммов, богатырь! Сперва работали плотниками-бетонщиками на стройке. А через полгода Бекетов стал шофером в знаменитом поселке Талнах, на горно-металлургическом комбинате имени Завенягина. В письмах домой сообщал, что очень доволен городской жизнью и рассчитывает в будущем получить в Норильске хорошую квартиру.

Никак не предполагала Матрена Васильевна, что именно младший ее сын, выросший в самых лучших условиях, когда по-настоящему наладился дом Бекетовых в Селиверстове,— разве сравнить его детство с военными и первыми послевоенными временами! — окажется самым непоседой. Думать не думала, что переменит он столько городов, а в конце концов обоснуется в таинственном, каком-то «потустороннем» заполярном Норильске, где, по Сережиным письмам, зимой солнце вовсе не всходит и стоит сплошная ночь, без дня.

Из четверых детей только Владимир остался согревать Матренину старость. Да и то каждый день тревожилась мать о том, что вот-вот и он сорвется с места, улетит неизвестно куда из родного дома. И лишь тогда немного успокоилась, когда средний сын женился на девушке из соседнего села Исканское и когда наконец-то появился в доме Матрены Бекетовой первый внук.

Через Исканское раньше тоже проходил транзитный путь — правда, не тракт, соединявший губернии, как в Селиверстово, а просто большак, который короткой дорогой вел из Некрасова в Тарусу. По этой полевой и лесной прямушке до райцентра было всего-то километров шесть-семь, поднимались путники на пологую вершину, которая, как сообщалось в военных сводках, господствует над местностью,— и глазам сразу открывалось Исканское, искать не надо.

А насчет военных сводок разговор неспроста. Как раз здесь в годы Великой Отечественной войны проходил последний на этом направлении подмосковный рубеж обороны, дальше фашистов не пустили. Километрах в трех-четырех от Исканского расположено село Кузьмищево, через него-то и прокатился главный огненный вал, о чем и сегодня напоминает полуразрушенная снарядами церковь с карликовой березкой, вцепившейся корнями в остатки купола.

В числе других советских солдат это село освобождал командир снайперского взвода 49-й армии Иван Кустов, дошагавший до Берлина и расписавшийся на одной из колонн поверженного рейхстага. После войны он приехал в Кузьмищево и стал председателем созданного здесь колхоза «Заря». Девятнадцать лет председательствовал, к боевым наградам добавил трудовые. А потом перевели его директором в совхоз «Рощинский», тоже в Тарусском районе, в самое отдаленное и, пожалуй, самое тяжелое по своим условиям здешнее хозяйство.

Исканское, как и Селиверстово, находилось во владениях колхоза «Большевик», а потому сверстники из этих деревень хорошо знали друг друга. В детские годы вместе гурьбой отправлялись в Заклятой лес и отыскивали там стреляные гильзы, а то и неизрасходованные патроны. «Для интересу» бросали их в костер, и лишь чудом никто из здешних ребят не пострадал от тех смертельных забав. А в других районах Калужской, Смоленской, Брянской областей, на территории которых шли бои, немало мальчишек послевоенного поколения, по незнанию и любопытству баловавшихся найденными боеприпасами, остались калеками — так страшно аукнулась для них война.

Братья Бекетовы из Селиверстова не раз встречались с Виктором Назаровым из Исканского: он был на два года моложе Владимира и на столько же старше Сергея, родился в 1950 году. И судьбы у всех троих поначалу складывались одинаково: все они закончили некрасовскую восьмилетнюю школу. Но Назаров, чтобы учиться в девятом классе, отправился не в Боровск, а в тарусскую школу-интернат.

Он тоже мечтал о чем-то далеком и высоком, точнее говоря,

хотел стать летчиком. Но встретился на его пути человек, который помог Виктору по-новому понять жизнь, заставил впервые серьезно задуматься не только о своей личной судьбе, но и о судьбах родной земли. Это был воспитатель тарусского интерната Михаил Ерофеевич Климов. Именно он однажды произнес слова, которые запомнились Назарову на всю жизнь, зарубками легли в память: «В небе-то хорошо летать, да ведь пряники и булки, они не в небесах и не на асфальте растут, их в сельском хозяйстве выращивают, на земле. Ты улетишь, другой уедет, третий уйдет... Кто же на твоей земле останется, а?»

Для Назарова эти слова были наполнены конкретным смыслом: две его старшие сестры тоже отправились искать свое счастье в Протвино. Да и вообще Исканское становилось малолюдным, средний возраст его жителей быстро приближался к пенсионному.

Однако и жизнь не стояла на месте.

В 1965 году состоялся мартовский Пленум ЦК КПСС, открывший перед сельским хозяйством новые пути развития и широкие горизонты. Всеобщий интерес к аграрному производству всколыхнулся с огромной силой. Конечно, улавливали его в ту пору лишь немногие из парней и девчат, по инерции стремившихся в города. Но именно в разгар, в самый пик этого не всегда осознанного стремления, как нередко бывает в общественной жизни, начали пробиваться ростки иного, более трезвого подхода молодежи к выбору профессии, к поискам судьбы. Самые вдумчивые, самые основательные стали всерьез задумываться о том, чтобы связать свое будущее с работой на земле.

Годом старше учился в тарусской школе-интернате Володя Иванов, приехавший из деревни Вятское,— рукой подать от Селиверстова и Исканского, ну совсем рядышком, хотя находилось Вятское уже на угодьях совхоза «Лопатинский». Отец Володи, Иван Иванович Иванов, был известным в районе механизатором, дельный, толковый, он гремел на всю округу. И сын его, видимо, перенял особую любовь к земле, задумал продолжить родительское дело, а потому в 1966 году поступил в Московский институт инженеров сельскохозяйственного производства имени В. П. Горячкина.

И этот пример вдохновил Виктора Назарова. Он решил пойти таким же путем.

Да и тогдашний секретарь парткома колхоза «Большевик» Анатолий Георгиевич Иванов, встречая десятиклассника, каждый раз интересовался у него: «Какие планы?» Не желает ли учиться в институте на колхозную стипендию. Хозяйству позарез требовались молодые специалисты, и оно готово было нести расходы по их обучению. Поэтому сразу после выпускного вечера Виктор смело направился в правление колхоза, к председателю Андрею Александровичу Климову, однофамильцу воспитателя тарусского интерната.

Климов встретил его приветливо, однако со скептической улыбкой. Даже он не мог поверить в 1967 году, что единственный на весь «Большевик» выпускник школы-десятилетки, окончивший ее с серебряной медалью, всерьез мечтает работать в колхозе. Много лет спустя Андрей Александрович искренне признался Назарову: «А я ведь, честно говоря, тогда решил, что ты просто за льготным направлением пришел, чтобы вне конкурса поступить в институт, а затем где-нибудь в городе пристроиться...»

Но пристраиваться в городе Назарову нужды не было — его прямо-таки за уши туда тянули.

Дело в том, что учился Виктор отлично, а кроме того, в институтские годы работал лаборантом на кафедре теплотехники. Даже не лаборантом, а старшим лаборантом, что прибавляло хлопот и ответственности, зато было хорошим подспорьем к стипендии: ведь от родительской помощи Назаров отказался полностью, решил обеспечивать себя сам. В результате его очень хорошо узнали в институте и за несколько дней до защиты диплома ему сделали очень лестное предложение.

Защищался он, разумеется, на кафедре теплотехники. И руководитель его дипломного проекта, доцент Надежда Ивановна Итинская, которая по достоинству оценила трудолюбие и способности своего студента, сказала ему:

— Ну, Виктор, можешь считать, что институт ты уже закончил. Не сомневаюсь, защита пройдет отлично — хороший у тебя дипломный проект. Я за то, чтобы ты поступил в аспирантуру, с удовольствием оставим тебя на нашей кафедре,

знаем тебя и верим в твои способности, в твою порядочность. Вопрос этот уже согласован, так что поздравляю от души.

Итинская была уверена, что эту сногсшибательную новость Назаров встретит с восторгом. Еще бы, приглашают в аспирантуру! И несказанно поразилась, когда услышала в ответ:

— Большое спасибо, Надежда Ивановна, за такое доверие. Но я поеду в свой колхоз...— Назаров сделал небольшую паузу и добавил: — Хочу быть председателем.

Конечно, насчет председателя Виктор пошутил. А вот о своем желании работать в колхозе сказал очень серьезно: этот вопрос был для него предрешен, и никакие самые заманчивые предложения не могли повлиять на сделанный выбор. Назаров очень чутко улавливал веяния жизни и считал, что его место — на переднем крае, хотел работать непосредственно на земле.

Однако по молодости лет он даже в мечтах не мог предположить, что ровно через десять лет после возвращения в Некрасово действительно станет председателем родного колхоза «Большевик».

Но приятные сюрпризы начались сразу: уже через два месяца Виктора Назарова назначили руководителем всей инженерной службы колхоза.

Это было интересно, перспективно, и в то же время ответственная должность предъявляла к молодому специалисту особые требования. Машинный парк колхоза увеличивался с каждым годом. В институте Назаров изучал новейшие тенденции развития сельскохозяйственного машиностроения и понимал, что дело не только в количественном росте: вот-вот на вооружение аграрного производства начнут поступать очень сложные механизмы, для управления которыми нужны толковые, грамотные парни.

В те годы в Нечерноземной зоне, да и повсюду в стране, костяк колхозно-совхозных механизаторов составляли люди, родившиеся в конце двадцатых или в начале тридцатых годов. По малолетству они не принимали участия в Великой Отечественной войне, а потому их поколение почти полностью уце-

лело, оно весьма многочисленно по сравнению с предшественниками, родившимися в начале двадцатых годов, многие из которых погибли на фронте. Именно это поколение взвалило на свои плечи главную тяжесть послевоенного возрождения деревни и героически восстанавливало аграрное производство.

Но многие из этих людей не смогли закончить даже семилетку. И когда город впервые направил в село особо мощный поток техники и механизмов — а произошло это в семидесятых годах,— сразу обнаружилось, что недостаток образования дает о себе знать, не позволяет по-настоящему использовать сложные машины.

Как сельхозинженер, Назаров понимал это особенно ясно. И предложил председателю колхоза Климову обучать будущих механизаторов начиная с восьмого класса: сам проводил факультативные уроки в школе, разъясняя теорию. Организовал практические занятия на машинном дворе. В общем, заранее принялся готовить кадры для своей инженерной службы. И конечно, пытался привлечь в колхоз тех, кто постарше, кто окончил школу несколько лет назад и уже отслужил в армии.

Как раз в тот период Назаров и повстречал Сергея Бекетова.

Собственно говоря, Бекетов сам пришел к главному инженеру. Свыше полутора лет парень не был в родном Селиверстове, зато получил отпуск сразу на четыре месяца — северяне отдыхают по два месяца в году. Конечно, первое время Сергей наслаждался знакомыми местами — удил рыбу на Протве, собирал ягоды, летние грибы — колосовики. Однако постепенно безделье навалилось на него тяжким грузом, он вообще оказался в каком-то странном положении: лето в разгаре, все кругом работают с утренней до вечерней зари, и только младшему Бекетову делать нечего. Силищи — хоть отбавляй, руки умелые, а куда себя деть, не знает.

Только тут Бекетов понял простую истину: отпускнику хорошо на курорте или в доме отдыха, там будешь равным среди равных — все отдыхают. А когда друзья и соседи трудятся день-деньской, долго на завалинке не усидишь. При одной лишь мысли, что такая жизнь может продлиться целых четыре месяца, Бекетову становилось не по себе.

И он не выдержал, пришел к главному инженеру Назарову, попросил временно принять на работу.

Виктор дал Сергею старенький ГАЗ-51, который сперва надо было основательно подремонтировать. И опытным глазом сразу подметил, что у Бекетова дело спорится,— работящий парень и умелый. За несколько дней восстановил грузовик и три месяца, считай, весь летний сезон, отлично на нем потрудился. От такой неожиданной подмоги у главного инженера заметно поднялось настроение.

И когда младшему Бекетову подошел срок возвращаться в заполярный Норильск, Назаров принялся горячо убеждать его остаться в колхозе, соблазняя совсем новенькой, с иголочки, «молоканкой», которая вскоре должна была поступить в хозяйство,— машиной ГАЗ-66 с цистерной для молока, грузовиком повышенной проходимости: два ведущих моста! О нем мечтает каждый сельский шофер. Вдобавок сесть за руль совершенно новой, с завода, машины — почет особый. Праздник!

Долго, с внешне сдержанной, но отчаянной, идущей из глубины души материнской мольбой просила, уговаривала Сергея не уезжать из Селиверстова и Матрена Васильевна. Когда младший сын начал работать шофером, поднимаясь спозаранку и возвращаясь домой затемно, когда увидела мать, как легко и свободно втянулся он в этот извечный летний крестьянский ритм, она стала втайне мечтать о том, что сын зацепится здесь навсегда и не улетит снова в свой далекий Норильск. Со страхом и надеждой ждала, какое он примет решение.

Но Сергей даже не колебался — Норильск, только Норильск! И укатил так же стремительно, как приехал, оставив Матрене Васильевне материнскую слезную долю.

Однако тот длительный отпуск в родном Селиверстове не прошел для Бекетова даром. За шесть лет, минувших со времени его отъезда в Боровск, многое, очень многое в «Большевике» переменилось. Да и не только в «Большевике»,— вообще в Нечерноземье. За три месяца Сергей успел

немало поколесить по району, ездил на своем грузовике и в дальние рейсы. И всюду обнаруживал какие-то новые, непривычные приметы. Гораздо больше видел самой различной техники, заметно улучшились асфальтовые дороги, здесь и там вставали новые дома, даже целые поселки. Да и людей, казалось ему, было побольше, а главное, настроение у них стало иным.

Вспоминал Сергей Бекетов, что в конце шестидесятых годов его сверстники да и он сам чувствовали себя в деревне как бы временными — с нетерпением ждали окончания восьмилетки, чтобы отправиться в город. И большинство родителей такое стремление поддерживали, говорили: нечего, мол, детям жить «в колхозе да в навозе», пусть «на асфальт» едут. Матрена Васильевна, всегда твердо стоявшая за домашние крестьянские профессии, была почти исключением, не раз выслушивала от соседок упреки в непонимании нынешней молодежи. А в середине семидесятых годов уже многие стали рассуждать так, как Матрена Бекетова.

Но пожалуй, сильнее всего удивил отпускника Виктор Иванович Назаров — именно Виктор Иванович! Хотя держался он с Бекетовым запросто, словно в детские годы, у Сергея язык уже не поворачивался называть его просто по имени. И вовсе не в должности тут было дело, в Некрасове, бывало, иных начальников до старости Иванами кликали.

Не в должности, а в авторитете!

И сам тот факт, что молодой парень, его сверстник, с которым вместе когда-то отправлялись в Заклятой лес, сумел добиться в родном колхозе такого уважения, говорил о многом. Сергей Бекетов сердцем чувствовал: деревня пошла вверх. Пусть еще далеко не все ладилось, пусть много, очень много предстояло ей решить проблем, но одно было совершенно ясно: худшие времена позади, впереди — крутой подъем.

И ровно через год, в июле 1976-го, Сергей Бекетов вновь объявился в Селиверстове.

Приехал неожиданно, без оповещения, но зато навсегда. И не один — с женой Татьяной, которую привез из Норильска.

В тот памятный для нее день Матрена Васильевна просветлела и впервые почувствовала, что ее материнские надежды

начинают сбываться. Но она все же не думала, что вскоре жизнь повернется так прекрасно, как ей даже не мечталось, в снах не снилось.

Разумеется, Сергей получил обещанную ему «молоканку», хотя на ней уже слегка поездили. И начал курсировать по маршруту Некрасово — Таруса.

В цистерну вмещалось полторы тонны, и поэтому каждый день приходилось делать по три рейса. Поднимался Бекетов в половине четвертого утра, объезжал все фермы, собирал вечерошнее молоко и отвозил его на завод. Возвращался — и снова делал круг по хозяйству, перекачивая в цистерну молоко утрешнее. А часа в три, после дневной дойки, точно так же брал обедешнее молоко. Работал четко, часы можно было проверять по его рейсам. Иначе нельзя, иначе молоко прокиснет.

С километражем у него выходило так: верст пятнадцать — по колхозным проселкам, да столько же по асфальту до Тарусы. Если учесть обратный путь, то получалось, что за каждый рейс он проезжал сорок пять километров. Итого за день: сто тридцать пять. Вот так и крутился три с половиной года. В любую погоду — ведь молоко ждать не может. И ни единого раза не застрял, всюду, даже по сильно разбитым в распутицу подъездным путям к фермам, пролазил на своем вездеходе.

Впрочем, однажды он все-таки завяз в грязи, да так прочно, что потребовался гусеничный трактор, чтобы вытащить молоковоз из трясины.

Произошло это на Дубке. Так называлось глухое, трясинное место на бывшем, полузаросшем большаке, который когда-то вел из Исканского в Тарусу. Посреди болотца, прямо на дороге, с незапамятных времен там рос крепкий дуб. Никто не мог объяснить, как поднялся он в тамошнем чернолесье на такой не подходящей для дубов сырой почве. Но дерево, мешавшее проезду, все-таки не трогали, старательно объезжали его. А потому здравствовал и зеленел дуб каждую весну, постепенно превращаясь в могучее раскидистое дерево.

Но то место издавна пользовалось среди окрестных жителей

дурной славой: поговаривали, что там обосновались когда-то разбойные люди. Находились даже такие, кто утверждал, будто пострадал на Дубке от чьей-то руки. В общем, по заброшенной дороге предпочитали не ездить, тем более с весны до осени лесная трясина не пропускала тяжелые машины,— раньше-то путь там коротали на телегах, а гужевой транспорт, известно, лучше приспособлен для разбитых проселков.

Но стояла глубокая осень, уже прошли первые заморозки, и Сергей Бекетов надеялся, что трясину основательно подморозило. Думал: самое время для того, чтобы использовать прямушку,— болото встало, а заносов еще нет. Однако просчитался. Груженый молоковоз продавил некрепкий еще ледок и ухнул в топь, как говорят шофера, сел на мосты. Иными словами, колеса его как бы повисли в воздухе, крутились, да за почву не цеплялись, болтались в грязи, и все. Тут уж и вездеход бессилен.

Нет, все-таки не зря за Дубком утвердилась дурная слава, если здесь попал в ловушку даже такой классный водитель, как Сергей Бекетов.

Попытался было парень самостоятельно выбраться из трясины, но вскоре понял: бесполезно! Плюнул в сердцах и отправился в Исканское, позвонил оттуда в Некрасово, вызвал тракторную подмогу.

А других приключений с ним не происходило. Исправно и добросовестно Бекетов вывозил молоко из тарусской глубинки, причем делал это один, без помощника. А работенка была не из легких — под стать его богатырской силе. На фермах полные фляги опускали в неглубокие колодцы с проточной холодной водой: герметично закрытые бидоны, нырнув «с головой», стояли там словно в холодильнике. Сергей нагибался, схватив фляги за удобные ручки, вытаскивал их из колодцев, открывал крышки и с помощью насоса закачивал молоко в цистерну.

Бидон весил почти сорок килограммов. Если же учесть, что за каждый рейс по фермам Бекетову приходилось поднимать свыше тридцати бидонов — а в день он делал три рейса,— то простая арифметика подсказывала: Сергей тренировался, словно тяжелоатлет, ворочая ежедневно почти по пять тонн груза.

А потом были другие машины — и подержанные и новые: сельские шофера измеряют свою трудовую биографию числом грузовиков, на которых приходилось работать, и так же бережно хранят о них память, как крестьянин всю жизнь помнит своих былых лошаденок — он их и понукал, и хлыстом стегал, а любил и кормил лучше, чем себя.

Но в какой-то год, когда подошла очередная уборочная страда, Сергей Бекетов попросил Назарова посадить его на комбайн. Виктор Иванович стал уже председателем колхоза «Большевик», умело маневрировал людьми и старался сделать так, чтобы работа для них была интересной, разнообразной. Потому просьбу Бекетова уважил и не ошибся: Сергей на жатве потрудился на славу.

В ту пору — в самом начале восьмидесятых годов — отряд комбайнеров, состоявший из шести механизаторов, лишь формально числился в «Большевике» единым отрядом. На самом деле каждый человек работал сам за себя и получал зарплату со своего обмолота. Но уже громко стучалась в дверь бригадная форма организации труда, и все — начиная с председателя, парторга и кончая рядовыми механизаторами — отчетливо понимали, что она несет с собой огромные преимущества для каждого в отдельности колхозника и для всего коллектива в целом.

Во время обедов на полевых станах, встречаясь на машинном дворе, люди все чаще и чаще заговаривали о том, чтобы перейти на подряд. Но нужна была чья-то инициатива, чей-то пример, кто-то первым должен был перейти от слов к делу. И как-то само собой получилось, что, готовясь к жатве-82, комбайнеры предложили взяться за создание бригады Сергею Бекетову. Он был самым молодым из них по стажу, но зато и единственным в отряде коммунистом.

Кому же, как не ему, возглавить первую бригаду?

Назаров, конечно, полностью поддержал комбайнеров. Колхозный экономист Анна Кузьминична Паршина тщательно обсчитала все параметры жатвы, сопоставив затраты с прибылями, и путь к бригадному подряду был открыт — пожалуйста, трудись!

Однако Бекетов, которого единодушно избрали бригадиром,

понимал, что сначала предстоит решить еще одну, самую главную проблему.

Во все предыдущие сезоны выработка механизаторов была различной: один намолачивал больше, другой — меньше. Во-первых, сказывались мастерство, умение, опыт. Во-вторых, на новом комбайне, безусловно, работалось легче, чем на стареньком. В-третьих, разные попадались поля и загонки: в одних местах хлеб стоял ровный, чистый, в других был полеглый, что сказывалось на производительности. Наконец кому-то просто могло не повезти: сломается комбайн, пусть даже новый,— вот и потеряно несколько дней страды. Но все эти рабочие моменты имели значение лишь для каждого механизатора в отдельности и совершенно не затрагивали интересы его товарищей по комбайновому отряду.

И совсем иное дело при бригадном подряде, смысл которого состоит в работе на единый наряд: иными словами, предстояло сложить вместе все заработки, а потом разделить их поровну между всеми членами коллектива.

Согласятся ли на это самые опытные комбайнеры, привыкшие зарабатывать больше других? Этот вопрос серьезно беспокоил бригадира.

Поэтому, когда подошло время окончательно решать вопрос о переходе на бригадную систему, Бекетов собрал всех шестерых механизаторов и держал перед ними такую речь: «Давайте решим все заранее, чтобы потом не было никаких обид. Значит, так. Получаем все поровну, независимо от того, кто сколько намолотит. Пусть один на пятьсот рублей, а другой хоть на сто. Мало ли что может случиться: вдруг у кого-нибудь комбайн сломается? Он простоит день-два, а мы будем косить. Но если сейчас единогласно проголосуете, то чтоб потом никаких споров, договорились? Ну, как будем решать? Поровну?.. Ставлю вопрос на голосование. Кто «за»?»

Все дружно подняли руки.

Бригадный подряд — дело сугубо добровольное. Администрация колхозов и совхозов не вправе заставить механизаторов трудиться на единый наряд, только сами они могут принять такое решение. Но для этого необходимо осознать, что объединение в бригаду заметно меняет отношения в коллективе.

Раньше некоторые старались захватить загонку повыгоднее, а поломка комбайна у соседа не очень-то беспокоила других механизаторов. Но единый наряд разом все переменил: заработок каждого начал зависеть от общих усилий, люди принялись помогать друг другу, сплотились. И общая выработка шестерки комбайнеров заметно выросла по сравнению с прежними сезонами. А в результате люди и зарабатывать стали больше, чем раньше, никто в накладе не остался. Эта прибавка пошла в основном за счет того, что новички подтянулись до уровня самых опытных.

И сразу стало ясно: особенно много преимуществ бригадный подряд сулит молодежи.

Это доказал своим примером Васек Соколов.

Он окончил некрасовскую восьмилетнюю школу, прослушал факультативный курс вождения тракторов, который читал Назаров, и пришел работать на стан, как называли в колхозе «Большевик» машинный двор. Но поскольку было ему всего лишь пятнадцать лет с хвостиком, то трудился он только по четыре часа в день — учеником на ремонте тракторов и комбайнов. А после обеда вместе с опытным наставником садился на «Беларусь» и подвозил на фермы корма.

Такую практику проходили многие некрасовские ребята. И через год, когда получали паспорта, они уже могли сдать государственный экзамен на право вождения тракторов: во главе комиссии, принимавшей экзамен, всегда был дядя Вася Курятников из Тарусского райсельхозуправления, которого знали абсолютно все местные мальчишки.

А получив права, ребята начинали самостоятельно работать в колхозе, выполняя самые различные задания и целыми днями находясь «в седле» — на своих железных лошадках «Беларусь».

Но за пределы хозяйства их старались все-таки не посылать, поскольку у парней практически не было опыта езды по дорогам с интенсивным движением. Это очень красноречиво доказал случай, происшедший с двумя молодыми трактористами, которым поручили отвезти скот на серпуховской мясокомбинат.

В городе, полном автомобилей, парни слегка растерялись и, желая поскорее проскочить какой-то светофор, сделали

слишком крутой поворот. Но забыли, что в тракторной тележке у них живой груз — бычки. А живой груз, как известно, в кузове не крепится и имеет способность смещаться. Короче говоря, все животные, потеряв равновесие, шарахнулись к одному борту, прицепная тележка сильно накренилась, а затем и вовсе перевернулась, после чего бычки вприпрыжку разбежались по серпуховским улицам, распугивая прохожих.

Конечно, на место происшествия прибыла патрульная машина госавтоинспекции. Конечно, ребят в первую очередь отвезли на соответствующую экспертизу. Когда выяснилось, что никаких отягчающих обстоятельств нет, автоинспектор подобрел, но протокол решил все же составить.

И вот тут-то началось самое интересное.

Дело в том, что в колхозе «Большевик» трудятся четверо... Пушкиных — четыре человека, которые носят эту фамилию: отец с сыном, а еще двоюродные братья Сергей и Олег. И вот именно этим двум ребятам поручили срочно съездить в Серпухов. Но мало того, что они нарушили правила движения,— Сергей и Олег по извечной сельской привычке даже не захватили с собой никаких документов. В колхозе-то их все в лицо знали — зачем водительские удостоверения в кармане таскать? Не ровен час, потеряешь.

В результате при оформлении протокола произошел поистине казус.

Инспектор пригласил в комнату разбора дорожно-транспортных происшествий одного из незадачливых трактористов и спросил:

— Фамилия?

— Пушкин.

— Я говорю, фамилия...— повторил инспектор.

— А я и отвечаю: Пушкин.

— Ты что, надо мной смеешься?

— Почему смеюсь? Я ж говорю: Пуш-кин Олег Иванович.

Инспектор подозрительно посмотрел на парня и сказал:

— Смотри, так и напишу. Потом пожалеешь... За такие шуточки знаешь что бывает? Все равно разыщем.

— А что меня искать? Я из «Большевика».

— Из «Большевика»?

Парадокс состоял в том, что земли калужского колхоза «Большевик» граничат с угодьями подмосковного совхоза «Большевик», знаменитого овощеводческого хозяйства, которое снабжает столицу капустой, картошкой, морковью, свеклой. Поэтому возникла дополнительная путаница: инспектор решил, что речь идет о серпуховском «Большевике», тут же снял телефонную трубку, позвонил в дирекцию совхоза и навел справки. Но разумеется, ему с юмором ответили, что никаких Пушкиных знать не знают, кроме, конечно, Александра Сергеевича, который в совхозе никогда не работал и на тракторах не ездил.

И никакие последующие объяснения молодого тракториста уже не могли убедить автоинспектора, который счел необходимым еще раз предупредить Олега о грозящей ему ответственности за обман милиции.

Однако следующий акт этой «интермедии», разыгравшийся, когда в комнату вошел Сергей Пушкин, был еще более увлекательным.

— Фамилия? — спросил уже сердитый инспектор.

— Пушкин.

— Что-о-о?

— Я говорю: Пушкин моя фамилия.

— Вы что, издеваться? — вскипел инспектор.— Думаете, на вас управы не найдем? Фамилия! Отвечай, как твоя фамилия? Я тебя спрашиваю.

— А я и отвечаю: Пушкин моя фамилия.

— Ах так! Ну хорошо...— Инспектор яростно принялся заполнять протокол.— Распишись! И вот здесь распишись. А теперь я тебе прочитаю, какую ты будешь нести ответственность за дачу ложных показаний.

И полез в сейф за уголовным кодексом.

Вот такая произошла с братьями Пушкиными история, над которой долго потом хохотали в колхозе. Но смех смехом, а все-таки окончательно решили поручать молодым механизаторам только такие задания, которые не связаны с выездом за пределы хозяйства.

Васек Соколов тоже крутился на «Беларуси» по территории колхоза. Однако репутация у него была не ахти какая: парень

не отличался хорошей дисциплиной, из-за чего ответственных дел ему не поручали, мог опоздать на работу, а то и вовсе прогулять. В общем, общественное мнение деревни зачислило его в разгильдяи, чуть ли не рукой на него махнули. И Васек даже не пытался перейти в другую «категорию», просто тянул время до армейской службы.

А в жатву-82 его и вовсе поставили помощником комбайнера — работа, можно сказать, не квалифицированная. Ходил он в подручных у одного пожилого механизатора и безвольно плыл по волнам житейского моря.

Между тем механизатор этот был единственным из шестерых, кто не очень одобрял единый наряд. Голосовать-то он за него голосовал, но, когда началась жатва, частенько ворчал и, как говорится, выпадал из общей дружной работы. А потом и до конфликта дело дошло. Поэтому бригада решила на следующий год от него избавиться.

Но кем заменить?

Сергей Бекетов тоже считал Соколова разгильдяем. Однако, как бригадир, опытным глазом заметил, что паренек он толковый, в комбайнах кое-что соображает и порой даже подает неплохие советы своему старшому. Вот и возникла у Бекетова мысль сделать Васькá настоящим комбайнером.

Прежде всего он посоветовался с товарищами. Что значит принять в бригаду новичка? Это для всех может обернуться ущербом. Много он не наработает, и получится, что более опытным комбайнерам придется делиться с ним своим заработком. Вдобавок парень числился на плохом счету. Опасался бригадир, что откажутся ребята от такого «подарка».

Однако вышло наоборот: единодушно решили комбайнеры поручиться за Васька Соколова, помочь ему советом и делом, в общем, вытянуть парня из разгильдяев. А что касается заработка... В конце концов, не ради одних только денег сплотились механизаторы в бригаду, пришлась им по душе дружная работа, в которой каждый чувствовал плечо друга и мог на него опереться. Всего лишь одну жатву «побригадили», а возврат к системе «каждый за себя» уже казался немыслимым.

Получив согласие товарищей, Бекетов подошел к Соколову:

— Слушай, Васек, как ты отнесешься к такому предложению: самостоятельно сесть на комбайн и работать вместе с нами?

Парень глаза вылупил от удивления и словно онемел. Потом вымолвил, вернее, выдохнул только одно слово:

— Страшно!

— Не робей, Вась, мы тебе поможем, с ребятами я уже говорил. Во всем поможем. Но только с одним уговором: работать так работать, чтобы никаких, понял? Чтобы нас не подводить...

Соколов никак не мог прийти в себя и снова выдохнул только одно слово, зато вложил в него все, что чувствовал в тот момент:

— Буду!

И это «Буду!» прозвучало как клятва.

Затем Бекетов отправился к Виктору Ивановичу Назарову.

За глаза тридцатилетнего председателя колхоза уже давно стали называть просто Назаром, и было в этом деревенском прозвище не только полное признание его авторитета, но и что-то свойское, родное. Каждый в «Большевике» словно подчеркивал, что председатель у них тутошний, доморощенный и, значит, до дна понимает здешнюю жизнь.

Выслушав Сергея Бекетова, Назаров почесал в затылке: ну и задачку задал бригадир. Если бы речь шла о том, чтобы выделить Ваську Соколову комбайн для работы по прежней, безбригадной системе, председатель отказал бы не раздумывая,— ни за что! Сломает, загубит, в овраг уронит, сам покалечится — все что угодно можно было ждать от этого разгильдяя. Но тут за Васька ручался целый коллектив, брался вывести его в люди, помочь парню, присмотреть за ним. К тому же речь шла об испытании нравственной силы бригады. Было уже ясно, что по части хозяйствования будущее за подрядом. А как насчет воспитательной миссии?

— Виктор Иванович, давайте попробуем,— продолжал настаивать бригадир.

И Назаров дал согласие.

А вскоре началась жатва-83, и Васек Соколов не только не допустил ни одного нарушения дисциплины, но и поразил всех своими успехами. Когда подвели итоги намолота, выяснилось, что он закончил страду не последним, шестым, а... третьим-четвертым, оказался как раз посередке, средним.

И сразу переменилось к нему отношение в колхозе, люди вычеркнули Васька из разгильдяев, стали признавать. Едва заходил о нем разговор, как произносили короткое, но очень многозначительное для здешней деревни слово:

— А Васек-то Соколов — ого!

Сам парень был счастлив неимоверно. Раньше его держали на вспомогательных работах, особой ответственности он не чувствовал, проявить себя по-настоящему не мог. А тут, в бригаде, сразу сравнялся со всеми, вдобавок оказался не последним. Даже походка у человека изменилась, появилось достоинство в разговорах со сверстниками.

Но когда после жатвы Соколов пришел в бухгалтерию за получкой, его поджидал новый сюрприз: двести пятьдесят рублей за раз! Васек бросился к Бекетову:

— Смотри, Сергей, какие я деньги заработал! Сам, понимаешь, сам! Никогда еще такого не было...

С тех пор словно подменили парня, даже Назаров не переставал удивляться. Васек особенно поразил председателя своей ну прямо-таки показательной дисциплинированностью. Его старший брат в одно из воскресений играл свадьбу, и Виктор Иванович ничуть не сомневался, что в понедельник не увидит Васька на работе. Но — надо же! — следующим утром Соколов, как штык, был у своего комбайна.

И Назаров тоже сказал про Васька:

— Ого!

С каждым годом колхоз «Большевик» все крепче вставал на ноги. Районные строители поставили в Некрасове новую улицу из десяти прекрасных, современных коттеджей — на две семьи каждый. Квартиры были отличные; общей площадью почти девяносто квадратных метров: три комнаты и просторная

веранда, под ней бетонированный погреб, необходимый сельскому жителю. И разумеется, все удобства: газ, ванная, горячая вода, канализация. А во дворе шлакобетонный сарай для поросенка и кур, для скотины.

Из Калуги, даже из южных областей и краев начали приезжать люди в эти прекрасные дома. Впервые за послевоенное время в нечерноземном селе Некрасово появились новоселы.

Более мощная и производительная техника поступала на машинный двор, и председатель Виктор Иванович Назаров радовался, что успел подготовить для нее толковых механизаторов. Хотя трактористов и шоферов, конечно же, как всегда, не хватало.

Но так или иначе, а появилась возможность вести полеводство по-современному, интенсивно, заготавливать вдоволь кормов. А кормовая база, известное дело,— основа животноводства.

Однако, помимо инженерно-агрономических знаний и умения руководить людьми, молодому председателю нужен был еще и крепкий, упрямый характер — для того, чтобы отстаивать свою точку зрения. Дело в том, что жизнь сельского руководителя порой протекает в своеобразном противоборстве с райсельхозуправлением, которое иногда пытается диктовать хозяйствам сроки сева и сенокоса, размеры посевных площадей и так далее, и тому подобное. Причем делается это вопреки партийным решениям — в угоду районной сводке.

Особенно допекали Назарова с сенокосом. В 1982 году на заливных протвинских лугах колхоза «Большевик», а также на угодьях вокруг деревни Льгово был прекрасный травостой. Но Виктор Иванович не торопился давать команду, чтоб приступали косить,— выжидал, пока травы поспеют по-настоящему. А в районе уже во всю развернулась заготовка кормов, на колхоз «Большевик» сильно нажимали, требуя немедленно открыть косовицу. Один за другим председателю подряд объявили три выговора за медленные темпы сенокоса.

Но Назаров все равно не начинал косить. Ждал...

Он внимательно изучил прогнозы синоптиков, посоветовался со старожилами Некрасова, Селиверстова, Исканского, других

окрестных деревень и пришел к выводу, что в сезоне 1982 года на угодьях колхоза «Большевик» складываются условия, благоприятные для поздней уборки сена. Потому что гнался Назаров не только за количеством, но и за качеством кормов, и считал, что на месте ему виднее, когда косить.

К тому же его медлительность не имела ничего общего с нерасторопностью. На машинном дворе в полной боевой готовности стояли многократно испытанные, проверенные косилки и трактора, грузовики тоже основательно подремонтировали, пополнили склад запчастей. Как сельхозинженер по профессии, Виктор Иванович лично проконтролировал всю технику и остался доволен: не подведет.

Но пожалуй, еще важнее было то, с каким огромным нетерпением, горячим желанием ждали косовицу люди. Весь колхоз напоминал самолет, уже выруливший на взлетную полосу, едва сдерживаемый тормозами, готовый в любой миг мощно рвануться в небо.

И когда наконец Назаров дал сигнал открывать косовицу, кормозаготовительный отряд буквально ринулся в луга и поля. Механизаторы и шофера работали с удалью, с огоньком и, как говорится, сами себя превзошли: всего лишь за неделю дали почти семьсот тонн сена, перевыполнив план. И какого сена! Результаты анализов показали, что по качеству оно оказалось лучшим в Тарусском районе.

В 1983 году ситуация почти в точности повторилась. С той лишь разницей, что Виктору Ивановичу Назарову объявили только один выговор за медленные темпы заготовки кормов — как говорится, для порядка. Но он опять выждал свои сроки и снова взял семьсот тонн первоклассного сена.

В следующем сезоне райсельхозуправление оставило его в покое, понимая, что Назаров не подведет. Однако на сей раз вмешалась область: упрямого председателя колхоза «Большевик» даже вызвали на совет областного агропромышленного объединения, требовали приступить к косовице немедленно. Но Виктор Иванович снова запоздал ровно на месяц и третий сезон подряд взял свои семьсот тонн сена — на сто тонн больше плана. Такая уж стояла погода, что, по мнению некрасовских

и селиверстовских мужиков, нельзя было торопиться с сенокосом.

А те председатели колхозов и директора совхозов, которые уступили давлению, не проявили характер, в восемьдесят четвертом году остались почти без грубых кормов — в угоду сводке побыстрее скосили, уложили в валки, а тут грянули затяжные дожди и основательно замочили сено, сильно испортив его качество.

Об этом, конечно, хорошо знал в «Большевике» каждый механизатор. И все гордились тем, что колхоз живет своим умом. Ведь когда заканчивалась горячка с сенокосными сводками и подводили итоги года, неизменно выяснялось, что по кормам хозяйство впереди других. Людям это было приятно, на душе становилось радостно.

И вполне понятно, что на волне этих сенокосных успехов, на опыте, приобретенном во время хлебной страды, в «Большевике» решили применить единый подряд в полном объеме: создать три бригады — по зерну, по кукурузе и по картофелю,— выделить каждой из них землю, людей, технику, семена, удобрения, и пусть занимаются своими культурами от сева до уборки — комплексно.

Бригадиром на зерновых культурах назначили Сергея Бекетова.

Его пахотный клин составил девятьсот гектаров, разбросанных по территории колхоза. Самый большой и самый неудобный массив, 250 га, находился во Льгове. От центральной усадьбы Некрасово до Льгова было всего-то восемь километров, однако расстояния на проселочных дорогах обманчивы: бывает, деревня рядом, рукой подать, а чтобы добраться до нее, нужен гусеничный трактор и несколько часов времени.

Льгово и относилось к разряду вот таких бездорожных деревушек. Уже давно его обитатели по доброй воле, по собственной инициативе перебрались в благоустроенные дома на центральной усадьбе, и остался там один-единственный житель — пенсионер дядя Петя Нестеров. Много раз советовали ему переехать в Некрасово, предлагали дом или квартиру — на выбор. Но дядя Петя предпочитал вековать в одиночку в своем Льгове, говорил, что родился здесь и помереть

тоже хочет здесь. Жил без электричества, без водопровода, но зато чувствовал себя полным хозяином льговской округи — зимой. Потому что летом во Льгово изрядно набивалось дачников, и деревушка как бы оживала.

В общем, для полевых работ угодья вокруг Льгова считались самыми неудобными, доставляя звеньевому немало хлопот. Однако эти дополнительные трудности были, как говорится, цветочками по сравнению с ягодками — другими, гораздо более серьезными проблемами, которые возникли сразу после внедрения бригадного хозрасчета.

Сергей Бекетов воспринимал единый наряд просто и здраво: выделили землю, дали людей, технику — и работай себе на здоровье! Конечно, в соответствии с технологическими картами, которые составляют агрономы и где четко расписано, что и в какой последовательности надо делать. Казалось бы, все ясно. Но на деле так не получалось. Потому что людей в колхозе все еще не хватало, и механизаторов то и дело перебрасывали из одной бригады в другую — латали прорехи.

Действительно, в «Большевике» зерновые культуры и кукурузу на силос сеяли почти в одно и то же время, да вдобавок картошку сажали в эти же сроки. И если Бекетов на утренних планерках требовал для своей бригады механизаторов, два других бригадира, Иван Хрустинский и Николай Косарев, сразу начинали поглядывать на Сергея косо и говорили, что у них тоже большая нужда в людях.

А поскольку Бекетов продолжал работать шофером и часто отправлялся в рейсы в Тарусу, в Ферзиково или в Серпухов, то он порой даже не знал, кто именно трудится на полях его бригады. Колхозный экономист Анна Кузьминична Паршина выдала ему специальный журнал, чтобы учитывать, кто и сколько работает. Но как это делать, если состав бригады все время меняется?

Сегодня, предположим, во Льгово отправлялись одни пахари, завтра — другие, а на третий день — опять новые люди. Бекетов даже не знал, с кого он вправе требовать ответа за некачественную обработку почвы. Нарушался главный принцип бригадного подряда.

Суть подряда в том, что одни и те же люди должны работать на данном поле «от» и «до» — начиная с посевной и кончая жатвой. Поэтому их в первую очередь заботит отдача каждого гектара, которая, разумеется, очень сильно зависит от правильного соблюдения агротехники. Раньше, когда повсюду трудились просто по индивидуальным нарядам, тракториста не очень беспокоило качество вспашки — за ней наблюдали агрономы. Но бригадный подряд все изменил в корне: кто пашет, кто сеет на данном поле, тот и жнет! А значит, весенний брак обернется осенним недобором урожая. Зато при добросовестной работе, если будет дана сверхплановая продукция, члены хозрасчетных бригад получают очень солидную дополнительную оплату — в сильных хозяйствах при окончательном расчете каждому механизатору выдают по несколько тысяч рублей.

Но о чем можно говорить, если в бригаде нет постоянных людей? Какой же это единый наряд?

И пример колхоза «Большевик» показывал, что переход на хозрасчет — дело отнюдь не формальное: создали, мол, бригады, и все. Для его внедрения нужна большая и кропотливая подготовительная работа. Но зато все усилия окупятся сторицей, потому что хорошо поставленная бригадная форма организации труда дает очень заметный рост производительности.

Это в очередной раз доказала жатва 1984 года — ведь именно в период хлебной страды состав бекетовской бригады наконец-то становился стабильным, неизменным. И комбайнеры работали по-настоящему дружно, плечом к плечу.

Васька Соколова в конце восемьдесят третьего призвали на воинскую службу, но ребята решили не искать ему замену. На бригадном собрании постановили: управимся впятером. И сдержали слово. Если на жатве-83 шестью комбайнами они намолотили 900 тонн зерна, то следующей осенью пятью «Нивами» взяли... 1300 тонн. Это значит, благодаря опыту совместной работы, приобретенному в предыдущие годы, выработка каждого механизатора увеличилась почти в два раза. А если быть по-бухгалтерски точным, то на 175 процентов. Это был стремительный рывок вперед.

Особенно радовало то, что успех был коллективным, общим: никто не подкачал. В большом почете ходила бригада комбайнеров, в которой, помимо Сергея Бекетова, числились еще четверо: Владимир Новиков, Михаил Цуркан, Николай Попов — отец (трудится в «Большевике» еще один Николай Попов, его сын), а также... Алексей Бекетов, старший брат Сергея.

Почти два десятка лет он жил в Боровске, работал красильщиком на Ермолинской ткацкой фабрике. Но в летнюю пору его частенько посылали в хозяйства Боровского района для оказания шефской помощи селу. Сперва Алексей трудился там на черновых работах, но потом выучился на механизатора, сдал госэкзамены и помогал на сенокосе, на жатве.

А во время отпусков, конечно, приезжал домой, в Селиверстово, где тоже без дела не сидел: в доме у матери всегда полно хозяйственных забот.

В общем, получилось так, что Алексей Бекетов, хотя и жил в городе, не оторвался окончательно от земли, корней своих не отрубил, не заглохла в нем крестьянская жилка. Больше того, со временем фабрика стала посылать его в боровский колхоз имени В. И. Ленина чуть ли не на весь летний сезон — квалифицированный механизатор требовался хозяйству постоянно.

Но когда из далеких заполярных странствий вернулся в родные края младший брат, неясные сомнения в правильности выбранного пути стали порой посещать Алексея. Росли у него три девочки: старшая вышла замуж и уехала в Обнинск, средняя отправилась туда же учиться на «шлеп-мастера», как в шутку называли Бекетовы штукатуров-маляров, а младшая была еще школьницей, но, по предположениям отца, тоже готовилась улететь куда-нибудь из родительского гнезда. Пройдет еще несколько лет, и останутся они с женой вдвоем — хорошо ли это?

А Сергей, частенько наведывавшийся в Боровск, словно угадывал мысли старшего брата и каждый раз бубнил:

— Ну что ты здесь один живешь, на стороне? Поехали, Леш,

ковскому, которое стояло на асфальтовой трассе,— оттуда мчись куда хочешь. Но вот непосредственно к дому Сергея, к машинному двору, вел разбитый, очень ухабистый и сильно раскисавший в распутицу и в дожди проезд — на легковушке не очень-то проскочишь. Всего лишь нескольких сотен метров хорошо мощенной улицы не хватало для того, чтобы прямо из ворот своего дома вырваться на «Жигулях» или на «Москвиче» в необъятный мир автомобильных дорог.

Алексею в этом отношении повезло куда больше: к десяти новым коттеджам сразу сделали удобный всепогодный подъезд.

Но жилось старшему брату поначалу нелегко. Переездом в деревню и он и его жена Надежда, два десятилетия проработавшая на ткацкой фабрике, были довольны необычайно, даже не помышляли о том, чтобы двинуться куда-нибудь из Некрасова. Но престарелая, часто болевшая теща, конечно, уже не могла расстаться с привычным городом и осталась в Боровске. Вот и приходилось Надежде, что называется, на части разрываться между Некрасовом и Боровском — курсировать туда-сюда. Разве можно больную мать позабыть-позабросить? У всех Бекетовых отношение к родителям было не просто заботливым, а трогательным. Сами так выросли и детей своих так воспитывали.

Между тем Матрена Васильевна уже стала прабабушкой: у старшей дочери Алексея Галины, жившей в Обнинске, подрастало двое детей. Когда родила она второго, то приехала с ними в Селиверстово, отдала детей на воспитание прабабушке, а сама... пошла работать дояркой на здешнюю ферму. Видимо, проснулось в ней что-то бекетовское, крестьянское, и очень хотела Галя навсегда перебраться в деревню. Препятствием служило лишь страстное спортивное увлечение ее мужа, который работал в Обнинске сварщиком на заводе железобетонных изделий и всерьез занимался хоккеем. А в колхозе «Большевик» ни искусственных катков, ни хоккейной команды не держали. Однако Галина все же не теряла надежды на скорый переезд в Селиверстово и неустанно пилила мужа, подтачивая его хоккейную привязанность к городу.

Да и все остальные Бекетовы младшего поколения, которые еще только учились в школе, явно не испытывали того жгучего

стремления умчаться куда-нибудь подальше от родных мест, которое полтора-два десятилетия назад обуревало их родителей. Круто изменилась сельская жизнь, и другими стали настроения молодежи.

Матрена Бекетова дождалась своего часа: старость ее проходила в окружении детей, внуков и правнуков. Снова, как когда-то прежде, был полон жизни и людей первый бекетовский дом в Селиверстове, оплот всей семьи, то родное гнездо, куда слетелись после долгих странствий почти все дети и где они обрели свое счастье.

Тихо радовалась мать, наблюдая, как мощно, дружно встает вокруг новая поросль, как стало быстро оживать Селиверстово, просыпаться от спячки, наполняться детскими голосами, мычаньем коров и незнакомыми автомобильными шумами. Что нужно было самой Матрене, скромно и трудолюбиво прошедшей свой путь? Согретая сыновней заботой, она ни в чем не знала нужды и мечтала не о собственном, а о всеобщем благополучии. О том, чтобы еще более полнокровная, хорошая жизнь пришла в Селиверстово.

Когда настало время праздновать новый, 1984 год, дети и внуки устроили ей особый праздник: в Матренином доме собралась вся семья. Все приехали: сыновья и невестки, дети и внуки, правнуков привезли. Мать со счета сбилась, так много людей никогда еще не собиралось у нее в гостях. Взрослых: трое сыновей и дочь с зятем, трое невесток. А детей: у Алексея трое, у Владимира четверо, у Сергея двое. Еще нужно правнуков учесть... Пыталась было Матрена Васильевна считать, загибая пальцы,— пальцев не хватило.

И первый новогодний тост говорили про нее, про мать. Каждый свое словечко сказал, каждый ей здравствования и многих лет пожелал. А мать, обласканная любовью и вниманием, хранительница домашнего очага, сидела на самом почетном месте за шумным, веселым и многолюдным новогодним столом, какого никогда раньше не знал ее селиверстовский дом, и с ясной верой в будущее думала о благополучии своей родной земли, символом которой была именно она, Матрена Бекетова, потомственная крестьянка, родоначальница и оплот большой дружной семьи, источник ее нравственной силы.

СОДЕРЖАНИЕ

ДОРОГИЕ РЕБЯТА!

Отзывы о прочитанных книгах издательства «Детская литература» присылайте по адресу: 125047, Москва, ул. Горького, 43. Дом детской книги.

ДЛЯ СРЕДНЕГО
И СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

Анатолий Самуилович Салуцкий

МОЯ ЗЕМЛЯ
Книга о новой деревне

ИБ № 9088
Ответственный редактор
Ролланд В. Б.

Художественный редактор
Бирюков Л. Д.

Технический редактор
Золотарёва И. В.

Корректоры
Беспалая Т. В., Куликова Е. В.

Сдано в набор 12.02.86. Подписано к печати 26.06.86. А10142. Формат $60 \times 90^1/_{16}$. Бум. типогр. № 1. Шрифт литературный. Печать высокая. Усл. печ. л. 14,0. Усл. кр.-отт. 14,88. Уч.-изд. л. 12,0. Тираж 100 000 экз. Заказ № 2926. Цена 70 коп. Орденов Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 127018, Москва, Сущевский, вал, 49.

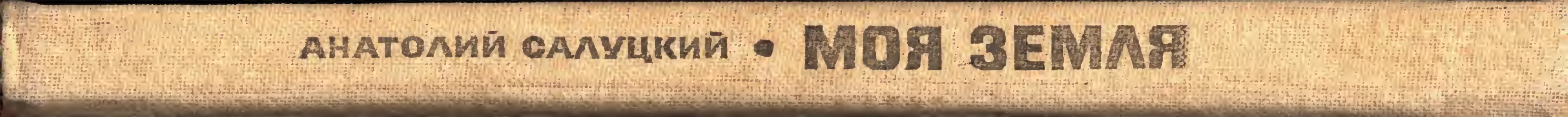
Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот»

70 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

АНАТОЛИЙ САЛУЦКИЙ • МОЯ ЗЕМЛЯ